

СОФЬЯ КУРБАТОВА

РАССКАЗЫ О НЕЖИТИ

КНИГА ВТОРАЯ

КЛИНОК СКОПЦА

МО, Щёлково

ОНТО
 ПРИНТ
сделано - сказано

2010

УДК 82-3.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К93

Курбатова С. В.
К93 Рассказы о нежити. Клинок скопца / С. В. Курбатова — МО,
Щёлково : Издатель Мархотин П. Ю., 2010. — 252 с. : ил.

ISBN 978-5-904456-26-9

УДК 82-3.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-904456-26-9

© Курбатова С.В., 2010
© Художественное оформление.
Курбатов В.В., 2010
© Иллюстрация на обложке.
Игнашин А.А., 2010

Часть первая

ШАМАНСКАЯ ЗЫБЬ

1.

Алешка и Петька, бежали так, что ветер в ушах свистел. Они не думали, кто первый, а кто второй. Каждый, бежал сам по себе, и на какое-то время, забыл о существовании другого. Самое главное, сейчас, было убежать от нарастающего за спиной, шума горящей тайги. Огонь, распространяется со скоростью ветра, а кто из людей, может посоревноваться с ветром? Да никто! Их жизнь, может зависеть, сейчас, от того, как далеко был услышан, шум пожара. Чем дальше, тем больше шансов, не сгореть заживо. Алешка, был легче Петьки, и, убежав далеко вперед, уже было вспомнил о друге, но, в тоже время, в его сознании промелькнуло, что ветер в лицо, уже не от бега. Это, действительно, ветер, который остужал пот на лице и приятно освежал голову. Алешка остановился, и чуть было не задохнулся от сбоя дыхания. Оглянулся. Петьки нигде не было. Алешка перевел дух и громко закричал:

— Петька!!!

Голос, срывался от волнения и быстрого бега.

— Ээге-егей!!!

Ответа не было. Только, далекий шум пожара, перемещался в правую сторону. Гула огня и треска падающих деревьев, было, почти не слышно.

– Пе-етька!!!

Алешка, кинулся назад, все время, крича друга. Когда они побежали, от пожара, то не смотрели по сторонам. Знали, что надо бежать и бежать, как можно дальше и как можно быстрее. Сначала, Алешка слышал, как за спиной, трещали ветки под Петькиными ногами, но потом, отвлекся, и уже не помнил, когда перестал их слышать. Внутри назревала паника, глаза защипало.

– Тут, я! – Голос Петьки, раздался совсем рядом и как-то, неожиданно. Петька, сидел на пеньке и рассматривал пятку на правой ноге.

– Что, зашиб? –

Виновато спросил Алешка.

– Да нет, болит что-то, может, подвернул. А ты, чо так дунул, без оглядки? Ветер, от пригорка, уже навстречу пошел, чо бежать-то было! Ну, ты и бздун!–

Петька достал из кармана, крошки махорки, остро пахнущие никотином. Вытряс, видно у отца, из окурков.¹

– Будешь? – Из второго кармана, появился обрывок газеты. Алешка, молча, протянул руку за газетой, и с видом знатока, облизав край газетного обрывка, свернул «козью ножку», сперва себе, потом Петьке. Они, поровну разделили крошки махорки, забили в приготовлен-

ные Алешкой «козьи ножки», и закурили. Едкий, вонючий дым, перехватил дыхание, и оба закашлялись, матерясь, подражая взрослым.

– Вот, так, кто-то покурил, или костер не зассал. Теперь скоко, выгорит-то? В сторону кедрача, пошло. Может, ручей остановит? Надо домой бежать, взрослым сказать, или хоть деду, что ли.

– Ага, беги скорей. У первого срака, от ремня и загорит. Прошлый раз, когда мы с тобой, в шаманскую пещеру ходили, я, после батиного ремня, четыре дня стоя ел, сидеть не мог! Сказал, еже ли еще, узнает, что туда ходил, вообще зашибет, на хрен.

– Ну, да... Не знаю я, Петька, чо они так, этой пещеры боятся? Хотя, и правда выходит, что шаман-то, передвигается по пещере, как стрелка у часов. Только что, из этого? Чем это, нам-то, с тобой, грозить может? Вот смотри, первый раз, мы были там, в июне, сейчас август. За три месяца, почти, он, как раз, на четвертую часть круга и переместился. Значит, в год, он полный круг проходит.

– Только, никто не знает, когда этот круг начинается! Он, говорят, как круг пройдет, так и оживает. А когда оживает, то нельзя, даже близко, около пещеры находиться, камлает он, погибель там верная, в это время!–

Петька, сделал большие глаза и посмотрел на Алешку.

– Может, это он, огонь-то пустил, чтоб мы с тобой сгорели, за то, что его покой нарушили?! Это точно, он! Откуда бы огню-то взяться, ни грозы не было, ни людей. Говорят же, что когда-то, там мальцов, завалило камнями, насмерть. Они, будто бы, попали, когда он ожил, и каюк! Там камень крепко стоит, не было, ни трещин, ни обвалов, а тут раз, и землетрясение. Пацанов-то откопали, через несколько дней, а остальной камень, кто убрал? Мы-то, с тобой были, нигде ни камушка нет, чтобы завалом пахло. Вся пещера чистая, до самой круглой залы, где шаман-то и сидит.

– Да... Я тоже, удивился в прошлый раз, что пещера-то чистая вся, будто убрано там. И шаман, как живой, бля, сидит. Так и кажется, что сейчас, глаза откроет. Стра-ашно... Но почему, туда, так тянет? Я все равно, пойду туда еще!

Алешка, цыкнул слюной сквозь зубы и затушил «козью ножку».

– А я, не пойду больше. Чо судьбу-то пытаться? В прошлый раз, как сходили, чирьями все ноги пошли. Я бы, и сегодня не пошел, просто обещал тебе, слово держал. А этот раз, чуть не сгорели. Не, не пойду я, больше. Не уговаривай.

Алешка, ничего не сказал другу, повернулся и пошел в сторону дома. Пройдя метров пятьдесят, оглянулся.

– Ну, чо, идешь домой-то, или еще квакать, будешь от страха?

Петька прихрамывая, поплелся следом. Больше они, о шаманской пещере, не говорили.

Алешка знал, что в следующий раз, пойдет один. Он, и не собирался, звать с собой Петьку. Зачем, рисковать другом? Он видел, какие синие шишки, с гнойниками на верхушках, были у Петьки по всем ногам. И жар был сильный. Его еще, уксусом всего, мать натирала. Теперь, на ногах, фиолетовые пятна остались, да и ямками, выболело мясо. На всю жизнь, память о походе останется. А вдруг, и, правда, шаман наказал? Так, меня надо было! Я, позвал его в пещеру-то, и ему же, и от отца, дюже влетело. Не справедливо, как-то.- Думал Алешка, продираясь сквозь кусты жимолости. Про шаманскую-то пещеру, ему дед Петькин рассказал. Рассказал, и будто бы заразил, какой-то одержимостью, к этому месту. Хотя, в рассказе, ничего такого, особенного и не было. Мало ли сказок, да разных небылиц, про тайгу рассказывают. А тут, будто за живое взяло, и ничего с этим, Алешка поделать не мог. И ругали его, и стращали его, и лупили его, но, и днем, и ночью, мысленно, и во сне, проходил Алешка дорогу к этому месту, и всегда хотел, увидеть шамана проснувшимся от вековой спячки. Алешке казалось, что шаман, должен ему сказать, что-то, самое важное в его жизни.

– Ты, Алешка, смекалистый, по пути-дороге, далеко пойдешь из этих мест, со временем.

Говорил дед Федор.

– Но, не забывай, той земли, которая тебя взрастила. Тебя, Алешка, мать родила, а растила тебя, наша родная земля. И вон, то дерево, на которое ты, первый раз забрался, да слетев оттуда, все колени себе и рожу, о кору ободрал. Помнишь? И вон, та собака, которой ты жаловался, когда тебя мамка веревкой отстегает. И болото наше, на котором, ты первую лягушку выловил, и орал от страха и восторга. Каждая травинка, и каждый кустик, всякий забор в нашей деревушке, принял участие в твоём воспитании. Все, окружающее тебя с рождения, будет помнить тебя вечно. Вот и ты, не забывай, своего-то родного края.

Давно это все, Алешка, было. Только, когда первые люди сюда жить пришли, в этих краях, уже жил старый шаман. Он пришел сюда один, но никто не знает, когда. Вроде бы как, бурят, а может быть, и монгол. Почему сюда ушел, от своего народа, тоже никто не знает. Избушку себе срубил. Охотился, да промышлял, что можно на прокорм, да на одежду, да на быт, кое-какой. Никого зря не обижал, ни зверя, ни птицу. Пришли как-то люди, поели, попили у него, да на другой день и выгнали его, из его избушки.

– Иди!- Говорят:- Пока цел! Ты, себе избу другую построишь, а нам некогда, будем тут, золото и самоцветы искать! –

А он-то, по наивности своей, уж все и рассказал им, чем и где, эти места богаты. Ушел он, но недалеко. Нашел пещеру себе, на Волчьей горе и стал там снова, место обживать. Обиды, на людей-то пришлых, не затаил. А те, через год-другой, и остальной народ выживать начали. Каждый, уж сам себе, избенку соорудил, да и жену привез, и детишки пошли. Но деревушку эту, стали по миру, Нахаловкой, называть. Потому как, люди в ней, нахальные, вероломные и трусливые жили. Вчетвером-то, одного, можно было прогнать? А остальные, не заступились за старика, потом и самим, пришлось уйти. А шаман, все так и поживал себе, на Волчьей горе. Гора, Волчьей, называется, потому, что там, давно и долго, стая волков жила. С южной стороны, пещера - волчье логово. А с северной стороны, шаман-то и пристроился. Но, как начал он камлат, волки ушли сразу. Бубен-то шаманов, за много верст, слышно, а волк тишину, да покой любит. Вот и вышло тогда, люди шамана выгнали, он - волков. Но они, видно, договорились как-то, шаман-то, с волками. Потому, что мясо они ему носили, косулю завалят и ему прут. Он, сколько надо, отрежет, остальное они доедают, волки-то, и уходят. А со стороны его-то пещеры, будто бы, родник проклюнулся, водичка сладкая, что тебе березовый сок, чуть подальше

протекает и склизкой, вода становится, пить такую слизь неохота, даже если жажда замучает. Потом, она, вода-то эта, все шире разливалась, да всю землю и пропитала. Стало там, болото непроходимое. Шаманской зыбью, называть стали. Да только он сам, шаман-то, по этой зыби, как посуху ходил. Ни зверю там, ни человеку не пройти было, а он, шасть, и нет его, уже на другой стороне, встречайте, пожалуйста! Много чудес чудных, про него рассказывали. Да уж, свят человек! Охотники стали заглядывать, на огонек, в его пещеру. По болезням всяким, приходиться. А он, в пещере кострище разведет и духов вызывает, и говорят ему, духи-то, все, что он их спрашивает. Вот видишь, Алешка, как может быть чист душой человек, что все духи, ему правду говорят! Это мы, все запакоостились, кто жадностью, кто злобой. Вот ведь, беда-то наша, в чем!

Потом, как-то пробил он дыру, в потолке пещеры, шаман-то, чтобы дым наружу через нее выходил, и стали видеть люди, как через эту дыру, к нему духи залетают, в виде шаров блестящих, как огонь. Как только бубен заслышат, так и летят к горе, да и в дыре пропадают. Кто-то бояться начал, перестал к шаману ходить, а кто, наоборот, еще большим доверием к нему проникся.

– Слышь, дед Федор! А куда дыра-то делась, которую шаман пробил? Теперь, охотники говорят, что нет там, в горе, никакой дыры!-

Алешка поперхнулся, деда перебил, вдруг рассказывать перестанет. Но дед, будто бы, и не слышал мальчишку, продолжал дальше, закулив самокрутку.

– Вот, такие дела, Алешка... Потом, пришли к нему за помощью, а он, сидит в пещере и не шевелится. Вот тогда, дыру и заложили, и вход прикрыли в пещеру, чтоб зверье не растерзало, шамана-то. Потом зашли, через полгода, наверно, а шаман-то, уже в другой стороне пещеры сидит, но опять будто мертвый, но, не гнили на нем, ни запаха никакого, будто спит, и все тут. Потом, услышали, что камлает будто, бубен слышать. Пошли к нему, через день, другой, а он опять сидит, только место поменял. Вот так по кругу, и передвигается, в течение года, и камлает будто бы, время от времени. Говорят, что если кто шамана, за камланием-то, застанет, тому он, суть жизни откроет. Я бы и сам сходил. Жизнь, почти прожита, а сути, я так и не понял. Может и вправду, шаман-то, растолковал бы мне. Я бы спокойнее, помер бы. Но, вот беда, не под силу уже мне, такие переходы. Может быть, кто и захватит шамана при камлании, так и мне расскажет, что он за тайну такую, людям сказать хочет, да вот, никак не может. Будто не успокоится он, пока не передаст кому-нибудь, свою тайну. Люди-то, зря пугают, каждый хочет, шамана при камлании застать. Вот всякие страсти и рассказывают. Особливо детям. Ведь, еже ли ребенок, с шаманом встретится, то будет он, мудрее всех взрослых.

Вот и пугают. А ты, сам-то, не слыхал ни разу, бубен-то шаманский? – Дед пытливо посмотрел на Алешку.

– Нет, не приходилось. Может быть, и слышал что, но не знал, что это бубен, вот и, ни к чему было.

– А я слышал! Если услышишь его, Алешка, то ни с чем, ни в жисть, не перепутаешь! Сразу поймешь, что это он. Сначала-то сухой такой стук, и длинный – Бу-ум!-

Потом громче и чаще, и все сильнее, и сильнее. Потом, вдруг оборвется, будто на середине звука. И снова, как ниоткуда:

– Бу-ум!-

Только, пока побежать туда собрался, все уже и стихло. Но, все равно, жду каждый день, вдруг, закамлает. Хоть бы услышать, душа просит!

Дед тяжело вздохнул.

– Ладно, Алешка, беги ко спать. А то, мамка ругать будет, поздно уже.-

Дед пошел в дом, разговор был окончен. Но Алешка, весь этот рассказ, до последнего слова помнил. И с тех пор, тоже каждый день прислушивался к тайге, в ожидании звуков бубна. Раз, даже показалось, что услышал.

– Бу-ум! – Но, в это время, сосед начал пилить дрова и визг пилы, перекрыл все посторонние звуки.

После последнего похода, на Волчью гору, Петька опять долго болел, и Алешка приходил к нему поиграть «бабки». Это, такая игра в косточки, от ног поросят. Ставили их, по одной линии и выбивали, кто больше выигрывает. Некоторые, даже вовнутрь бабки, свинца заливали, чтоб кость тяжелее была. В общем, ухитрялись, кто как мог. Играли всегда на одной улице, где Петька жил. Там, дорога хорошо укатана была, и черту через дорогу не надо каждый раз, проводить, на которую бабки выставлялись. Черта эта, даже после зимы оставалась. Подправляли чуть-чуть и все. Идет как-то Алешка, по улице, только черту перешагнул, а навстречу ему петух бежит. Перья на крыльях расшиперенные и как бы заваливаются, то на одну, то на другую сторону, но потом выправляется и бежит дальше. Да ладно, что петух, мало их, что ли, по улице носится. Только бежит он, без головы, высоко задрав кверху обрубок шеи. Кровь, алыми каплями, сыплется на дорогу и не впитывается в сухую серую пыль, а как бы обволакивается ею, и, по чернев, лежит бусинками. Алешка отступил на обочину, а петух, добежав до черты, подпрыгнул как-то, и, резко свернув вправо, прошмыгнул в Колькину калитку. Алешка стоит, в след ему смотрит, а петух, прямо в собачью конуру. Тузик вылетел из конуры как ошпаренный, гремя цепью о доски. Цепь, вытянулась на всю

длину. Тузик, потянул цепь, изо всей силы, отступил еще, как мог задом, и лег, прикрыв морду лапой. Он, со щенячества, крепко запомнил, что если рядом курица, или цыпленок, то морда, будет разбита в кровь. Так, в деревне, учили собак, чтобы кур не рвали. Петух, оно конечно, дело другое. Петух, он так, собаке наподдать может, что мало не покажется. Может этого Тузик и испугался. Алешка вошел во двор, следом за петухом. Интересно, вылезет он из конуры или нет, без головы, вряд ли определится, как выйти.

– Что ж ты его пропустил! Надо было накинуть, чем ни будь! Вот ведь, беда-то, забежит куда-нибудь, зараза, и не найду!

Тетя Клава, старшая сестра матери, входила во двор, вытирая руки об фартук. Руки и ноги, у нее, были шишковатые все, пальцы толстые. Алешке всегда хотелось спросить, почему у нее, такие руки? Но, каждый раз, он сам себе отвечал, что наверно от тяжелой работы. Тетя Клава, жила одна, с самой войны. Мужа на войне потеряла, пропал без вести. Вот и ждет, с тех пор. Каждый день, что-нибудь вкусное готовит, для мужа, а к вечеру ребянтю деревенскую накормит, чтоб не пропадало. По хозяйству, сама все делала. И дрова колола, и со скотиной управлялась, и с огородом. У нее, всегда были самые ранние и самые душистые в деревне, огурцы. Женщина она добрая и не жадная. Всегда Алешку

угощала и первым огурчиком, и румяным пирожком из дикого лука с яйцами, приговаривая:

– Ешь, Алешка, от дикого лука, сила мужская растет! Сильным, да здоровым будешь!

Поэтому вся ребятня, у ее дома крутилась, и в бабки играли, и в вышибалы, и в лапту. А то и просто так сидели у нее на лавочке, чтобы время убить, рассказывали друг дружке всякие небылицы.

Алешка заглянул в конуру, Тузик недовольно взвизгнул. Алешка присел и начал обследовать рукой конуру, нащупав петушиный хвост, потянул на себя. Петух уже не дергался, издох видно. Тут и тетя Клава подошла, взяла петуха за ноги.

– Спасибо, Алеша. Вот ведь, паршивец какой, смотри, как далеко убежал! Я ему голову отрубила, да в ведро его сунула, пусть думаю, кровь стечет. А сама, пошла воду в кастрюле на печь поставить, чтоб его запарить кипятком, для того, что б легко, перо оттеревить было. Пока хлопотала, выхожу, нет петуха! За ворота вышла, бежит, стервец, по дороге!

– А зачем, вы его зарубили? Молодой еще, петух-то. Ноги, вон какие гладкие!

– Ой, и не говори, Алеша, такой хороший петушок был! И курочек водил и порядок во всем любил, но беда, что нежить в него вошла! Стал он, бить меня, Алеша, боем смертным. В уборную, с тяпкой ходила, последнее время, что б от него отбиваться. Да я-то, ладно, так он,

начал людей на улице сторожить! Не дай Бог, если б кого покалечил! Шпоры-то у него, посмотри, какие длинные, да твердые!

Тетя Клава, покрутила перед носом у Алешки, ногами петуха. Шпоры и вправду, были знатными, Алешка ни у кого таких не видел, хотя, всех петухов в деревне знал наперечет. Подошли к дому тети Клавы, сели на лавочку.

– А как это, нежить вошла?

– Так вот и вошла, Алеша. Есть такие существа, мы их, еще оолами, или оольцами называем, не слышал что ли, ни разу?

– Нет, не слышал. Отец, как то матери, про оольцев говорил, пьяный, но меня они сразу на улицу, гулять отправляли.

– Ну, тогда пойдем, Алеша, в дом. Я петуха запарю, а то вода, наверно, уже кипит. Ты пока блинков со сметаной покушаешь, а я тебе, про них, про нежитей, все и расскажу.

Вообще, у Алешки, другие планы были, но отказаться, от тети Клавиных блинов, было конечно, не в его силах. Дома, такие деликатесы, готовили редко. Можно даже сказать, что совсем не готовились. Поэтому, Алешка, с радостью, пошел к тете Клаве. Сбежал к колодцу, принес ей два ведра воды, пока она с петухом управлялась. И сел есть блины, с хрустящей корочкой, со сметаной, под рассказ тети Клавы.

– Оолы, они везде живут, и в лесах, и в деревне, и в городе. Когда, показываются они людям, Алеша, а когда, нет. И выглядят оольцы, поразному. Для каждого человека, по-своему. Кому навредить могут, а кому и помочь. Плохого спасти могут, а хорошего загубить, или наоборот. Не по людским меркам, они заслуги меряют, а по, каким-то, своим законам. Не скажу, Алеша, чтобы люди, их сильно боялись, но всегда уважали. За то, что они сильнее, и подвластны им, и вода, и земля, и воздух. Вот, сидим мы с тобой сейчас, и думаем, что мы, вдвоем, и не видим, и не знаем, может кто-то из оольцев, с нами рядом сидит, и наши разговоры слушает, да на ус мотает. Нам-то, старым, их бояться нечего, а вот с вами, с молодыми, у них свои дела и расчеты. На земле, старики говорили, четыре породы, человека, живет. Вот, оолы, хотят, чтоб была пятая порода, и была б эта порода, по всей земле расселена, и отличалась от всех людей, Алеша, только по крови. У людей, кровь единая, а вид разный. Ты ж, русского от татарина, отличить можешь по виду? А их, не сможешь. Скоро, Алеша, их будет на земле, больше, чем людей настоящих. Люди и не поймут, кто есть кто. Только, сказывают, что спасут они, землю нашу, от уничтожения. К какому-то году, люди уже все вымрут, останутся только оольцы.

– Так хорошо говорить, кто ж, это, проверить - то, сможет! Брехня это, тетя Клава! В 2000 году, конец света будет! Дед Федор говорил, что так, в библии написано.

– Вот, до 2000 года, доживешь, и вспомнишь, тетю Клаву! Тебе, немного за пятьдесят лет, исполнится. Не будет конца света! Алеша, это так, люди придумывают. Кто с оольцами, дружбу водит, тому, они все говорят. Ты, Алеша, пока жизнь проживешь, сам понимать начнешь, что человек, будет все больше, на оольца, своими возможностями, походить! Да ладно, беги уже, а то некогда мне, петуха теребить надо.

– А про петуха, так и не сказала, что за нежить в нем завелась?

– Сказала, только ты не слышал, потом перескажу.

Алешка, не слышал, чтоб она про нежить, что в петуха вошла, говорила. Поэтому, немного, оскорбился, но виду не подал.

– Ладно, спасибо, тетя Клава!

– Тебе спасибо, Алеша, за то, что водички принес, да петуху не дал удрать.

Алешка вышел на улицу. Блины были вкусными, но настроение почему-то испортилось.

– Темнят, они, эти взрослые! То, скрывают что-то, то рассказывают, не поймешь что, и к чему. Одного Трифона послушаешь, так в голове все перемешается. За дурачков, что ли нас, держат? – Под словом «нас», он, подразумевал детей.

Дед Трифон, был местной достопримечательностью. Трифоном, его звали, потому что, фамилия у него, была Трифонов. А как его по имени, вряд ли, кто пом-

нил Трифон и Трифон. Да и дедом-то, он не был, просто пьющий мужик. Но, как начнет, рассказывать, так и старики, диву давались, откуда у него, такие познания.

У черты, уже собрались пацаны, и Алешка присоединился к ним, играть в бабки.

В это время, Трифон, как обычно, был под «дугой». Это он, сам, дал такое определение, своему состоянию. Выпивал, он обычно с утра. Сначала, для аппетита, потом, для того, чтобы пища хорошо переварилась, потом, для укрепления того и другого. Потом, выносил вердикт, что попал под «дугу».

Сегодня, он вышел из магазина, матерясь и притопывая. Видимо, продавщица Светка, не продала ему бутылку портвейна, ссылаясь на то, что он уже, почти готов. Сойдя с крыльца, Трифон, погрозил, в дверь, кулаком и достал из внутреннего кармана фуфайки, недопитую бутылку. Открыл зубами пробку из газеты, и вылил себе в рот, остатки жидкости. Зачем-то потряс, и еще раз опрокинул бутылку, над щербатым ртом. Хотел вставить, пустую бутылку, в синий, пришитый черными нитками, карман, но получалось мимо, и он, сокрушаясь, бросил бутылку под крыльцо магазина.

— Попробуй, стерва, только возьми, эт-то моя! Я ее, по горлышку, узнаю!

Еще раз, погрозил кулаком, и, хлопая голенищами сапог, одетых на босую ногу, пошел в сторону дома. Дуга, наконец, накрыла Трифона, и он, пригибаясь и поша-

тываясь, отошел с дороги, и остановился у забора. Сначала, присел на корточки, что-то бормоча и жестикулируя, потом уже, клюнул носом в сочные одуванчики. Полежал, и, повернувшись на бок, выдернул ногу из сапога, прижав сапог, второй ногой. Фуфайка на нем распахнулась, замызганая майка, телесного цвета, прикрывала щедедушную белую грудь. Ширинка на брюках, как всегда, была расстегнута, и из нее выглядывал подол майки. На этом, раздевание закончилось, и он, замер, в глубоком, хмельном сне. По одуванчикам, вокруг Трифона, мельтешили пчелы и бабочки, стрекотали кузнечики. Соседский пес, пробегая мимо, деловито понюхал сапог, повернулся к нему боком, и, приподняв ногу, на момент, остановился. Потом, побежал дальше. Тут, в дыру забора, протиснулся поросенок. Покопал пяточком землю, осмотрелся по сторонам и напрямик направился к Трифону. Потыкал рылом в фуфайку, и пошел, вдоль спящего Трифона, к ногам. По пути, засунул голову в сапог, но, только голенище закрыло поросенку глаза, он, испуганно взвизгнув, отпрыгнул. Понюхал воздух, поворачивая туда-сюда голову, и продолжил, свои исследования. Дойдя до головы Трифона, поросенок, исследовал пяточком, в острую трехдневную щетину, но не испугался, а хрюкнув, развернулся, пошел в обратном направлении. Дойдя до половины туловища, поросенок, заинтересовался подолом майки торчащей из ширинки. Он, сунул пяточок, в ширинку Трифона, потом

потянул, зубами за майку. Она, легко поддавшись, и ему удалось вытянуть, подол майки, из ширинки, сантиметров на двадцать. Вдруг, ему захотелось почесаться о локоть Трифона, и, прикрыв глазки от удовольствия, похрюкивая, поросенок завалился на бок. Когда до него дошло, что удовольствие кончилось, и он уже не чешется, встал, и снова потянув майку, лег на живот и начал грызть майку, у ширинки Трифона. Ножки, он вытянул назад, и весело помахивая крючком хвоста, самозабвенно прикрыл глазки, обрамленные белыми ресничками.

Тем временем, Алешка с Петькой и еще с двумя пацанами, шли в магазин за ирисками. Они, бурно обсуждали иргу. Петьке было обидно, что он проиграл главную бабку в игре. Считал, что это несправедливо, и настаивал, чтобы Василек, показал ему свои бабки. Но, Василек, укрыв свои сокровища в бездонные карманы штанов, а сверху, засунул в них руки.

– Ты, Петька, сам виноват, я тебе, фору, давал! Пацаны видели, что все, по честному, было!

– Ни фига, себе, по честному! Ты голубую ляльку, сегодня не принес, а подменил ее на Федькину.

– Какой хочу, такой и играю! Это не твои правила! Что же ты, Петька, свою шишковую бабку, на подставу заменил?! – Спор, постепенно, мог перейти в драку. Но они, как раз, поравнялись с тем местом, где Трифон, был накрыт «дугой». Дуга, видимо, слегка приподня-

лась, и Трифон, узрел поросенка, трудящегося, над его майкой. Поросенок почувствовал, какую-то перемену в окружении, и, подняв белые реснички, повел вокруг коричневыми глазками. Но, не смотря, на свое, не очень-то нормальное состояние, Трифон, поймал поросенка за переднюю ногу.

– Ах, ты, свинья!

Только и успел сказать, Трифон. Поросенок вырвался, и с визгом, начал пробиваться в дыру в заборе. Не сразу, в нее попал, но проскочив в огород, продолжал визжать.

– Стоять! – Скомандовал, Трифон, мальчишкам. Они остановились, подталкивая друг друга и посмеиваясь. Трифон, кряхтя сел, одел на ногу, сапог, и встал. Из ширинки, висел обгрызенный поросенком, подол майки. Пацаны, повалились со смеха на траву. А Трифон, размахивая руками, смело пошел к калитке.

– Я вам покажу, как чужие майки загрызать. Ребята! Свидетелями будете!

Мальчишки, дружно кинулись наутек. Они знали, весь сценарий наперед. Сначала, он будет орать, и требовать возмещения ущерба. Потом, на свои деньги, купит бутылку, и, от Трифона, потом не отвяжешься. Он несколько часов подряд, будет рассказывать небылицы. Все его рассказы, они тоже, знали наизусть.

По первым морозам, все скотину резали. Потом целыми вечерами всей семьей пельмени лепили, да морозили их сначала на досочках, а как зазвонят, что промерзли насквозь, то в мешки ссыпали, да в чулане подвешивали. Потом-то, зимой, готовые доставали, да в кипяток, и все дела. Холодец варили, сало солили. Запасали продукты впрок. В каждой семье работы было, не в проворот. Ну и гуляли, конечно, в это время. Каждый свое, на пробу, соседу носил, а проба под стопку столичной водки, московской или самогона - святое дело! Гармошка на всю деревню играла. Кому работа, а кому с самого утра, праздник. В это время, даже и враги, за один стол садились, не то, что друзья. Только собаки, смертным боем, бились за потроха, в то время, когда их хозяева, пили, ели, и пели : - « Ой, мороз, мороз! Не морозь меня!»

Алешка не любил, когда гости, в их доме были. Потом, всю грязь, после них, ему надо было убирать. Мать с отцом по нескольку дней, лежкой лежали, да рассол огуречный, да капустный, пили. Так, похмелье мучило, что Алешка решил для себя, никогда не пить столько, чтоб потом, вот так болеть. Со скотиной сам управлялся, и по дому, все самому, приходилось делать. Оно и не тяжело вовсе, но родителей жалко, когда, так маются.

Однажды весной, Алешка на сеновале книжку читал. К соседям, парень из Томска гостить приехал, и книжку с собой привез « Записки Шерлока Холмса». Алешка у него и выпросил почитать. Как раз, до самого интересного места дочитал, в рассказе « Пестрая лента». И краем уха, услышал посторонний звук, который ненавязчиво проникал в сознание и постепенно, отвлекал от книги. Алешка прислушался, хотя сердце, уже колотилось в груди, готовое вырваться наружу.

– Бу-ум! Бу-ум! - Разносилось над тайгой тихо и настойчиво.

Алешка отложил книгу, и, не раздумывая, начал спускаться с сеновала. Пошел на звук бубна, не разбирая дороги, постепенно ускоряя свой шаг. Потом он бежал, и боялся, как бы этот манящий и завораживающий звук не исчез, не растворился, чтобы не возникнуть снова. Камлание шамана не прекращалось, и вот, уже Алешка определил, что бубен звучит не от Волчьей горы, а со стороны шаманской зыби. Он, перепрыгнул через ручей, выбрав место поуже, и побежал дальше. Впереди открылась зыбь. Ровное, и можно сказать, мрачное место. Кое-где, виднелись чахлые деревца. Неизвестно, каким образом, завивались стволы этих деревьев, в самые причудливые формы. Алешка остановился на краю зыби, и начал всматриваться в легкий туман, который всегда нависал над зыбью, даже зимой.

Наконец, определив место, откуда раздавался звук, Алешка увидел шамана. Он метался как тень, примерно в полуметре от поверхности зыби. Пляска была неистовой, полы одежды шамана, развевались, как крылья большой черной птицы. Бубен звучал ровно, через определенные промежутки времени.

– Бу-уммм! Бу-уммм! –

Алешка шагнул, навстречу, этому звуку и этой дикой пляске. Нога, сразу ушла вниз, в трясину, по самый пах. Холод, будто тисками охвативший ногу, отрезвил мысли, видение исчезло. Вторая нога, неожиданно согнувшаяся в колене до упора, почти соскользнула с твердой почвы. Цепляясь за землю, только кончиком носка. Тело, по инерции, ушло вперед и шлепнулось в жижу, пахнущую тухлым яйцом. Алешка попытался выровняться, чтобы поднять тело над жижей, или хотя бы, голову. Вторую ногу, пришлось быстро опустить вниз, и потерять единственную, твердую точку под ногой, иначе, его просто тянуло вниз головой, в черную, тухлую няшу. Оставаясь, какое-то время, на поверхности, Алешка осматривался, нет ли, где поблизости, палки или кустика. Нет, ничего не было, за что, можно было ухватиться. И тут, Алешка услышал:

– Бу-уммм!-

Он закричал, отчаянно и громко, как только мог :

– Эээй! Помогитее! Погиба...-

Закончить слово не удалось, жижя накрыла рот. Алешка, еще попытался приподняться над трясинной, но сила, тянущая его вниз, оказалась сильнее. Алешка сильно сжал губы и зубы, плотно закрыл глаза, чтобы зловонная жижя не проникла, внутрь. И тут, холодная, и безжалостная рука, с силой сдавила его сердце...

5.

По своду пещеры, гуляли блики огня. Тепло от костра, чувствительно припекало бок. Алешка покосился на костер, было уже, почти, нестерпимо горячо. Сделал попытку отодвинуться. В груди болело, двигаться было больно. Чьи-то руки, подняли его и переложили к костру, другим боком.

– Жарят меня, что ли?– Подумал Алешка. К горлу подступила тошнота, не то, от страха, не то, от проникшей в желудок, зловонной жижи. Его стошнило. Стало легче, и Алешка постарался расслабить мышцы, чтобы уменьшить боль в груди. Откуда-то издалека, доносился монотонный голос, и Алешка начал прислушиваться, чтобы разобрать слова, потом, смысл этих слов. Все удавалось с трудом, и дышать, и слышать, и видеть, и понимать. Будто бы, через что-то вязкое и полупрозрачное.

– Бубен-то, слышит, только тот, для кого он звучит. Другим, этот звук недоступен. У каждого человека, душа звучит по-разному, в разное время. Вот, как попадает в унисон, так и слышится.

– Что такое, унисон?– Подумал Алешка.

– Это, что-то про звук, кажется. Ну да, точно про звук.

Алешка посмотрел вверх, и увидел кусочек звездного неба. В своде пещеры, было большое круглое отверстие, через которое выходил дым, через него, и были видны звезды. Алешка, подумал, что уже ночь. Дома, наверное, его потеряли и ищут, и беспокоятся. Он попытался подняться. Но, ни встать, ни передвинуться не смог. Снова острая боль в груди, заставила его замереть.

– Еще двадцать - тридцать лет, и все пойдет прахом. И великая страна, сделает сама себя, великим посмешищем для всего мира. Кровавые реки, потекут, по западной, и южной, сторонам. Пойдет переселение людей, от самих себя, побегут, и от врагов своих. Страх, по земле поселится.-

Голос звучал тихо и ненавязчиво. Было не понять, к кому обращается, этот голос. Если его не слушать, то и не слышно. Алешке захотелось что-то спросить, но он, не мог вспомнить, что? Поэтому слушал, и звал мысленно, чтобы слышать.

– Земля, это две, соединенные между собой, чаши. Суть в них. Чем наполнены эти чаши... В них, человечества начало, в них и конец. Космос ничего не даст человеку, только Земля. С 2010 года начнется великий голод. Пресная вода, станет, постепенно соленой. Соленая - пресной. Пить будет нельзя ни той, ни другой. Хлеб и мясо, принесет здоровью людей больше вреда, чем любой мор. В 2017 году, настанет великий перелом и великое переселение людей. Один царь будет у всех и один не царь. Люди отдадут земле все, что они у нее взяли, и она отдаст людям все, что им нужно. До 2037 года, многие страны будут существовать, а многие не будут.

Алешка, слушая, впадал в дрему, и, пропускал многое, из сказанного. Кто-то его снова переложил, потому что бок, опять начал подгорать и беспокоить Алешку. Он спал, а когда просыпался, то снова слышал этот голос. Голос звучал в голове, ушами, он ничего не слышал. Он не понимал о чем речь, но слушал и слушал, стараясь, хоть что-нибудь запомнить, как на уроке.....

Дома-то, Алешку, только поутру, хватились. Искать начали, книжку на сеновале нашли, хлеба краюха и сахара кусок, да молоко в кружке, а парня нигде нет. Дед Федор направил, где искать, там и нашли. В пещере у шамана. Лежит один на камнях, в беспмятстве, бредит. Жар на нем сильный. В деревню-то приперли, да скорей, на машине в Томск, в больницу. Ну, а там, знамо дело, воспаление легких, признали. Лечить начали. Алешка, первым делом, как в себя пришел, тетрадку, да карандаш попросил. Пока лежал в больнице, все что-то вспоминал, да записывал. Сказали Алешке, где и как, нашли его, а он не верит. Я, говорит, на шаманской зыби был, там и угодил в топь. Как в пещере оказался, не помнит. Врачи- то объяснили, что это от жара, бредил он, и что все, ему чудилось. И звук бубна, и топь, и шаман. На самом деле, заболел он, дома. Когда температура поднялась, он в бреду, в пещеру и ушел.

Алешка-то, не поверил никому, записывал все в тетрадку, что помнил из того, что в пещере слышал, и прятал под подушку. Никому, больше, не рассказывал о своих приключениях, чтоб не смеялись, и тетрадку не показывал. Пацаны и так, в больнице, чуть что:

– Шаман идет!-

Ну, Алешка и замкнулся в себе. Не стал на вопросы отвечать, на ехидные. И говорить на шаманскую тему,

ни с кем больше, не хотел. В больнице, почитай, до самой школы и провалялся. Все каникулы. А домой приехал, занятия, игры, и все пошло опять своим чередом. Кличка, за Алешкой из больницы, в деревню перекочевала. Так и стали звать, с тех пор - Алешка Шаман. Только дед Федор, нет-нет, да и посмотрит на Алешку с надеждой и пониманием. Будто бы ждет, от Алешки чего-то, а сам спросить, не смеет.

7.

Тетрадочку свою, в которой записал все, что в пещере слышал, Алешка хранил. Иногда дописывал туда, если еще что вспомнит. Перед армией-то, его на шофера в Томск, учиться от военкомата направили. Но служить он попал, в Морфлот. Провожали всей деревней. Особливо, его, одна только Лидка провожала. Все выла у калитки, да на шею в клубе вешалась. Да боялась, как бы кто из девок, его, на «белый танец» не пригласил. Но дурочек-то, нету, она ж Лидка-то, и глаза выцарапать, может. А Алешке-то че, не больно, он на нее и внимания-то обращал. Липнет и пусть, вроде, веселей не одному-то, когда скучно. А если с парнями, когда гулял, то и посылал ее, домой, чтоб под ногами не путалась. Она, как в седьмом классе к нему прилепилась, так больше никому из девок-то, и не давала к нему приблизиться.

Как овчарка сторожила, и днем, и ночью. Родители, стыда за нее натерпелись, но ничего с ней поделать, не смогли. Да и Алешка, как мог, отмахивался, но потом и рукой махнул. Пока он, на шофера учился, она к нему, каждую неделю, гоняла в Томск. Все караулила, как бы он, там другую себе девку, не нашел. А вот, уже как в армию-то Алешку забрили, так воли ей и не стало, над ним издеваться. С начала, письма ему строчила, по несколько штук в день. Почтальонку замучила, все бегала, ответов ожидала. А когда ему, на службе-то, писульки писать? Да и не положено это было, первые полгода, учебка там и все другое. Ну и она, не долго, горевала по любимому. Побегала, за почтальонкой, истерики родителям позакатывала, а потом, вдруг, смирилась. С глаз долой, из сердца – вон! И полгода, Алешка, еще не прослужил, Лидка уже прицепилась, к Ванюшке Гуркину. Он-то уже отслужившим был. В Мурманск наладился, на заработки, или еще как. Вот она, с ним и укатила. Перед народом, в клубе, в любви клялась. Люди, только руками разводили, да у виска пальцами крутили. Посудачили, да и Бог с ней. С любовью, не поспоришь!

Алешка, после учебки, сразу на корабль попал. На Балтийский флот. Корабль назывался « Стремительный», так вроде, по письмам, мать рассказывала соседкам. Гордилась, один из деревни-то, моряк. Как не гордиться, сын-то всегда для гордости родителям дается,

для радости. А там уж, как и жизнь, поворотится. Про Лидку, уже и думать забыли, но Алешка-то все равно в письмах спрашивал, не вернулась ли?

Сам-то, как на корабль привезли, не больно по дому скучал, а по Лидке и вовсе. Все интересно было, да и ново. Моря, Алешка и увидеть не мечтал. А тут, вот оно, хоть ложкой хлебай! Ну, а к вечеру, все, что-то забегали, засуетились. Присяга, будто будет. А Алешка думает:

– Какая там присяга!? Присягали уже!-

А матросы смеются:

– Узнаешь, какая! Без такой присяги, моряком, никогда не становятся.

Понял Алешка, что это насмешка какая-то, но что делать, спросить не у кого.

– Поживем - увидим! Решил для себя Алексей. Вечером после отбоя, все спать легли. В море-то, еще не вышли тогда, приказ ждали. Ну и, закатали в каюту-то, человек семь матросов. Свет сразу включили.

– Подъем! Стройся! Кто вякнет - убьем и за борт. Скажем, сам сиганул. Ну вот, салаги, присягать сейчас, на верность Родине будете. Кто первый?-

Видно было, что не шутят. А чего делать хотят, тоже не понять. Новобранцы стоят, молчат. Алешка тоже стоит, думает. Ну, они схватили первого, скрутили, да и ремнем по ягодице так дали, что парень, аж взвизгнул.

– Вот и молодец! Если еще кто-нибудь заорет, то два раза присягнет, на обе нижние щеки. Сами присягать будете, или крутить надо?-

Добровольно никто не стал. И Алешку скрутили, да так, вдарили, аж искры из глаз посыпались. Утром-то, в наряд надо, а после присяги, не очень разбежишься. Все с трудом дается. Особенно садиться. День-то кое-как промаялись, а ночью опять матросы пришли. Проверять работу вчерашнюю.

– Подъем!-

Ну, новобранцы и поднялись, не договариваясь. Так дали, присягателям, что они, еле ноги унесли. Потом, смеялись все вместе, и смотрели, у кого якорь на заднице, от ремня, четче отпечатался. У одного вспухла, ягодица вся, кожа лопнула и инфекция, что ли, попала. К утру, жар начался, бредить парень начал. Отправили его в госпиталь, а потом, он на корабль и не вернулся. В море ушли, призабыли уже присягу-то. Кто с ремнем-то приходили, демобилизовались. Двое остались, им еще год службы оставался. Крови они попортили, и Алешке, и другим, кто в каюте были. Но что делать? Служба.

8.

Развевались ленточки от бескозырки, мотор катера, заглушал слова и шум прибоя. Алексей, с легким серд-

цем покидал « Стремительный». Служба закончилась. Не было особой радости, но и печали, он тоже не испытывал. Оставались буквально мелочи. Оформление документов и дорога домой. Вместе с ним, увольнялись в запас, еще трое, со «Стремительного». Решили отметить в местном ресторане. Калининград, Алексей знал, изучил за время увольнительных, и даже заимел, нескольких друзей и подруг. Но отмечать, решили без местных, только сами, дружной компанией. Заказали столик на четверых. Никто не прикидывал даже на то, что для полного веселья, могут понадобиться, еще и дамы. Посидели, вспомнили «присягу». Выпили за все, что только могли придумать. Сильно не бузили, и старались, вести себя прилично. Но косые взгляды, с соседнего столика, все-таки не поднимали настроения. Там сидели местные молодые люди. Они громко смеялись, и компания моряков, постоянно ловила на себе, их враждебные, красноречивые взгляды. Друзья вышли в туалет, а Алексей сидел за столиком, слушая музыку. И тут, к Алексею под села дама, которая, до этого, сидела в компании молодых людей, за соседним столиком. Алексей удивился, но предложил даме, бокал шампанского. Девушка назвалась Эльзой, и с удовольствием пригубила вина. Потом, предложила потанцевать. Алексей согласился, хотя особого желания танцевать, не испытывал. Но девушка, была настойчива, даже нагловата. Ей, действительно, хотелось танцевать.

Ее, необыкновенная, легкость в танце, прямо завораживала. Замысловатая прическа, слегка прикрывала длинную шею, украшенную колье. Камни горного хрусталя, были обточены под капельки. Облегающее платье, красного цвета, и такого же цвета губы, тонкая талия, постепенно переходящая в бедра. Маленькая, можно сказать, детская грудь, и большой, сочный рот. Не выделялись глаза, щеки или нос. Казалось, что на все лицо, яркие полные губы. Когда танец закончился, Алексей не знал, к какому столику проводить даму, но она сама, смело направилась к их столу. Следующий танец, она предпочла другого партнера, и сослуживцы начали вполголоса, подтрунивать над Алексеем.

— Ну, ты Шаман, даешь! Откуда, такая плоскодонка здесь проплывает? Как, ты-то к ней пришвартовался?

Все дружно засмеялись. И тут, к ним, от соседнего столика, подошел парень, и неожиданно ударил друга Алексея, в лицо. Он упал. Все сразу зашумели, и моряки, быстро, накинув бушлаты и бросив деньги на стол, вышли из ресторана. Таким, было, негласное правило этого заведения, если, какие разборки, то только на улице. Следом за ними, высыпало человек десять и сразу, без объяснений, начали нападать. Моряки, пока выскакивали из зала, сняли с себя ремни и привычно, обмотали их вокруг ладони, оставив конец с пряжкой, для ударов и защиты. Алексея вырубili сразу. Он не видел, ни начала, ни конца драки. Просто, все поплыло перед глазами

и темнота. Он, даже не понял, чем, и кто его ударил, кроме своих, рядом, вроде никого и не было. Очнувшись, он, уже в комнате. Рядом, сидела девушка из ресторана и гладила его по щеке.

– Ну, вот, ты и дома.-

Сказала, она ласково и улыбнулась.

– Скорее, не дома, а в чьем-то доме.-

Подумал Алексей, и спросил:

– А где остальные?

– Ты думал, что мне можно привести, всех матросов, к себе домой? –

Она встала и прошла по комнате. Очевидно, была глубокая ночь, потому, что горели лампочки, и девушка, выключив основной свет, оставила затемненный ночник.

– Пить хочешь?-

Девушка, начала медленно раздеваться, явно, стараясь попасть, в поле зрения Алексея.

– Да. Голова кружится.-

Голова не только кружилась, но и сильно болела в области правого виска. Алексей, поднял руку и потрогал болезненное место. Там была повязка, но не вокруг головы, а приклеенная пластырем.

– Слушай, что случилось?

Ему, было неудобно спрашивать, он помнил эту девушку, помнил, как танцевал с ней в ресторане, но не помнил, как ее зовут, то ли Эмма, то ли Элла? Она при-

несла воду. В нижнем белье, она казалась, еще тоньше и длиннее.

– Как канат.- Подумал Алексей.

– Ты извини, но я забыл, твое имя, из-за травмы, наверно.

Схитрил он.

– Эльза. Да, ты же без сознания был. Тебе висок в госпитале зашивали. Я тебя потом, домой забрала. Там, сегодня папа дежурит. Папа, в госпитале, главврач. У меня, тоже диплом врача, я работала в больнице. Мне нравится. С тех пор, как из Риги переехали сюда, я работаю с папой, в госпитале. Травма, у тебя, не тяжелая, но если б, чуть в сторону, на несколько миллиметров, то ты, был бы уже трупом. Я не знаю, что там было дальше. Я, выскочила из ресторана и увидела, что ты лежишь, и кровь из виска. Я взяла такси и увезла тебя в госпиталь. Папа все сделал, и я попросила его, чтобы он, не регистрировал тебя, как пациента.

Эльза, говорила с акцентом.

– Значит, ты не знаешь, что там было дальше, и где сейчас мои друзья?

– Нет.

Она прилегла рядом с Алексеем и слегка прижалась к нему.

– Но, ты сидела за тем столом! Они из-за тебя, хотели нас наказать!

– Вовсе нет! Я, оказалась за их столом, совершенно случайно, как и за вашим. Я не знаю никого из тех, кто сидел, за тем столом.

Она начала волноваться, и акцент, стал еще заметнее.

– Так ты что, одна пришла в ресторан?

– Да. Неужели ты не понял, что я так не работаю, а развлекаюсь.

Алексей покраснел. Ему стало стыдно и жарко. Он не знал, как быть дальше. Она, явно, намерена с ним переспать, но он, не готов, к такому обороту дела, ни физически, ни морально. В его планы, на сегодня, не входили развлечения интимного характера. Тем более, с такой женщиной. В его представлении, у красивой женщины, широкие бедра и тонкая талия, грудь, распирающая блузку, длинные волосы. А тут, не поймешь, где кончается шея и начинается талия. А волосы, вообще, что-то наподобие пакли.

– Да... Попал.- Подумал Алексей.

– Ты не думай, что я тебя хотела. Нет. Ты, просто, мне, очень понравился. А когда я увидела, что тебе, срочно нужна медицинская помощь, ты извини, но я обрадовалась. Как будто бы, я, получила подарок судьбы.- Алексей хотел подняться, но она, крепко прижала его к дивану.

– Тебе нельзя вставать. Хотя бы, до утра, ты должен лежать. Поэтому, я буду спать с тобой, но, не обольщай-

ся, между нами ничего не будет. Это, тебе, тоже категорически нельзя, до завтра, по крайней мере.-

Алексей облегченно вздохнул. Повернулся к стене и попытался заснуть. Он понял, что его накололи какими-то препаратами, и он, все воспринимает, как будто бы, во сне. Эльза прилегла рядом, и, осторожно повернула его на спину, прошептав в самое ухо:

– Лежи и не двигайся.-

Утро, застало Алексея уставшим, вымотанным до предела, и противным самому себе, до тошноты. Эльза, стояла у раскрытой форточки и курила длинную сигарету, золотистого цвета. Запах сигареты, был приятным. Эльза, была абсолютно голой. Он посмотрел, на жесткие, круглые ягодицы, над кото-рыми, было неясное пятно, вроде татуировки, и совершенно плоскую фигуру, подумал:

– Зачем она раздевалась? Может быть, просто, привыкла спать нагишом?-

Глаз под пробитым виском, совсем заплыл и ничего не видел. Алексей потрогал опухоль и попробовал раздвинуть ее пальцами, чтобы проверить, видит ли глаз? Попытка оказалась тщетной, он не смог открыть веко. Над вторым глазом, тоже нависла опухоль, он им видел, хоть и немного расплывчато, но без помех. Эльза, докурив, бросила окурок в форточку и повернулась. Алексей, не успел зажмурить второй глаз, а потом, уже не смог, от удивления и интереса.

От пупка, у девушки, шла полоска жестких кудрявых волос и терялась между ногами. Полоска была ровная и узкая, сантиметра два. Такое он видел впервые! Чтоб у бабы, да густые волосы от самого пупка, да еще и выбриты ровненько на лобке, полоской.

– Лучше бы и второй глаз, заплыл!

Подумал Алексей. Он не мог, без содрогания, видеть Эльзу, везде мерещились ее губы. Алексей, снова отвернулся к стене. Его начало морозить, видимо поднялась температура.

– Молодой чэллоуек! Нам надо срочно выяснить, кто вы есть!- Алексей повернулся. Перед ним, на стуле сидел мужчина. Седая кудрявая шевелюра, обрамляла его лицо, и поэтому, голова казалась непропорционально большой, даже огромной, по сравнению с туловищем.

– Я Шаман.

Ответил Алексей и снова впал в дрему.

– А как, вас зовут? Ваше отчество? Мне нужны ваши полные данные? Ваша фамилия, ни о чем, мне не говорит!

Мужчина склонился над Алексеем, приступив к его осмотру.

– Эльза! Придется его госпитализировать! У него, совершенно плохое самочувствие!

– Нет! Папа, нет! Я сама, все буду делать. Все, что ты скажешь. Я буду сама его лечить. Только, то, что ты напишешь!

– Для начала, надо хотя бы, выяснить, кто он?

Они вышли в другую комнату, и Алексей впервые задумался, кто он? Но думать, почему-то, было больно. Перед глазами расплылся розовый туман, и он увидел лицо шамана, желтое, сморщенное, будто бы восковое. Лицо, было совсем рядом, глаза шамана буравчиками ввернулись в глаза Алексея, и, отпрянув, шаман начал камлать. Звуки бубна не раздражали слуха, они проникали в самое сердце. Алексею показалось, что он, приподнялся над диваном и начал парить в воздухе. Напротив его, шаман исполнял, свою ритуальную пляску, и полы одежды, снова развевались как крылья огромной, черной птицы. Крылья задевали лицо Алексея, и легкий прохладный ветер, от их колебания, освежал и успокаивал.

– Никто не знает, что есть жизнь, и что есть смерть. Нет ни того, ни другого, все бесконечно, безмерно и бессмысленно, как вселенная.....

– Эльза, нам нужно установить его личность. Надо проверить его вещи, должен же быть у него, хоть какой – то, документ!- Отец говорил, с некоторым раздражением. Ему не нравилась, новая затея дочери. Зачем ей, этот матрос? Где она, его взяла? Он боялся, и не хотел лишних неприятностей, но ради дочери, все-таки, мог

смириться с ее прихотью. Только, чтобы все, было предусмотрено, проверено и узаконено.

– Вот! Какое-то удостоверение есть, и вот еще бумаги! –

Эльза осмотрела одежду Алексея и достала содержимое карманов. Отец, прочитал документы, сел в кресло и задумался.

– Пап, что-то не так?-

Эльза, присела на подлокотник кресла и обняла отца за шею.

– Ну вот, видишь, Зубрин Алексей, что еще надо?-

Она действительно не понимала, чем, так озадачен отец? Потом, взяла еще какую-то справку и прочитала - Меньшиков Валерий Иванович.

– Видишь, какое дело, Зубрина, мы вчера отправили самолетом на родину, в Томск. Его убили, у ресторана « Каспий». У него, тоже были документы. Удостоверение и справки, то, что нашли при нем, и Зубрина, и Меньшикова. Теперь, надо выяснять, кто из них, кто. Меньшиков из Челябинска, Зубрин из Томска. А вдруг мы, отправили труп не туда? Если это так, то представляешь, что будет? Сколько людей пострадает из-за этого? И все это, ты! Меня, не только военного звания лишат, а еще и партбилета! Ты хотя бы знаешь, как его зовут, Валерий или Алексей? –

Эльзе, было стыдно перед отцом, она не знала, как зовут моряка.

– Он говорил, но я, просто не помню. Я, слегка, вчера шампанского выпила, и ты же знаешь, потом, я забываю всякие мелочи. Пап, но я узнаю, сразу, как он в себя придет, я позвоню тебе.

– Да уж! Потрудишься, пожалуйста! Такие мелочи! Как зовут человека, с которым ты лежишь в постели! Какая разница, Шаман или Леший, главное, совсем другое!

Мужчина встал и быстро вышел. Лицо, у него покраснело, и на висках вздулись синие жилки. Эльза промолчала, видя, что отец сильно расстроен и зол. Она понимала, что виновата, но, в то же время, знала, что папа посердится и все сделает так, как хочет она, чего бы это, ему ни стоило. Она прошла в комнату к Алексею. Девушка понимала, что Алексея, надо немедленно везти в госпиталь. Потому, что у него, воспалилась рана на голове. Шов, где была зашита рана, настолько накрыла опухоль, что не видно даже ниток, стягивающих рану. Но, как она сможет объяснить в госпитале, где он был, все это время, и почему, его продержали до критического состояния.

– Что же, я буду делать, если он умрет? Как я, смогу всем объяснить, что я хотела как лучше, какой же я, после этого врач?

Эльза присела у окна и закурила, продумывая различные варианты выхода, из сложившейся ситуации. Но ничего хорошего, в голову не приходило. Эльза взяла шприц, и привычно найдя вену, вколола себе, легкий

наркотик. По телу, прошла теплая волна. Она легла на диван и мысленно, ушла далеко из этого дома, и даже из этого города. Возможно, даже из этого мира. В мир грез. Где нет, страданий и обязательств. Где можно быть самим собой.

9.

Очнулся Алексей в госпитале. В белой палате, кроме него, было еще три человека. Два ветерана, и молодой парень, которому видимо, ампутировали ступню. Ветераны разговаривали между собой, как старые знакомые. Вполголоса, чтобы не беспокоить Алексея, обсуждали последние новости. Алексей внимательно слушал, не выказывая своего присутствия. Говорить не хотелось, а знакомиться, тем более. Нужно было разобраться в самом себе, восстановить в памяти, события последних дней. Он не знал, сколько дней он в госпитале, с трудом припоминал Эльзу и еще какие-то лица.

– Зиновий!

Перед Алексеем возникла протянутая рука, для рукопожатия. Он понял, что с ним знакомятся, и тоже протянул руку, не приподнимаясь в кровати.

–!.

Сказать ничего не смог, свое собственное имя, застряло у него в горле. Мысленно, он его сказал, а нару-

жу, оно не вышло. Зиновий, не обратил на это, никакого, внимания.

– А я смотрю, что не спишь, уже вроде, пора бы и познакомиться. Ты, посчитать, с неделю уже тут отдыхаешь, а я, и не в курсях, как имя и отчество у тебя, морячок? Интересно из башки-то у тебя, половину выкинули, или хоть, чуток, поменьше? У меня, мизинец заболел, натер с непривычки, вот смотри, что оставили от ноги!-

Зиновий поднял ногу, показывая культю.

– Говорят, что это, еще не предел! Если не зарастет как надо, то еще могут и по колено оттяпать! –

Зиновий, говорил все это, с таким энтузиазмом, без тени уныния, как будто он, помогал госпиталю, в выполнении плана по отрезанию рук и ног.

– Храбрится.- Подумал Алексей. – Сам, наверно, с горя, уже ни одну подушку изгрыз ночью. Или меня хочешь подбодрить. Значит, мне операцию делали. Пить так хочется.- Посмотрел на тумбочку, стоящую рядом с кроватью.

– Что пить хочешь? Это всегда так, после наркоза. Сейчас я сестру позову, она даст, если можно. –

Зиновий ускакал из палаты на одном костыле, ловко подпрыгивая на здоровой ноге. Остальные жители палаты, не обращали, на Зиновия и его разговоры, никакого внимания. Когда он скрылся за дверью, мужчина, лет пятидесяти, сидевший на кровати рядом, сочувственно посмотрел на Алексея:

– У тебя, браток, нагноение на мозги пошло. Я слышал, как врачи разговаривали. Они думали, что от раны на виске, а оказалось, от глаза. Ты хоть видишь глазом-то или как?- Мужчина вздохнул.

– Вот она, Родина-мать, мы хоть на войне пострадали, осколки в теле по сей день, покоя не дают, а вы то, за что покалеченные?-

Алексей вдруг разозлился. Он не хотел, ни сочувствия, ни жалости, и вообще никакого общения.

– Мы, за что? Из-за своей дурости! Причем, тут Родина-мать, если у меня, у самого, макитра не сработала! Сам на ж.. пошел, приключений искать, вот и нашел. Не мешайте радоваться! –

Алексей, потихоньку, потрогал глаз под повязкой. Вроде на месте. Приподнял бинты, в щелку видно свет. Значит, все в порядке. Отвернувшись к стене, задремал.

Ночью, Зиновий подсел к Алексею и потрепал за плечо.

– Слышь, Шаман, меня завтра или послезавтра, выпишывают. Тут такое дело, валить тебе надо отсюда, понял? Чем скорее, тем больше шансов на выживание. Сейчас, ты и не поймешь, паря, я тебе потом, все объясню. Слушай сюда, ты пока шлангом прикидывайся, а я, твои документы постараюсь завтра добыть и одежду. Если все получится, сегодняшней ночью, рванем из госпиталя. Ты как?

Зиновий вопросительно смотрел в лицо Алексея. Алексей, покосился на соседнюю кровать.

— Им, на ночь, снотворное колют, чтоб медперсоналу по ночам, мозги не сушили. Спят они, не слышат ничего, хоть чечетку пляши.

Алексей, не знал, что ответить Зиновию, он не мог ничего понять, из его слов.

— Ты толком, можешь объяснить? В чем дело-то?

— Ты, по документам - мертвый. Тебя в цинковом гробу, давно на родину отправили и похоронили. Ну, не тебя, а какого-то другого. Теперь, они не знают, как поступить с тобой. Если признают свою ошибку, тогда им пи.....ц, будет. Я думаю, они тебе укол поставят, чтоб ты заснул навеки, а потом, отправят ящиком, в запаянном виде, с табличкой «Не вскрывать!», по адресу того паренька, что вместо тебя, сейчас покоится с миром. И все, будет в ажуре. Усек, моряк?

— А ты, откуда все это, знаешь?

— Я, все знаю! Давно живу, вот и есть свои каналы.

— Подумать надо. Бежать-то некуда. Ни денег, ни документов.

— А думать нечего, я уже все продумал. Мы с тобой, к лопарям, в Мурманск рванем. У лопарей, никто не найдет. Народ они суровый, но своих друзей, никогда не сдают. Оленей пасти будем. Месяц - другой поа-нежимся, а там, к брату моему, на кораблик и за границу на полгода, а то, и на год.

Тут, выбора нет, или со мной - или в ящик. Завтра к вечеру, все будет ясно. Если тебя, до вечера не ухатомят, то, мы с тобой. Молись.- Зиновий ускакал на своем костыле, а Алексей начал думать, что ж ему делать? Пове- рить Зиновию? Или спросить завтра у врачей? Может, Эльза придет, хоть что-то объяснит. До утра не сомкнул глаз. Утром жители палаты, принимали процедуры, раз- говаривали, к Алексею, так ни кто и не подошел. Сани- тарка проверила судно, и простынь под Алексеем. И все. Будто бы, его и не было в палате. У Алексея, воз- никли небольшие потребности, но попросить, кого-то ему помочь, он постеснялся.

— А где Зиновий?

Спросил Алексей, у соседа по кровати.

— Какой Зиновий? Мы вот, тут, Василий Сергеевич, я - Анатолий Иванович, и ты! Больше, тут никого и не бы- ло.

Анатолий Иванович пожал плечами. Алексей задумался.

— Неужели мне, все это почудилось?-

Через несколько минут, Зиновий, зашел в палату, подмигнул Алексею, и лег на кровать у окна.

— А это кто, сейчас на кровать лег? Не Зиновий, что ли? Или вы его под другим именем знаете?

Спросил Алексей. Анатолий Иванович встал и про- шел к двери, крикнул в коридор:

— Сестра! Тут морячку худо! Бредит он, похоже!-

Забегала медсестра, и, осмотрев Алексея, поставила ему в руку, укол. Алексей заснул.

– Да, беда. Жалко парня. Молодой совсем. - Вздыхнул, Василий Сергеевич. Хотел было, рассказать какой-то случай, из фронтовой жизни, но, не обнаружив заинтересованных лиц, в его рассказе, махнув рукой, лег читать газету.

Утром, Алексея в палате не оказалось. Фронтовики, по одному, вызвали к главврачу, спрашивали, кто что видел, или слышал ночью. Но, ничего они, не слышали и тем более, не видели. Сами фронтовики, посоветовавшись, решили, что моряк умер ночью, что ему, вовремя не оказали помощь, а теперь ищут виновных.

10.

В 5ч.15минут, самолет Калининград- Москва, уже набирал высоту. Эльза, снова и снова, продумывала дальнейшие свои действия. На кресле, рядом, дремал Алексей.

– Все, должно получиться!

Вдруг, сказала она вслух.

– Что именно? Я думал, что меня заберет из госпиталя, Зиновий. Он, вроде как, все решал и подготовил к побегу.- Эльза потрогала лоб Алексея и с беспокойством заглянула в глаза.

~ 52 ~

– Какой еще, Зиновий? Алеша, ты бредишь снова?-

Она начала рыться в сумочке, наверно, в поисках шприца и ампулы с лекарством.

– Он, со мной в палате лежал. Рассказал мне все, как меня уже похоронили. Ну этот, с ампутированной ступней.

– Алеша! Зиновий умер, больше месяца назад, у него была гангрена, он не выдержал наркоза, когда ему ампутировали ногу. У него, было слабое сердце. Ты, не мог, его видеть, понимаешь? Это я, подготовила все документы для тебя, и увезла тебя из госпиталя. Об этом, никто не знал, даже папа. В шесть, в госпитале будет подъем, но пока они будут разбираться, в чем дело, мы уже будем в Москве. Если вздумают, ловить нас, то искать станут по направлению к Томску, к твоей родине. А мы, поедем из Москвы на машине, в Ленинград. Нас не найдут.

Эльза, оставила в покое свою сумку и решила, наконец, успокоиться. Алексей, медленно переваривал информацию, полученную от Эльзы.

– Значит, Зиновий, это бред сивой кобылы? Он же пришел вечером и сказал, чтобы я не спал, все готово. Что, в три ночи, уходим. Все так и вышло, только пришла- Эльза, а не Зиновий. У Алексея разболелась голова, и он отбросил все мысли, напрягающие психику.

До Москвы долетели нормально. В аэропорту, взяли такси и поехали по какому-то адресу.

~ 53 ~

Алексей не расслышал, вернее не понял, что сказала Эльза, таксисту. Дом, куда они приехали, был высотный и видимо элитный. Квартира огромная и богато обставленная. Алексей, не видел такой роскоши, поэтому чувствовал себя скованно и неуютно.

– Чья это квартира?

Спросил он, когда сели обедать.

– Это моего дяди, по матери. Он сейчас за границей, вместе с моей мамой, они там работают над совместным проектом. Но его дочь, должна быть дома. Может, на дачу уехала. Я не смогла, с ней созвониться, поехала сюда на свой страх и риск, потому, что больше некуда. Судя по продуктам в холодильнике, она, вчера была дома. Ну, может быть, позавчера. У меня ключ от их квартиры, еще с тех пор, как я училась в институте и здесь жила. Мы, сейчас отдохнем с дороги, а к вечеру, уже снова будем в пути. Или завтра, с утра? Как, ты себя чувствуешь?–

Алексей пожал плечами, он сам не знал, как себя чувствовал, но попробовал пошутить:

– Я, чувствую себя так, как будто, я сбежал из госпиталя, и заодно, от своей смерти. Но не знаю, во что мне это выльется, и зачем тебе, все это нужно? Эльза сделала вид, что не поняла ни вопроса, ни шутки. Вскоре, они уже отдыхали в хозяйской спальне и не думали о том, что их ждет в дальнейшем. Утром, Алексей проснулся рано, и лежал тихо, чтобы не разбудить Эльзу.

Она, разметавшись, на огромной кровати, сладко спала. На крестце, повыше ягодич, у нее была татуировка. Череп с перекрещенными костями и фашистская свастика.

– Надо же! – Подумал Алексей.- Как у дивизии «Мертвая голова». К чему бы это? Додуматься, на таком месте, череп с костями нарисовать! Нет, что-то, тут не так! Это, не похоже на баловство. Это, что-то серьезное!

Перед тем, как они отправились в путь, Эльза, несколько раз позвонила по телефону. Говорила, опять, на непонятном ему, языке. Потом повернувшись к Алексею, сказала:

– Пора ехать!

Оставив записку, на столике в прихожей, они спустились на лифте вниз. Эльза поздоровалась с консьержкой, как старая знакомая. Внизу, у подъезда, ждала машина. Все было, как в шпионском фильме, и Алексей чувствовал себя, участником этого фильма. Смотрел на себя, как бы, со стороны. Москва, встречала умытыми за ночь улицами. Настроение было, почему-то, приподнятым. Эльза, прекрасно водила машину и так же хорошо знала дорогу. Они быстро выехали из столицы, и машина, резко увеличила скорость.

– Ты, на каком языке, говорила по телефону?– Спросил Алексей.

– На латышском. А что?

– Просто, не понял и все. Я же, не знаю, куда ты меня везешь и зачем? Ты, не потрудились, посвятить меня,

в свои планы. Я чувствую себя, чем-то, на подобии багажа. Знаешь, довольно, забавное чувство! С тех пор, как мы с тобой встретились, ты все решаешь за меня, и самое интересное, что даже не спрашиваешь моего мнения.

— Прости, конечно, я как-то не подумала, что тебе это важно, прямо сейчас. Хотела, поговорить с тобой, позже. До этого, некогда было, потом, устали с дороги, потом -ночь. Вот, остановимся на отдых и поговорим, обо всем сразу.

Она закурила. Алексей, начал рассматривать пейзаж за окном, мчавшейся на бешеной скорости, машины.

— А помедленней, нельзя? Я не успеваю рассмотреть природу?—

Алексей рассмеялся. Эльза, снизила скорость и включила приемник. Зазвучала легкая музыка, которая не мешала думать и не утомляла слух. Алексей вдруг, понял, что он не доверяет девушке. Что-то не срасталось, в его понимании, в ее действиях. Что именно, он, еще не определил. Но, какое-то чувство тревоги или дискомфорта, время от времени, начинало овладевать им. Тогда, ему хотелось, прямо на ходу, выпрыгнуть из машины. Он, подавлял в себе, это желание, и все-таки ждал, какой-то развязки. За городом Калинин, машина свернула на обочину. Эльза предложила, отдохнуть и подкрепиться. Бутерброды, пирожки и кофе в термосе,

были в багажнике машины. Путешественники устроились на заднем сидении, и весело болтая, ни о чем, поели. Потом, Эльза взяла свою сумку и достала оттуда, документы Алексея.

— Вот здесь, все, что тебе нужно, для того, чтобы устроиться на работу или продолжить службу на флоте. Здесь деньги, адреса и фамилии тех людей, к кому надо обратиться за помощью в Ленинграде, если понадобится. Я, не хочу тебе, Алеша, ничего объяснять и говорить. Может быть, со временем, сам поймешь, или сделаешь выводы. Только домой, тебе возвращаться нельзя. Своим возвращением, ты подведешь многих людей, в первую очередь меня и моего отца. Не делай этого. Я постаралась, заглядить перед тобой свою вину и ты узнаешь об этом, в Ленинграде. Все, будет хорошо!— Алексей взял документы, убрал в нагрудный карман, посмотрел на дорогу. Посередине трассы горел костер, а вокруг костра, кружился шаман. В руке, у него, был бубен. Он с силой, ударял рукой по бубну, но звука не было слышно. Алексей, рассмотрел на бубне красные и желтые тряпочки, привязанные по бокам, и серебряные колокольчики. Движения шамана, были размеренными и четкими. На черном халате, нашиты лисьи и волчьи хвосты. Когда шаман кружился, хвосты развевались в разные стороны, и их цвета сливались в один, оранжевый цвет. Сквозь костер и самого шамана, проезжали машины, не сбавляя скорость, только потом, метров в

двадцати, слегка притормаживая, водители оглядывались на дорогу, и вновь прибавляли скорость. На душе, у Алексея, стало тревожно.

— Эльза, может вопрос не в тему, но все-таки, скажи, для чего у тебя, татуировка чуть ниже пояса, на спине? И что она обозначает? Смысл, такого художества, на таком месте?

Эльза, пришла в замешательство, она не знала, что ответить. Она нахмурила брови, было видно, как она, мучительно ищет ответ. Объяснения не последовало. Алексей не стал настаивать.

— Посмотри на дорогу, ты что-нибудь видишь?

Алексей показал рукой направление. Эльза, долго всматривалась в дорогу, потом, вышла из машины, направилась, было, в сторону костра, но вдруг, резко повернув назад, быстро запрыгнула в машину, громко хлопнув дверцей.

— Да вижу! Испарения от асфальта, выдают какой-то мираж, но я, не могу понять, что это такое? Наверно, игра света и тени, или какое-то природное явление?

Зубы у Эльзы, стучали друг о друга, как будто бы она, совсем замерзла.

— Сама ты, природное явление!

Алексей, обнял Эльзу и крепко поцеловал.

— Все! Мы расстаемся! Ты, едешь назад, я, еду вперед. Ре-ше-но!

Алексей вышел из машины, и, подняв руку, остановил первую попавшуюся, попутную машину. Когда селся, костра и шамана, на дороге уже не было. Или, он просто не смотрел, в сторону явления. Эльза, кинулась было за ним, но поняла, что не успеет, и с досадой захлопнула дверцу машины. Завела мотор, и, дав задний ход, аккуратно выехала на трассу. Она хотела, поехать за Алексеем, догнать и вернуть его, во что бы то ни стало. На дороге, перед машиной, пылал огромный костер, и какая-то неясная тень, мелькала вокруг костра. Эльзу охватил страх. Она не могла, поехать прямо в пламя, хотя, понимала, что это мираж. Руки сами вывернули руль и машина развернувшись, покатила в другую сторону.

— Что поссорились? - Спросил мужчина за рулем, и хитро подмигнул Алексею.

— Тут место бесовское! Зачем вы, тут остановились? Это хорошо, что ты просто уехал, в основном, тут убивают своих попутчиков. Вон видишь, сколько веночков висит, почти на каждом дереве и столбике? Беда тут живет! Разбиваются машины, почти каждую неделю. Я, часто тут езжу, но больше сорока, в этом месте не двигаюсь. Тише еду - дольше живу! Так что, имей в виду, я, скорость держу, в рамках безопасности. Быстро не поеду.

Алексей оглянулся, машины Эльзы, уже не было. Дорога, серой лентой тянулась вдаль.

— Зачем оглянулся? — Подумал Алексей.

По указанному, Эльзой, адресу, Алексей не поехал. Он, вообще, не поехал в Ленинград. Внимательно изучив документы, он убедился, что это его бумаги, не липовые, а самые настоящие. Он, не совершил никакого преступления, никого не убил, тогда почему, он должен бежать, или кого-то бояться? На попутках добрался до Петрозаводска, а там сел в поезд. Билет взял до Мурманска, но сошел в Оленегорске. Все получалось, так, как сказал Зиновий. В вагоне, познакомился с погонщиками оленей, лопарями. Позвали с собой, Алексей согласился.

– Только работать, ты пока не будешь,- сказал Никита, так звали нового знакомого.

– Тебя сначала, мало-мало лечить надо!- Никита засмеялся, оголив крепкие зубы. Алексей читал, что зубы, на севере, очень быстро портятся. От цинги и нехватки витаминов.

– По Никите, этого никак не скажешь.

Подумал Алексей, но говорить на эту тему, считал, несвоевременно и неудобно.

У небольшого вокзала, даже проще сказать, станции, стояла упряжка белых оленей. Алексей залюбовался красотой и грацией этих животных. Северных оленей, он видел впервые. Уложив багаж на легкие санки, мужчины двинулись в путь. Как красиво было вокруг и так

легко было на душе у Алексея, что он даже не смог это мысленно оформить.

– Благодать? Или благолепие?

Юрта стояла одна. Вокруг, расположилась, свора собак, а в метрах, двухстах, ходили по кругу олени. У самой юрты, был привязан белоснежный олень, с огромными резными рогами. Собаки, сначала залаяли, потом, все бросились навстречу упряжке.

– Иииях!

Закричал Никита, и собаки замерли на месте. Остановив упряжку, и привязав своих оленей, с другой стороны привязи, Никита громко позвал:

– Отец отца! Ты дома?- В ответ было глубокое молчание.

– Значит дома.- Сказал Никита.

– Олени дома, собаки дома, значит отец отца, отдыхает.

Он хотел заглянуть в юрту, но не успел открыть шкуры закрывавшей вход, как оттуда выскочил небольшой мужичок, с гладким лицом и острыми как бритва глазами.

– Зачем тревожишь, оленя напугал, я сам выйду, когда надо будет!

Но было видно, что строгость напускная, все, как в спектакле.

– Зачем, ты Никитка, мертвого человека с собой возишь? От мертвых, живым, одна беда! Оживить хочешь?

Можно, мало-мало попробовать! Но только, одна половина, так мертвой и останется, а живая жить будет! Пусть в юрту заходит, только, пусть спиной заходит, не мордой вперед!

Алексея удивили слова старика. Как, неграмотный старик, мог знать, что Алексей похоронен? И, о какой половине, он говорит? Почему, живая, будет только половина?

– Потому, что половина души человека, всегда остается на его родине. Где бы, не был человек, он всегда помнит и любит, то место, где он родился. Ты умер там, где ты родился, для всех и для себя тоже. А живой, ты здесь. Но совсем - совсем больной, поэтому, тебя надо оживить тут, а там, пусть как есть. Там, мы с тобой бессильны. - Старик усадил Алексея, на какую-то шкуру, и сверху тоже накинул шкуру, оставив щель, чтобы Алексею, было чем дышать. Проверил еще раз, отверстие для воздуха и легонько ударил Алексея по правому плечу.

– Ууууууууаауууу.

Начало звучать у Алексея в ушах. Было не понять, что это за звук, он продолжался долго и монотонно.

– Наверно горловое пение.

Подумал Алексей. Потом, Алексей услышал знакомое, и долгожданное.

– Буум!

Все исчезло, и юрта и старик. Алексей, увидел себя, у ресторана в Калининграде. Вот, он выскочил из двери, и сразу отскочил в сторону, на руке намотан ремень, и его друзья уже стоят, готовые к драке. Он поворачивает голову, и видит, за своей спиной, какое-то движение. Человек резко взмахивает рукой, Алексей не успевает отреагировать. Врагов, ждали из двери ресторана, их еще не было, поэтому неожиданным, было такое нападение, сзади. Чувствует удар по голове и, падая, видит, как из ресторана выбегает несколько человек. Видит яркое красное платье, в этой толпе. Мысль, как молния пронзает мозг:

– Она была с ними!

Эльза идет по направлению к нему, к Алексею. Она не может видеть его, но видимо знает, что он здесь, у столба. Вместо головы, на плечах у Эльзы, череп. Следом за ней, идет мужчина, и почти сразу подъезжает машина. Алексея грузят на заднее сидение и Эльза, шепотом говорит на непонятном языке, с водителем.

Картина быстро меняется, и вот Алексей, уже идет по таежной тропе, к Волчьей горе. Он чувствует запах тайги, он растворяется в этом, дорогом ему, мире, и в его запахе. Вход в пещеру шамана, завален камнями. Алексей поднимается на вершину, и ищет отверстие, чтобы заглянуть в пещеру сверху. Начинает разбирать камни, там, где по его предположению, должно быть отверстие для выхода дыма, но оно завалено так, как

будто бы, через него заваливали всю пещеру. Полностью. Кто, и как, и когда мог сделать это? Невероятно!

Алексей, уже видит себя на кладбище, ходит между могил, и видит перед собой, могилу, памятник со своим именем и своей фотографией.

В глаза, бьет свет костра, напротив Алексея сидит дед Никиты, и бросает в костер какие-то травы.

– Ну что, увидел, где ты живой, а где мертвый? Тебя, повезла в эту сторону, твоя смерть, только ты убежал от нее, сел в другую машину. Молодец, однако!

– Значит, та женщина, что меня везла, должна была меня убить?

Алексей, с сомнением, взглянул старика.

– А ты что, думал, что она за тебя замуж собралась? Нет! Она только искала подходящее время и место. Ты, для нее, уже не существовал, она игралась с тобой, как песец с сусликом. Поживешь у меня четыре дня, поешь оленины, травы тебе запарю, настоем попою, но ты за это, мне, отдашь свой бушлат. Потом, к моему старшему сыну поедешь, в Мурманск, оттуда в Североморск. Пойдешь с ним, далеко, за моря и океаны, в большое плавание. Когда вернешься, тебя, уже, не будут искать. Потеряют твой след, навсегда.

Алексей не знал, сколько прошло времени, с тех пор как он зашел в юрту, но он почувствовал сильную усталость. Как будто, все вопросы и ответы за всю его прожитую жизнь, прошли сквозь него, все разом. И не

оставалось сил думать, вспоминать, осознать. Отдохнув немного у старика, Алексей поехал с Никитой в поселок. Закупив все, что наказал старик, Никита сказал:

– Не сердись, Алексей, в гости не зову, отец отца, не велел тебя ни с кем, пока, знакомить. Сказал, что тебе, вред от этого будет.

– Не велел, значит так надо. Я как-то и не расположен, к обильному общению. Но так хотелось бы, поближе познакомиться с вашим бытом. Посмотреть, как вы, с такими огромными стадами оленей управляетесь. Мне все сейчас интересно! Я по дому очень скучаю, и вот, чтобы преодолеть эту тоску, мне, нужно получать максимум информации, чтобы голова была забита.

– Э, Алешка! Нельзя забивать голову ненужными вещами. Что тебе с того, что ты узнаешь, как мы оленей пасем? Тебе в жизни, это никогда не пригодится! Значит, пустое это для тебя. Надо знать мало, но хорошо, это гораздо лучше, чем знать много и как попало. Не вникая в самую суть дела.

– Ты, конечно прав!

Алексей понял, что эти люди, живут по своим законам и правилам. Для них важно, только то, от чего напрямую зависит их жизнь. Правила выживания в своей среде, они знают на «отлично». Если кто плохо выучил урок, сам виноват. Слишком много, думал о посторонних вещах.

Когда приехали к юрте, то старик, сразу, показал Алексею, где он будет спать. Алексей лег. Думая, что уснет и будет долго и безмятежно спать, но сон, куда-то улетучился.

Алексей вертелся на мягких шкурах, не мог уснуть, мысли одолевали его, или блохи не давали уснуть, или то и другое вместе.

Часть вторая

КЛИНОК СКОПЦА

12.

– Зубрин Алексей? Твоя фамилия, не будет числиться в списках личного состава. Для вас троих, будет отдельный список. Имей в виду, вся работа, будет проводиться строго секретно. Приборы, будут под вашей, личной ответственностью. Сверхчувствительная и единственная в своем роде, аппаратура, очень дорогая. Будьте внимательны. Работать будете, сменяя друг друга. Ни одной минуты, не должно быть, не зафиксировано, вахтенные журналы и дневники, найдете в рабочем кабинете. Время вахты и продолжительность, на ваше усмотрение. Для вас, оборудована трехместная каюта. Код рабочего кабинета, получите перед самым отходом. Дополнительные инструкции, непосредственно по работе, по мере необходимости.-

Капитан, отдав честь, направился к ожидавшим его людям. Алексей знал, что через несколько дней, корабль отходит на Кубу. Туда повезет зерно, обратно сахар. Но основная задача плавания, совсем не хлеб и сахар, а научные исследования Атлантического океана, в определенных местах. Он был готов к такому путешествию. Работа предлагалась сложная, но в армии, он как раз и занимался всем тем, что предложили в данном

плавании. За восемь месяцев учебки, Алексей изучил все новейшие приборы и их назначение. Считался отличником, поэтому, сомнений не было. Но, когда начался инструктаж непосредственно в рабочем кабинете, работа показалась настолько интересной и заманчивой, что даже Алексей, посчитал себя везунчиком.

Знакомство с экипажем было коротким, их представили как работников НИИ. Знакомство со своим коллективом, приятно удивило. В нем, был такой же, как Алексей, специалист по приборам, Роман. Научный сотрудник НИИ, доктор, каких-то там, наук и т. д. и т. п., Ирина Георгиевна Новикова. На этом, коллектив заканчивался. С Романом, Алексей, сразу почувствовал какую-то взаимосвязь. Они приветливо улыбнулись друг другу и крепко пожали руки. У Романа, была неотразимая улыбка. В ответ, на такую улыбку, хочется улыбнуться еще шире, и от всей души. В противовес, этой солнечной улыбке - глаза. Роман улыбался, что-то говорил, а глаза, всегда оставались без искорки, зрачки, будто перевернутые внутрь. Не хотелось, смотреть в эти глаза. Ростом он, был немного выше Алексея, поэтому, Алексею было не трудно, избегать прямого взгляда. Тело у Романа, будто отлито из свинца, под рубашкой перекатываются крепкие мышцы, и в то же время, ловкое. Это, было заметно даже по походке. Ноги, как бы пружинили, от пола. И весь он, походил на хищника, вышедшего на охоту. Темные вьющиеся волосы, гладкая светлая кожа. В общем, оценка, с первого взгляда, была не в пользу Алексея. Роман был, и тренированней, и

выше, и кудрявей. Конкурировать с ним, Алексею будет трудно. Но и врага, в Романе, не чувствовалось.

Ирина Георгиевна, смотрела на них, с подозрительной и насмешливой улыбкой. Лет ей было, явно, за тридцать. Короткая, строгая, почти мужская стрижка, на жестких темных волосах, обрамляла мраморно-белое лицо. Лицо оставалось в памяти сразу, после первого взгляда, и не забывалось, не размывалось в памяти, даже во сне. Алексей, не мог понять, своего состояния. Ему хотелось видеть, Ирину Георгиевну, всегда! И днем, и ночью. Он скучал по ней, даже когда она была рядом, только занималась чем-нибудь другим, не разговором с Алексеем. Роман же, в отличии от Алексея, смотрел на Ирину Георгиевну, как на пустое место. Глядя на Романа, он не представлял, как это может быть, что Роман, не реагирует, на эту необыкновенную женщину?

– Слышь, Роман, тебе что, Ирина, совсем не нравится? А я, прямо, извелся весь! Как увидел ее, все внутри перевернулось!

– То ли еще будет! - Смеясь, сказал Роман. - Вот, когда, в теплые моря заплывем, разденемся, загорать начнем. Не хотелось бы, мне, испытать твои муки.-

Повернулся и пошел напевая:

– Сердце красавицы, склонно к измене.

Алексей обиделся. Он, по - свойски, и от души, поинтересовался у Романа, его отношением, к Ирине, а Роман, как бы поддразнивает. В остальном, было все замечательно. Пока осваивали территорию, продумывали варианты смен, часы сна и отдыха. Было время, привыкнуть к новой обстановке, опробовать приборы, и

присмотреться к своему окружению, более основательно.

– Я, намеренно отказалась, от отдельной каюты. Наш маленький коллектив, должен быть сплоченным настолько, чтобы замечать друг за другом, малейшие изменения в психике, характере, поведении. Если, кто-нибудь из вас, против, такой постановки дела, будем обсуждать! Наша работа, может повлечь за собой, различные последствия. Мы не знаем, с кем или с чем, мы можем столкнуться, в процессе исследований. Я, не первый раз провожу эти исследования, поверьте мне на слово, все бывает. Поэтому, мы не должны отличать друг друга, по половым признакам. Это наша работа, и мы должны ее выполнять, не забывая себе голову посторонними мыслями.

Ирина Георгиевна, многозначительно посмотрела сначала на Алексея, потом на Романа. Мужчины промолчали.

– Мы, как подопытные, что ли? Вы за нами, как за крысами, наблюдать будете? Я, вроде как, на работу подписывался, а не на научный эксперимент! Хотя, какая в принципе разница! Как скажете, так и будет.

Роман улыбнулся. Алексей промолчал, глядя на Ирину, всем своим видом показывая, что он готов на все, лишь бы с ней рядом.

– Ну что? Значит, возражений нет? У нас есть время, до отплытия, для того, чтобы мы могли пообщаться друг с другом, поговорить, рассказать друг другу самые, может быть, сокровенные мысли и случаи из своей жизни, возможно из жизни, близких нам людей. Все это, для того, чтобы мы могли доверять друг другу, как самому

себе. И это, тоже, очень важно. После ужина, сбор в каюте. Она повернулась и пошла в сторону капитанского мостика. Алексей задумчиво смотрел ей в след.

– Что значит, не отличать половых признаков? У самой, фигурка, как у статуэтки, душа замирает. Может отказаться, с ней жить в одной каюте? Как, я, смогу уснуть, если рядом будет лежать такая вот, прелесть?–

Алексей шутя, подмигнул Роману.

– А мне нравится! Она будет с нами жить, переодеваться при нас. Разные там штучки, подтяжки, лифчики, заколки! Всегда можно пошутить, по любому поводу. Я – за! А ты, что? Боишься, не выдержишь? Слабо?

Роман, посмеиваясь, ушел. Алексею не нравились, эти подколки Романа, но что делать? Может быть и действительно, он достоин только насмешек? Ирина Георгиевна намного старше, да и вся какой-то там доктор или научный сотрудник. А я простой таежник. Кто я, и кто она? Решил дождаться вечера, а там видно будет.

13.

Вечером, втроем, сидели в каюте, пили чай с лимоном, и по своему желанию, первым, начал свой рассказ, Роман.

– Вообще-то, я писал подробную автобиографию, когда устраивался на работу. Но, если нужно еще подробнее, то надо представить, что мы, просто попутчики, и не знаем, как убить время. Сложно, конечно! Не стучат за окном колеса поезда, не качает волна корабль. Но я, все-таки, попробую рассказать о своей жизни, может быть, не самое главное для вас, но основное для меня. Как раз, то, о чем не писалось в автобиографии,

то, чего ни кто, не сможет подтвердить. Однако, все это, чистая, правда, до последнего слова. Может быть, что-то, я упущу в своем рассказе, но даю слово, что ничего не придумаю. По окончании командировки, мы расстаемся навсегда. Это, я знаю точно. Наши пути, не должны больше, перекреститься в этой жизни, потому, буду честен и по возможности краток!-

Роман слегка притушил свет и не снимая покрывала, сверху, прилег на кровать.

– Это, чтобы было уютнее и проще рассказывать. Вы бы тоже, уже ложились, рассказ-то, может и надолго затянуться.

Роман, нарочно, сделал паузу. Помолчал, собираясь с мыслями.

– Родился я, в семи километрах от Старицы, Калининская область. В селе Веселки. Отец, был инвалидом войны и умер, когда мне исполнилось восемь лет. Мама, работала дояркой, в колхозе «Путь Ильича». Уходила на дойку рано, по темну, приходила поздно. Мы с братьями, были предоставлены самим себе, и поэтому, как-то, само собой получалось, что несли ответственность, перед матерью, друг за друга. Я был средним. В школу, ходили за два километра, в Верхние Веселки. Дожидались друг друга с уроков и шли домой. По дороге, всегда сворачивали в пещеры. По нашим пещерам, можно было, и в Старицу сходить, и в дальнейшем, за Старицей, село Голишово. Там у нас родня жила, по отцовской линии. Но можно было и заблудиться, так, что навсегда потеряться, в этих бесконечных лабиринтах. Вот это-то, и привлекало. Зимой, в пещерах тепло, вода не застывала, если брали с собой бутылку с водой и не

выпивали, то оставляли там, потом в следующий раз, пили из нее воду. Летом - прохладно, на верху жара, а зайдешь в пещеру и такая благодать! Мы искали новые ходы и выходы, находили много странных и интересных вещей. Однажды, с Юркой, обнаружили в стене пещеры, широкую щель. Зажгли дополнительный факел, и, осмотревшись, решили туда забраться. Юрка, свободно пролез, и позвал меня. Мне, удалось с трудом, но, когда я пролазил, щель вроде как раздвинулась. Осмотрели стену изнутри, оказалось, что она состоит из хорошо подогнанных, друг к другу, камней. Поэтому, от моих усилий, кладка и сдвинулась. Внутри, было небольшое помещение. Наверно, метра три на два с половиной. Это, я сейчас, так думаю. Тогда, нас больше интересовало, что в нем есть. В углу, стоял камень с ровной поверхностью, как стол. Рядом был камень поменьше. Наподобие стула, можно было сесть и прислониться спиной к стене, для удобства. На столе лежала большая книга, в кожаном переплете. Сверху вытесненный какой-то иероглиф. Будто бы, буква «С», с вензелем внизу. Книга была закрыта на бронзовую застежку. Я попытался открыть, но не смог. Решил, что потом, дома открою. Еще, на столе стояла каменная площадка. Я почему-то подумал, что это масленка для фитиля. Но, она была пустая. На стуле, лежал клинок. Нет, даже не клинок, а что-то на подобии серпа. Это я, условно, назвал его так, потому, что не знал, как можно называть такое оружие. Я взял его в руки, но не подумал, что лезвие, может быть заточено с обеих сторон, и порезал себе ладонь. Кровь хлынула неожиданно, я не почувствовал пореза.

~ 74 ~

У Юрки в кармане, оказался пионерский галстук, и им, перевязали мне руку. В другом углу помещения, была навалена, куча какого-то тряпья, и я, взяв клинок, приподнял и откинул верхние тряпки. Посыпались белые, длинные пряди волос, и оголился череп. Пустые глазницы и страшный оскал, привел нас в замешательство. Мы с Юркой опешили, еще не успев испугаться. Но тут, из кучи тряпья, послышался, не то, шепот, не то, шелест. И мы, разом, бросились прочь. Юрка, проскочил в щель первым, я следом за ним. Щель, мне, уже не показалась такой узкой. Мы бежали, почти на ощупь. Факелы, и все свое снаряжение, мы бросили там. До тех пор, пока мы не выскочили наружу, нам казалось, что за нами кто-то гонится. Отойдя в сторону от пещеры, присели на камни, чтобы хоть чуть-чуть, отдышаться. И только тут, я заметил, что в руках у меня клинок. Кровь из раны, пропитав галстук, стекала на клинок и будто бы впитывалась в него. Я положил клинок на землю, и развязал галстук. Рана была глубокой и из нее, все еще текла кровь. Я зажал рану галстуком. Прихватив клинок, мы огородами, направились домой. Матери дома не было. Юрка нашел в аптечке стрептоцид, мы засыпали им рану, перебинтовали, и начали рассматривать свою находку. Обтерли тряпкой от крови, где кровь была густо, клинок, стал белым и сверкал стальным блеском. А куда, попала кровь, когда мы ее вытирали, был сначала черным, потом на глазах светлел. На лезвии клинка проявилась надпись. Прочитать, не смогли. Буквы непонятные. Само лезвие и перекаладина, были выкованы из какой-то черной стали, которая светлела при попадании на нее крови, а ручка, вроде как костяная, или дерево так замороженное и отпо-

~ 75 ~

лированное. В одном месте еще клинок оставался черным, я помочил водой, остался без изменений. Тогда я потер пропитанным кровью галстуком, пятно исчезло, и клинок весь засветился, будто бы его, только что отполировали. Очень хотелось узнать, что на нем написано. Юрка, сначала предложил показать учительнице по истории, или по литературе. Но потом, быстро передумал. Вдруг, в музей заберут находку? Жалко! Завернули в тряпицу и спрятали в подпол. Сейчас, думаю, зря оставили. Может быть, из-за этого клинка, и знака на нем, все и произошло. Рука у меня, недолго болела. Через пару дней, затянулась рана, но шрам, остался на всю жизнь. И что странно, в виде буквы «С», и закорючка снизу.

Роман поднял руку и продемонстрировал рубец. На ладони, явно, выделялся белый шрам, в виде какой-то пентаграммы.

— За годы, пока мы росли, вдоль и поперек исследовали каждый закоулок Старицких пещер, но оказалось, что мы росли, и вместе с нами, расширялись пути наших исследований. Люди, разное, про эти пещеры, рассказывали. И про старицу, что если заблудишься, то она, появляется впереди, вся в черном, и молча, ведет тебя наружу. Только, за ней, бежать надо, бегом, чтобы из виду не потерять, если потеряешь ее из виду, больше не покажется - сгинеешь. И про всяких там, разбойников, которые от милиции прячутся, будто бы с самой войны, и что, они убивают и едят, тех, кого поймают в пещерах. И еще, про тайные комнаты говорили, что в этих комнатах, по мертвецу лежит. Если кто найдет, такую комнату, то мертвец оживает и вместо тебя уходит, а ты вместо

него, остаешься там, пока тебя не найдет какой-нибудь бедолага, чтобы вместо тебя, там остаться. Хоть мы, и мало в это верили, но поодиночке, все - таки, в пещеры не ходили. Собирались, иногда до десяти человек, и играли там, в прятки, и в разведчиков. Еще рассказывали, что будто бы в пещерах, стоит, всегда накрытый, каменный стол. Найти его трудно, но если найдешь и сядешь за этот стол, то уже живым, никогда не выберешься, из-за этого застолья. Ну, мы и старались, найти это место, где стол накрыт, ни потому, что голодные были, а так, из интереса.

Старший брат, Данила, уже в то время, когда мы клинок-то, нашли, в армии служил. В ракетных войсках под Свердловском. Город Пышма. Письма оттуда слал, и часто про пещеры спрашивал, про находки новые. Он попросил, клинок дома оставить, до его прихода. Посмотреть хотел, а в музее-то и потерять могут. Дома, оно надежнее. Мне уже к семнадцати было, тоже в армию собирался. Мать все время ругалась, что лучше б, это время на хозяйство потратили, да где тут! Разве убедишь! Охота, пуще неволи! Решили, мы с Юркой, снова туда сходить, где клинок нашли. Там ведь, еще книга осталась, с бронзовой застежкой. Да и рассмотреть, толком, мы ничего и не успели, убежали. Время прошло, страх развеялся, а интерес остался. Пошли все-таки, и в первый раз, за все годы, заблудились. Плутали долго, уже и запасы, что с собой брали, съели. И воды, ни капли не осталось. А в пещерах воды нет. Говорили, что есть где-то, Старицын источник, но мы его, так и не обнаружили.

Время в пещерах, идет незаметно, часы встали, мы не знали даже, сколько времени, там находились. Решили отдохнуть, прилегли рядышком и так разморило. Вдруг, чувствую, трясет кто-то за плечо. Смотрю, девчонка стоит, свеча в руке.

– Подымайтесь!- Говорит.

– Горе - искатели!-

Мы соскочили, а она рукой машет и за собой зовет. Так и вывела нас к выходу. Познакомились. Ее Олей звали, из самой Старицы она. Подружились мы с ней надолго. Встречались в пещерах и провожали друг друга, до самого утра. Юрку, я уже с собой брать перестал. Про находку и думать забыл. Только однажды, заметила она у меня шрам на ладони.

– Откуда,- говорит - такая клинопись?

Я ей, без утайки все и рассказал. Она сидит, пальчиком по рубцу водит. Чувствую, капнуло что-то на ладонь, смотрю, а она плачет. Перед армией, я ее домой привел, с мамой познакомил. Мама на работу ушла, а Оля мне и говорит:

– Покажи, Рома, клинок, что вы с Юрой в пещере нашли, которым, ты руку поранил. Я, быстро в подпол слазил, достал клинок, а он, уже снова почернел. Она осмотрела его внимательно, но, в руки взять не захотела.

– Положи,- говорит,- на место.

Со своими родителями, она меня так и не познакомилась. Ждать обещала и дождалась. Я не заметил, как и срочную службу отбарабанил, два раза в отпуск приезжал. Служил-то, я, тоже в ракетных войсках, как и брат, но только далеко от населенных пунктов, в тайге.

Часть, была секретная, и вот там-то, всю эту аппаратуру и технику, я и изучал. Подписку давал о неразглашении, на всю оставшуюся жизнь. Письма, мы с Олей, писали друг другу, через день. Такие письма, что и служба в радость была. А из армии вернулся, не знал, что и делать. Лучше бы там остался. Какая-то она, сразу, чужая стала, моя Оля. Я-то думал, что приду из армии, женюсь. Колхоз, дом обещал построить, со скотиной помочь. Корову и поросят, для начала. Но Оля, все разговоры о свадьбе, переводила на другую тему и старалась вообще, как можно реже, встречаться с моими родными. Адрес ее, у меня был, собрались мы с друзьями и с матерью, поехали сватать Ольгу. Но покрутились у дома и назад, ни с чем, уехали. Не открыли нам ворот, будто бы дома, нет никого. Стыдно мне было, перед парнями и перед мамой, но что поделать, Олю-то я не предупредил, что сватать приеду. Сам виноват. Она потом сказала, что к родне уезжали.

Так и встречались мы с Ольгой, в пещерах. Место, там у нас, свое было, заветное. Это, где Оля, нас с Юрой нашла. Иногда в кино ходили, и на танцы, бывало, после фильма оставались. Потом, я ее домой провожал, до самой зори. Как первые петухи запойут.

Однажды, она мне и говорит:

– Ты вот, Рома, любишь меня, будто бы. А способен ли ты, ради меня и нашей с тобой любви, на лишения и испытания? Готов ли ты, ради меня, пойти на все, о чем тебя попрошу? Даже, если это будет, против твоего понимания, примешь ли, чего я захочу?

– Что-то ты, Оленька, загадками говоришь? Скажи прямо, милая, что надо сделать, я для тебя, на все готов!-

Сам думаю, что дело, с мертвой точки сдвинулось. Сейчас скажет, что надо, я все сделаю, что она хочет, да и свадьбу сыграем.

– Ты, Рома, приходи в субботу, на наше место в пещере. Там, и узнаешь все, чего я от тебя хочу, только не запаздывай, я жду!

Так вот, загадала загадку, и ушла. До субботы, еще четыре дня, надо маяться, а она, даже и встречи до субботы не захотела.

Я, места себе не находил, все догадки строил, что же такое, она для меня придумала? Какое испытание моих чувств или верности? Но то, что было ей задумано, никогда бы не пришло мне в голову! В субботу, с самого утра, вечера дожидался. Матери по хозяйству помог, все дела, вроде, переделал, а времени еще столько оставалось, что деваться некуда. Полез в подпол, решил клинок посмотреть, а его там и нет. У Юрки спросил, и у Данилы, и мать, говорит, не видала. Пропал, в общем, клинок.

После обеда, уже и нарядился. Там думаю, на месте, Олю свою, подожду. Пришел, а она уже и заждалась, вроде. Одета Оля, в плащ какой-то черный, или в балахон. В руках фонарь, и ничего не объяснила, повела в глубину пещеры. Долго шли. Остановилась потом, долго так, в глаза посмотрела, и говорит шепотом, будто кто, услышать мог:

– Ты, Рома, не передумашь? Я тебе, время подумать дала, чтобы ты в последний момент, не отказался,

от своего обещания. Все, для себя, точно решил? Не пожалеешь, что ради меня, на такое пойдешь?

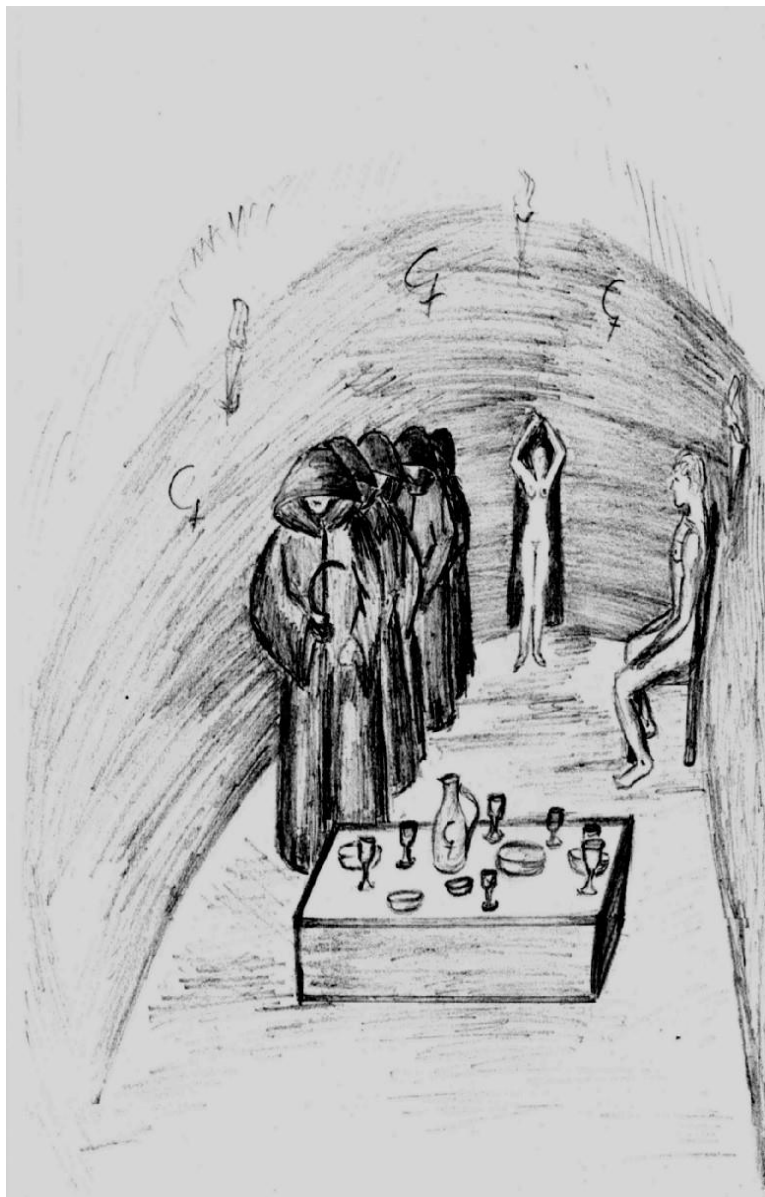
– На какое? Ты объясни, толком! Ну, да, я готов на все! Только скажи, что я должен сделать, на что надо идти? – Говорю.

– Я, от своих слов, с роду не отказывался, и сейчас, кривить душой, не буду!

– Ну, смотри, Рома, ты сам согласился, не удивляйся ничему и ничего не спрашивай. Потом, все обсудим, и обо всем поговорим. Самыми счастливыми, мы с тобой будем в этом мире, и в том, тоже!

Я не понял, в каком это, в том, мире, но промолчал. Пошли дальше. А она, мне и призналась, по дороге-то, что ее родители в секте состоят. В Братстве. Что нельзя ей замуж, за чужака выходить, не положено, это, у них. Что если люблю я ее, по настоящему, то их веру принять должен. Обряд посвящения пройти, только тогда, можно благословение получить у родителей и Братства. Что не признают они, плотской любви, все это- грех, и против их веры. В общем, говорила много, только, не понял я опять, ничего. В моей голове, все это, не укладывалось, чувство к Ольге, затмило весь мой разум. Я решил, что посмотрю, что там и как, а там видно будет. Но согласился для Оли, на любые лишения и испытания. Лишь бы она, была со мной рядом. Готов был на все, лишь бы она была счастлива, ну и я вместе с ней. Тем более, что все, будто, от меня зависело.

Пришли. Большая зала в пещере, посередине, стол накрыт. Вино стоит, в черном древнем кувшине, еда всякая, в такой же чудной посуде. Все точно, как и рассказывали, про стол, накрытый в пещере.

За столом, люди сидят. Два места для нас, с Ольгой оставлены. Поздоровались и сели. Молча, поели и выпили, по чуть-чуть вина. На стенах пещеры горели факелы, но их свет, мало освещал, почти закрытые черными капюшонами, лица незнакомых мне людей, сидевших за столом. Но хорошо освещали странные знаки, желтого цвета, на стенах пещеры. Это были, уже известные мне символы, в виде серпа с перекалиной на ручке, как на клинке. Я хотел спросить, что они означают, но позабыл о них, услышав голос.

— Пора!—

Сказал человек, сидевший во главе стола. Голос, показался мне знакомым. Не то, чтобы кого-то из близких в общении людей, а так, когда узнаешь голос диктора по радио. Смутная догадка, заелозилась в голове, застучала молоточками в виски, но, так и не определилась.

— Роман! Ты готов, принять веру и присягнуть на верность нам, ради любви к Ольге?

— Да! —

Без колебания ответил я, и почему-то, вдруг почувствовал, что все, что здесь происходит - дурной сон! Что такого, не может быть на самом деле! Все это, какая-то мистика или спектакль. В голове снова зашумело, вспомнились вдруг, страшные слова:- « Кто за этот стол сядет, живым, ни за что, не выйдет!»

Мне налили еще вина, и велели выпить до дна, в знак своего согласия. Я выпил.

Когда я, поставил пустой кубок на стол, то увидел, что за столом уже никого нет, а все, взявшись за руки, ходят вокруг костра хороводом и поют, какую-то непонятную мне, песню. Я попытался разобрать слова, но,

или не соображала голова, от выпитого вина, или, пели что-то, на чужом языке, будто бы бубнили. Мне, все это, было не важно, я искал глазами Ольгу. Балахоны, скрывали кружащихся вокруг костра людей, и я не мог угадать, где она. Все было как в тумане, появилось чувство восторга, какой-то дикой, неимоверной радости! Я вскочил, и хотел закружиться со всеми вместе, в этом странном хороводе, забыв обо всем на свете! Но меня остановили, и под руки, повели к большому стулу, со спинкой и подлокотниками. Песня, не прекращалась ни на минуту, и я, только расслышал слова, что должен, воссесть на трон великих свершений, и принять веру, и очищение от греховности. Или, что-то в этом роде. Оля, сняла с себя балахон, под ним не оказалось, никакой одежды. Ее тело, будто бы светилось, в полумраке пещеры. Маленькие острые грудки, слегка вздрагивали в такт ее движениям. У меня защемило в груди, от прилива любви и счастья. Приблизившись ко мне, Оля, посмотрела мне прямо в глаза. В ее зрачках отражался свет факелов, казалось, что сам дьявол, смотрит мне в душу. Меня сковал ужас. И вот, ее проворные руки, быстро скользят по мне, освобождая от одежды. Потом, Оля, прижалась ко мне всем телом. Она пахла черемухой, я почувствовал ее горячий плоский живот. Но она, резко отстранилась и подтолкнула меня к стулу:

– Воссядь!

Голос был просящим, даже умоляющим. Я заметил, что в середине сидения, было круглое отверстие, но не придал этому никакого значения. Откуда-то, в ее руках, появилось два кубка, протянула один мне, выпила, крепко поцеловала меня в губы, и отошла в сторону. На

меня, надели балахон, и руки, неожиданно для меня, оказались зафиксированы, на подлокотниках. Я попытался освободиться, напрягся, чтобы испытать прочность повязок, но увидев улыбающуюся Олю, расслабился. У меня, уже не было страха или сомнения, ведь рядом, была моя любимая. Я доверил ей, свою жизнь.

Наверно, я отключился на какое-то время, потому что, резкая, внезапная боль, пронзила все мое тело. Я не понял, что произошло. Мой мозг, разрывала невыносимая, страшная мука, но тело не подчинялось мне. Я не мог не встать, не убежать, просто не мог двигаться. Боль парализовала меня. Когда я снова открыл глаза, боль уже притупилась, не была такой резкой. Она, определилась в своем местонахождении. Будто бы мне, между ног, засыпали совок горящих углей. Эти угли, прожигали мне все внутренности, я начал кричать, не в силах больше, молча, терпеть эту пытку. Роман замолчал, встал с кровати, потянулся, будто разминая затекшее тело, и вышел из каюты. Мы с Ириной Георгиевной, смотрели друг на друга, в недоумении.

– Его, что ли, кастрировали?

Ирина сделала большие глаза.

– Нет, похоже, оскопили.

– Это как, оскопили?

– На много хуже, чем кастрация. Отрезали все, что только можно отрезать, все, что даже слегка выпирает из тела. Я слышал об этой секте, то же самое, они продельвают и с женщинами. Иссекают грудь, отрезают соски, и отнимают наружные половые органы. Страшное братство, они кровью повязаны. Многие, после таких операций не выживают.

А те, что остаются, верны своим принципам, до конца дней. Потому, что выхода у них нет. Лишив себя всего, ради чего-то, надо жить. Умереть, не каждому, под силу.

– Но это же, преступление! Как вообще, в наше время, может такое быть! Каменный век какой-то!

– Да, вы правы. Но это есть, на самом деле. Только, начинали скопцы, с одними идеями, а их продолжатели, идеи меняли под свое понимание и цели. Просто, время диктовало свои условия. В любом свете, это, прежде всего, безумие и варварство!

Дверь каюты открылась и мы замолчали.

– Что, обсуждаете услышанное? С вашего позволения, я продолжу?

Роман, снова лег на кровать, прикрыл глаза.

– Может, хватит на сегодня? И так, не уснуть будет. Ваш рассказ, Роман, настолько впечатляет, что лишняя, на сегодня, информация, может отрицательно повлиять на психику. Но, в принципе, я не против, выслушать сегодня, ваш рассказ до конца. Если прорвало, то продолжайте!

Ирина Георгиевна, удобнее устроилась на кровати, подбив слегка, подушку под бок. Роман, тем временем, продолжил свой рассказ. Но говорил, с каким-то ожесточением. Как будто бы, каждым словом, подчеркивая: Вы сами хотели! Теперь получайте!

– Вдруг, я почувствовал, явное облегчение, к больному месту, кто-то приложил лед или снег, в общем, что-то холодное. Я попытался осмотреться. Вокруг меня были мрачные стены пещеры. Один факел горел у выхода, второй, справа от меня.

Я лежал на полу пещеры. Руки и ноги были привязаны широкими ремнями и растянуты до предела. Я был распят! Ужас сковывал мою душу и тело, а не только ремни, привязанные к вбитым в землю кольям. Я чувствовал, как из растрескавшихся сухих губ, текла кровь, и вкус железа на языке обострял, и так, нестерпимую жажду. Меня знобило, прямо трясло, как в лихорадке. Снова закричал, прося о помощи. Но темная фигура в балахоне, отделившись от стены, направилась ко мне, быстро обтерла мне лицо, чем-то влажным, и, вложив мне в рот мокрую вату, молча, повернула к выходу.

Я не знаю, сколько это продолжалось, но однажды, я очнулся лежа в снегу, недалеко от своего дома. На мне, была та же одежда, в которой, я уходил из дома. Мать, увидев меня на пороге, заплакала в голос. Она, уже не чаяла увидеть меня, живым.

Моими поисками занимались все, кто только мог. И школьники, и милиция, и дружинники, и просто односельчане. Меня не было дома, почти два месяца. Мать, истопила баню, и я пошел мыться один. Не взял с собой Юрку, хоть мама и настаивала. Боялась, что я упаду там, настолько был исхудавшим и больным на вид. Но Юрка, все равно, сел у бани, караулить, на всякий случай. Я зашел и разделся, осмотрел свое тело. Сказать, что со мной был шок, истерика, приступ эпилепсии или удар, это ничего не сказать. Я заорал так, что было слышно в соседней деревне. Потом, долго не мог разговаривать, порвал голосовые связки. Я хотел умереть! Прямо сейчас, мое сердце, должно было разорваться от горя и крика. Но голос сорвался, а взамен его, я получил крепкую затрещину, и ковш ледяной воды, в лицо.

Оказалось, что по поводу моего исчезновения, мама написала письмо, другу отца, однополчанину. Он занимал высокий пост в Калинин. В КГБ. Когда начались поиски, оперативная группа наткнулась в пещерах, на несколько неизвестных, изуродованных тел. Их никто не опознал, но все они, были оскоплены, и умерли в разное время. Некоторые, уже почти превратились в скелеты. Георгий Николаевич, так звали друга отца, в этот же вечер, увез меня к себе домой, в Калинин. Там, меня лечили хорошие врачи, и я давал показания. Написал все, что знал и помнил. Но, по просьбе мамы, в судебном процессе, я не участвовал. Георгий Николаевич, как - то сумел, вывести меня из этого дела. Да и дело-то, в общем, прикрыли. Слишком далеко потянулся клубок, не по зубам оказался, даже для спецслужб. Потом, Георгий Николаевич, мне рассказал, что Олю мою, тоже оскопили, но она не выжила. Погибла, от потери крови. Мама моя, опознала ее. Оказалось, что не было у нее родителей. Ее, привезли из Украины, в трехлетнем возрасте. И больше о ней, ничего узнать не удалось. Меня, после лечения, направили, усилиями Георгия Николаевича, в одно закрытое заведение, где я, должен был окрепнуть душой и телом, пройти соответствующую физическую и психическую подготовку. Теперь, вот, я тут. По прибытии, останусь на Кубе, на два с половиной года. Цель моей командировки- деньги! Цель моей жизни - месть! Я, знаю, что означает выражение – серпом по яйцам! Все вопросы и пожелания, дискуссии и споры, оставим на завтра? А теперь, друзья мои, чтобы не быть голословным. - Роман встал и быстро скинул с себя одежду. Покрутился, показал бицепсы, оделся и вышел.

Мы, в его отсутствии, не проронили ни слова. Было уже, как-то неловко, говорить о нем, без него. У него не было, никаких половых признаков! Бесполой машина для убийства!

14.

Алексея, неудержимо тянуло к Ирине. Все его существо, стремилось к общению с ней. Стоило закрыть глаза, тут же возникал ее неповторимый и бесконечно желанный образ. Он просыпался по ночам, от страстного желания, обладать ею. И все сны, которые снились ему, после встречи с Ириной, были нестерпимо яркими и сладостными. Потому, что в них, она его любила. Когда на вахте был Роман, и они с Ириной, оставались одни, Алексей не спал по всей ночи. Он слушал ее дыхание, и не мог заснуть, до самого утра. Иногда, ему казалось, что она, тоже не спит. Длинными, бессонными ночами, Алексей думал, как он поведает о своей жизни, ей? Она, ему казалась каким-то божеством, и вот так, как Роман, без стеснения, рассказать о себе, самое тайное, и сокровенное? Нет! Это не представлялось возможным! А просто наврать, или о чем-то умолчать, он, тоже не мог. Мучаясь сомнениями, Алексей задремал. Ему снилась Ирина, вся светящаяся и желанная, ласкающая и отвергающая.

– Вставай, Ромео! Пора на смену!

Роман стоял у кровати Алексея, вытирая голову полотенцем.

– Там, приборы, опять в разнос идут. Ирина, просила подстраховать. Меня просила. Устал я, что-то. Будь другом, замени, а?

– Хорошо. Я сейчас!

Алексей встал и начал приводить себя в порядок. Радуюсь, что он проведет рядом с Ириной, еще несколько часов.

– Ты, сильно-то не ликуй, там работы столько, что на предмет твоего вожделения, смотреть будет некогда!

Роман укрылся одеялом и сразу захрапел.

Алексей вышел и тихонько закрыл за собой дверь. Ирина не удивилась приходу Алексея. Даже, вроде, наоборот обрадовалась.

– Алеша, ты самописцы, сейчас, запусти. Сдохли, на самом интересном месте! Рома, что-то намутил, видно. В этом районе, аномалии раньше не наблюдалось! Нет, смотри, это что еще такое?!

Самописцы, вдруг ожили, сами по себе начали записывать, амплитуда движения, их записи, выходила за рамки бумажной ленты. Все приборы, начали выдавать абсурдную информацию.

– Алексей, фиксируй место нахождения корабля и составляй график, по имеющимся данным. Я, продолжу наблюдения.

– Может на палубу выйти, посмотреть, что там происходит?

– Ничего не происходит. Роман уже ходил. Все в норме.

Ирина, посмотрела Алексею в глаза. Взгляд, был выразительным и продолжительным настолько, сколько мог, вытерпеть Алексей. Он отвел глаза, и сердце застучало так, что казалось, его фиксируют все приборы, находящиеся в кабинете.

Следующим вечером, хотели обсуждать жизненную позицию Романа. Но потом, решили, чтобы сначала, каждый рассказал о себе, а уже потом, какие-то выводы и обсуждения. Ирина Георгиевна, сразу прилегла на кровать, всем своим видом показывая, что она намерена слушать, а не рассказывать. Алексей вздохнул.

– Не знаю даже, с чего и начинать? С начала, наверное! Ну, вот, родился я в тайге, в небольшой деревушке. Мама у меня, коренная таежница, и родни, по маминей линии, много, а отец, никогда не рассказывал о своем детстве и месте рождения. Он был из ссыльных или из заключенных. Я все хотел, у матери спросить, но как-то не получалось. Жили они, между собой хорошо. Только в одном, были друг другом недовольны, что я у них, был один. Может быть, и завелся бы еще кто-то, кроме меня, но выпивали они. Пили, всегда вместе и никогда по пьянке, не ссорились. Отец был смирным и трудолюбивым, а мать, во всем хозяйкой была. Пока школа, да курсы, все нормально было, а когда в армию повестка пришла, мать мне сказала, что у отца, другая семья есть. Я в армию собираюсь, и отец, тоже, манатки складывает. Мать, вся зеленая ходит, не выдержал я, вступился:

– Ты уходи, раньше меня, или уже погоди, уеду, тогда и разберетесь. Тяжело матери будет, сразу двоих из дома проводить. Я-то вернусь, а тебе дорога заказана в этот дом! Приеду, если тут увижу, убью!

Сам, шапку в охапку, да к другу Петьке. С Петром мы одноклассники. Он в детстве хилым был, поэтому, я с ним и дружил. Брата не было, вот я его и защищал от всех.

Потом он, в седьмом классе, вдруг в рост пошел, да так сильно, что мать ему, одежду не успевала покупать. К семнадцати годам, он уже больше двух метров ростом стал. А так вроде и не в кого. Все, родня-то у него, небольшого роста. Сам худой, как палка, растет только ввысь. По больницам стали возить, лечили, не знаю, от чего. Но вес, он после лечения набрал. Ну и звать его стали, соответственно - Петр Великий. Петру, тоже повестка пришла, вот и пошел я к другу, хоть немного развеяться. Тут Лидка, по дороге и прицепилась.

— Последний денечек, со мной провести не хочешь! Я тебя днем, и ночью, караулю, чтоб хоть, увидеть. А я, тебе все равно, что кочка на болоте! Люблю тебя, больше своей жизни, а ты, об меня ноги вытираешь!

Жалко стало Лидку. Она и вправду, неумная, какая-то. Может, на самом деле, любит так сильно. Любовь, она ж сама приходит, человек не виноват, что она к нему пришла. Но я, ничего к Лидке, кроме жалости не испытывал. Ко мне любовь, в то время, не заглянула.

— Отстань! — Говорю. — Ты, Лидка, вечером в клуб приходи, а мне сейчас к Петьке надо, по срочному делу.

— Так и знай, Алешка, не увижу тебя вечером - руки на себя наложу! всю жизнь потом, мучиться, от этой вины будешь! Да не у кого, будет, прощения попросить!

— Да приду я! Точно, вечером в клубе буду!

И сам, бегом к Петьке. Петька, почти и не жил в деревне, последнее время. Когда на комиссию в военкомат ездили, его один тренер приметил и быстро приманил. Стал Петька волейболом заниматься. Хорошо получалось. И на соревнования всякие ездил, и в армии потом, тоже по этой же части, не служил, а играл в ЦСКА.

Ну, это потом. А тут перед армией, в деревню приехал, с родителями повидаться и со мной конечно. У него, все складывается, а я как неприкаянный. И девка, мне попалась, дура-дурой, и отец от семьи уходит, и мать, жалко до слез. Выпили мы с Петром изрядно, и поклялись друг другу, в верной дружбе до конца дней. Да и в клуб наладились. Пока сидели, не заметили, что время уже позднее. Клуб то, уже вот-вот, закрыть были, должны. Тут Лидка и залетела.

— Пойдемте скорей! Я от клуба, ключ выпросила, на всю ночь. По поводу вашего ухода в армию, танцы будут до утра!

Ну, мы-то уже, почти готовые были. Какие нам танцы! Так, присутствовать и ладно. До утра в клубе и провели. Народ почти разошелся, только, кому выпить охота было, да дома никто не ждал. Короче, просыпаюсь, сплю на сцене, занавес закрыт, а в зале музыка играет. Рядом со мной, Лидка спит. Голая, почти совсем. Я не знаю, что делать-то? Соскочить, да уйти? А как Лидку, голую, тут оставить, позорить не хочется. Я-то в полном порядке, и в штанах, и в рубашке, и даже в обуви. Подумаешь, что вся рожа, в помаде, но это, в общем, ни о чем и не говорит. Мало ли, кто меня мог помадой намазать, пока я пьяный спал. Опять же, если зайдет сейчас кто, скажут, что я ее раздел, или того хуже, придумают! Тут друг и выручил. Петька зашел, видит, какое дело, и отправил меня в магазин за вином. А сам с Лидкой и остался. Потом рассказывал, как она ему истерику закатила, что он ей все испортил. Она меня хотела, подловить, пока я пьяный. Но сама, видимо, так набралась для храбрости, что не помнит, с кем спать ложилась.

Главное, что сама разделась, и то ладно. Короче, Петька, в ее планы не входил. Пришлось, ей одеться, в срочном порядке, пока никто не заметил, и идти танцевать. Так вот, друг и спас меня, от неминуемой женитьбы, на Лидке. Писал я из армии, и Петру, и Лидке, немного. Петька, потом, в сборную попал, и начались у него, поездки за границу, турне всякие. Потерялись мы, в общем. Да и Лидка, через полгода, замуж выскочила, невтерпеж, видимо, уже было. Клятвы давала, но ждать не захотела. Как тут в любовь, верить? Но, все в жизни, видимо, закономерно. Корабль «Петр Великий», прослужил Северному флоту, больше ста лет, я сейчас здесь, значит, и не потерялись мы вовсе, с Петькой, а вместе идем по жизни! А будет ли у нас, с ним, еще встреча, не так и важно. Главное, что не забываем, друг о друге. И каждый из нас, что-то сделал для другого, может быть, именно то, что повлияло на дальнейшую судьбу, в хорошем смысле. Лидка с мужем, в Мурманск уехали. И меня, судьба, в этот город привела. Значит, был в этом, какой-то смысл?

Рассказ Алексея, продолжался до самого утра. Потом высказал каждый, свою точку зрения. Стараясь не допускать критики. Дружно позавтракав, команда, легла спать.

15.

Питание на корабле, было отменным. Погода стояла хорошая, не штормило. Работали по восемь часов, сменами, два часа перерыва. Ничего особенного, пока, замечено не было, да и не ожидалось. Просто, привыкали к сменной работе, изучали новые приборы,

~ 94 ~

и неотступно следили за старыми, уже давно изученными. Их показания, записывали в журналы, и для необычной ситуации, два магнитофона писали все, что происходило в кабинете. Поэтому, разговоров, не касающихся работы, в рабочее время, не велось. Знали, что магнитофоны выключены, и включаются, только в определенных случаях, но, может быть в соседнем кабинете, ведется наблюдение и за нами.

Нос корабля, разрезал упругие волны Атлантического океана, казалось, что это вода наступает на корабль, а не корабль движется вперед. После вахты, Алексей отдыхал на палубе, наблюдая за летающими рыбами. Солнце уже зашло за горизонт, но в этих широтах, ночь еще долго не наступит. Зарево заката, отражаясь в воде, будет освещать океанские просторы на много миль вперед. Вокруг Алексея, собрались поговорить, покурить или просто убить время, матросы.

— Вот погоди, как чуток стемнеет, так и начнется! Я когда первый раз на Кубу ходил, в этом месте, такого страха натерпелся, что думал, никогда в эту сторону, больше не подвяжусь в плавание. Потом, позабылось. Каждый раз, все интереснее становится. Вон, смотри подальше левее, уже начинается! Алексей, посмотрел по направлению протянутой руки, но ничего необычного не увидел. Сплошная вода. Зеленоватые волны, в одном направлении, мирно движутся навстречу кораблю. Но потом, он заметил какой-то свет, исходящий из глубины. Свет неожиданно вырвался пучком вверх, и, пронзив насквозь облака, затерялся в бездонном небе.

~ 95 ~

Свет был настолько густым и осязаемым, что казалось, можно его потрогать и почувствовать рукой. Потом, еще несколько таких лучей, появились из глубины. Они не освещали ничего вокруг, световой луч был направлен вверх. Его можно было наблюдать сбоку, он густо светился, но не освещал. Было чудно. Как будто бы свет, принял какую-то необычную форму, для восприятия. Осмотревшись, Алексей насчитал более двадцати, таких световых столбов. Они двигались со скоростью корабля, поэтому казалось, что они стоят на месте. Это продолжалось, примерно, сорок минут. Потом, столбы, будто бы обрезали, где-то там, в глубине, и они, поднявшись из воды, ушли в небо. Матросы, все переместились на нос корабля, смотреть очередное «шоу». Алексей тоже подошел. В этот момент, из-под самого носа корабля, появился огромный серый червяк, диаметр его, был не менее трех метров. Он поднимался из воды, двигаясь, прямо по курсу корабля. Из-под его брюха, пробивался свет. Когда червяк вытянулся метров на двести, то начал извиваться как змея, тогда, по обеим сторонам его туловища, появились короткие светящиеся ножки. На них, он быстро побежал по воде.

— Смотри, какой длинный! Это ж надо, наверно, больше километра уже вылезло!- Матросы, столпившись, обсуждали феномен. А червяк, все-таки закончившись, быстро исчез за горизонтом.

— Валим с палубы! Сейчас волна пойдет! В прошлый раз, эта многоножка, такой волной вернулась, что неделю «Би-Би-Си», никому покоя не давало, с новостями о крушениях, и об исчезновениях кораблей и лодок!

Палуба быстро опустела, корабль лег в дрейф. Впереди идущий сухогруз, тоже заглушил моторы. Ветра не было, Алексей, почему-то, не мог сойти с места. Он стоял на носу корабля, впившись руками в поручни, и смотрел вперед. Вдруг он заметил, что горизонт поднимается. Небо становится выше, и усиливается чувство собственной ничтожности, перед колоссальной силой океана. Огромная волна, шла навстречу кораблям медленно и неумолимо. Ноги, будто бы вросли в палубу. Волна, приближаясь к сухогрузу, начала аркой подниматься над ним. В середине ее, образовался проем, будто бы открывался огромный рот. В уголках этого невообразимого рта, сбивалась белая пена. По мере открытия пасти, оттуда начал исходить звук, постепенно усиливающийся и леденящий душу. В мозг впились, тысячи невидимых игл, глаза, начали вылезать, из орбит. Алексею, на миг, показалось, что он сходит с ума. Руки сжимали поручни, до хруста в костях. Сухогруз медленно затягивался в морскую пасть, нос накренился вниз и корма задравшись, исчезла. Арка медленно усела, волна остановилась, разлилась вокруг, звук исчез. Корабль, плавно, подняло и опустило. Тихая гладь океана, простиралась вокруг, и ничто не могло свидетельствовать о

том, что только что, впереди плыл корабль. На палубу, стали подниматься матросы. Алексей, не стал слушать разные версии, выдвигаемые ими, по поводу этого чуда, еще никто из них не знал, что сухогруза, нет. Спустился в каюту и лег. Не было сил, пройти в рабочий кабинет и посмотреть, что зафиксировали приборы. Все тело ныло, будто он тяжело физически работал, несколько часов подряд.

Почему-то, что воздействие аномальных явлений, на людей, бывает разное. Кто-то, чувствует прилив сил, и находится, некоторое время, в крайнем возбуждении, громко говорит и смеется. Другие же, чувствуют себя разбитыми и уставшими, или совсем больными. Он заметил, что когда появился этот червяк, то все металлические части корабля, стали искриться, будто бы через них, проходил высокий заряд электричества. Но прикоснувшись к железному поручню, кроме тепла, ничего не почувствовал.

— Надо бы поспать, скоро на вахту.- Подумал Алексей, но сон не приходил. В голове, роились всякие мысли и предположения. Увиденное, не входило в разряд обыкновенных природных явлений, это, не поддавалось никакому разумному объяснению.— Может быть, происходящее здесь, никого и не удивляет, а только я, возвожу все это, во что-то сверхъестественное?

Потом, мысли потекли совсем по другому руслу. Он, неожиданно для себя, вспомнил все, о чем пытался вспомнить, последнее время. Достав из-под матраца

блокнот, Алексей, быстро стал записывать. Он покосился на Романа, и, поняв, что тот крепко спит, продолжил свои записи.

16.

Корабль дрейфовал еще сутки. Утром, на рассвете, раздался тревожный сигнал.

— Человек за бортом!

Застучали по лестницам торопливые шаги. На палубе, у левого борта собрались матросы. Алексей подошел, когда уже была на воду спущена шлюпка. Недалеко от корабля, на волнах качалось чье-то тело. С другой стороны, к телу кругами приближалась акула. Огромный плавник, то выныривал из воды, то исчезал на некоторое время. Судя по величине плавника, акула была гигантских размеров. Она неторопливо приближалась, и ее уверенное движение к жертве, не оставляло надежды. Матросы изо всех сил налегали на весла, заводить мотор не было смысла. Плавник акулы в очередной раз появился из воды, она сделала еще круг и ушла в глубину. Подняв тело, шлюпка направилась назад. Когда шлюпку подняли и опустили тело на палубу, все собравшиеся загалдели разом. Тело старпома. Мужчине, было около сорока. Это был проверенный и жесткий человек.

— Смотри, падла, будто бритвой срезала!

— Так у нее зубы острые, как бритва!

— Вкуснее места не нашла, что ли? Акула с извращенным вкусом!

На старпеме, не было никаких повреждений, только, выхвачено вместе с мотней у брюк, причинное ме-

сто. Полностью. Крови не было. Она, видно, уже вся вытекла.

– По местам!

Раздалась команда. И все разбежались кто куда, на ходу выдвигая, каждый свою версию. У тела остались только капитан, медики и пара человек из спецслужбы.

– Странная, я бы сказал, рана.

– Есть какие-нибудь предположения или измышления?

– А какие тут измышления? Упал за борт, акула. Зачем усложнять? Несчастный случай!

– Надо выяснить, кто видел старпома последним. Провести свое расследование. Как он, сам за борт упал, или помог кто-то?

Спрашивали, выясняли, но никто, ничего, не видел. Человек, он был, не компанейский. После вахты, всегда уходил отдыхать. Ни с кем из команды, в дружеских отношениях, не был. Были два-три человека, с которыми, он успел немного сблизиться, но они, были на вахте и не видели его, ни вечером, ни ночью.

Только у Алексея, возникли некоторые подозрения. Но он, решил все хорошенько обдумать. Его смутила именно рана. Акула могла откусить руку или ногу, ну в бок, например, вцепиться и вырвать кусок мяса. А вырвать, все, между ног? Это, не очень похоже на акулу. Срез слишком ровный. Да и почему она, не продолжила трапезу? Из тела вышла вся кровь, и акулы не было поблизости. Собралась бы целая стая, если бы они, учуяли кровь. Недалеко, значит, была одна, которая не успела. Крупная, она сразу, могла перекусить напополам.

Вывод напрашивался, только один, старпома оскостили на корабле и скинули за борт, в надежде, что акулы, его съедят раньше, чем кто-нибудь обнаружит с корабля. Подозрение не давало покоя. Алексей, решил, поговорить с Романом. Если, он не признается, то, хотя бы, постарается реабилитировать себя, в этом случае.

Старпома, унесли в трюм. Начались расспросы и допросы. Версии и предположения. Потом, все затихло на несколько дней.

К работникам НИИ, вопросов никаких не было. Их, будто бы и не замечал никто. Потому и сведений никаких, по поводу этого случая, не поступало, ни Ирине, ни Роману с Алексеем. Потом прояснилось.

Следующим утром, по рассказам матросов, хотели составить акт, спецы, спустились в трюм и, открыв тело, обнаружили, что оно все порвано. Будто бы, акула, основательно пообедала старпомом, пока его не вытащили из воды. Все видели, что тело, было повреждено, только в одном месте. Попасть в трюм, не мог ни кто. Все было закрыто и опечатано.

– Может крысы?

Ответа так и не нашли. Составили акт и отчет. Все встало на свои места. Решили что, просто, от волнения, не заметили этих повреждений. Все, списали, на несчастный случай.

Однажды, войдя в каюту, Алексей заметил, что Роман ставил себе укол. Он быстро спрятал шприц, в надежде, что Алексей не обратил внимания на его действия. Алексею, это, показалось, странным. На корабле были врачи, и если кто болеет, то медицинское обслуживание, было квалифицированным. Значит Роман, не

все рассказал, у него осталась тайна. Или он принимает наркотики, на которые его подсадили в спец. учреждении, или он заболел и скрывает это.

Про старпома, уже подзабыли, и Алексей, решил все-таки, на разговор с Романом.

Дождавшись удобного момента и немного отдохнув, после смены, Алексей, сказал Роману:

– Есть разговор.

Роман не удивился, будто бы, ждал этого.

– Ты, Алексей не думай, что я наркотики употребляю, или наподобие, того. Я, хотел тебе рассказать, но как-то все времени не хватало. После того, как сухогруз утонул, все вахты у нас, в напряге пошли. Расшифровки записей и так далее. Ирина, будто одержимая, не дает ни минуты продыху. Я понимаю, она села на своего конька. Она ждала этих событий годами, и вдруг, ей повезло!

Инъекции, я себе делаю, с того самого времени, как лечился в госпитале в Калинин. У меня сейчас, не вырабатывается определенный гормон, который необходим каждому мужчине, чтобы держать форму. Иначе, я превращусь в мешок жира и костей. С толстой задницей и тоненьким бабьим голоском. Мне, это не подходит! Вот поэтому и необходимо, вводить в организм, синтетический гормон. А по поводу старпома, я знаю, что ты, подозреваешь меня, и не без оснований. В ту ночь, я не был на дежурстве, это- раз. Ни кто не может, с уверенностью сказать, что я, не выходил ночью из каюты, это- два. В-третьих, мне не надо было, рассказывать вам, про скопцов. Не зря говорят – молчание золото. Ирина, оказалось, ни в счет. Она, настолько занята своими

изысканиями, что пусть, хоть вся команда передохнет, она и не заметит. А вот с тобой, конечно, гораздо сложнее.

– Так, мои подозрения, имеют под собой реальную почву. Теперь, я для тебя, тоже, дичь, объект для уничтожения? Но, ты имей в виду, я, без боя, не сдамся!

– Если бы мне, это было надо, то ты, давно бы уже кормил собой крабов. Я надеюсь, что мы договоримся, по-мужски и цивилизованно. Пойдем на палубу, там, мне будет спокойнее.

Роман пошел впереди, Алексей, следуя за ним, подумал:

– Ну да, и спокойнее, и подручнее, и за борт, удобнее скинуть!

Но опасности, как таковой, он, от Романа не чувствовал. Если конечно, его прижать так, что у него, не будет другого выхода. Устроились на палубе, шум волн, заглушал голоса, и можно было, спокойно, поговорить обо всем, не опасаясь чужих ушей. Вдали, проплывала стая касаток, и мужчины, молча, наблюдали за их движением. Касатки не охотились, они просто путешествовали. Играли с детенышами и трогательно их поддерживали на виду у людей. Будто хотели показать, что они, очень их любят.

– Я, этого старпома, с самой Старицы пас! Это он, тогда руководил, моим «посвящением» в веру. Его голос, я узнал. Он, работал в Старице, в Управлении сельского хозяйства. Мне приходилось, слышать его голос, не только по местному радио. Но, и когда он приезжал, к нам в колхоз, на выборы председателя. Я, этот голос, во сне слышал, пока не размотал, клубочек его пути.

Скрылся он, конечно, профессионально. Не ожидал гнида, что я, за ним приду. Не чаял, и живым меня увидеть. Но знаешь, Алексей, легче мне не стало. Одно успокаивает, что за Оленьку отомстил. Не смог я, его живую, как он меня, оскопить. Сначала вырубил, потом, уже и наказал. Да и заорал бы он, а так, все тихо.

Ты, тоже, можно сказать, оскопленный. Только, мне тело оскопили, а тебе душу. Ты потерял родину, место, где ты родился. Потерял мать, она не смогла пережить твоей смерти. Потерял отца, он ушел в другую семью и неизвестно, где сейчас находится, и вообще, жив ли. Тебя, предала та, от которой зависело, жить тебе или нет. Но ты, не озлобился, не тешишь, свою душу мстью. Не лелеешь, надежды на справедливость. Просто живешь, и по возможности, радуешься жизни. Я видел, что вы с Ириной, нашли общий язык в интимном плане. Ты не думай, я не завидую. Твой рассказ, произвел на меня сильное впечатление. Но у меня есть, что добавить к твоему рассказу. Я думаю, что тебе, это будет интересно. -Роман присел на корточки и закурил. Алексей последовал его примеру.

— Когда меня выписали из госпиталя, я решил разобратся, во всей этой истории, изначально. Найти, сам исток зла. Я, был не в курсе, какие идеи несла, та секта. Почему, люди шли в нее, и соглашались на такое. Я - ради любви, но мне не сказали, что со мной сделают, это обман. А другие, каким образом попадали в скопцы? Что за сила, покоряла их волю? Я рылся в архивах, сидел в библиотеках, проанализировал массу информации, которая касалась не только скопцов, а все, что может содействовать или хоть как-то, относиться к это-

му. В Советском Союзе, обитает немало сект и разных групп, которые потихоньку, разрушали веру, в светлое будущее. С ними борются, безжалостно и жестко.

Когда ты, рассказывал об Эльзе, мне вспомнилась история, которую я нарыл в библиотеке, в Москве. Там писалось, в криминальной хронике, что трое курсантов ВМУ, зверски изнасиловали студентку из Латвии. Ее, еле спасли, отец у студентки, военврач. Курсантов поймали и посадили. Был показательный процесс. У девушки, были разрывы внутренних органов, печени, селезенки. Ее били так, чтобы она умерла, просто убивали, но она, вопреки всему, выжила. А курсанты, все трое, погибли в тюрьме, в течение, двух-трех лет. Как ты думаешь, она успокоилась, или все еще мстит, за свою поруганную юность и честь? После такого громкого процесса, ее, ни кто не взял замуж, из своих латышей. Хотя, у нее был жених, и уже был назначен, день свадьбы. Она, стала неприкасаемой. Ее, сторонились старые друзья и знакомые. И, даже на суде, ее косвенно упрекнули в том, что имея жениха, нечего было, с тремя незнакомыми парнями, идти в ресторан, и напиваться там, так, что не помнить, куда тебя везут. Адвокаты обвиняемых, склоняли суд к тому, что она, сама спровоцировала тех курсантов, своим поведением. И были люди, которые соглашались, с этими доводами. За нее одну, погибло трое молодых парней. А то, что сотворили они, это, как бы, ее провокация. Сроки они получили, только за то, что у нее были тяжкие телесные повреждения. Если бы, ни этот факт, то неизвестно, чем бы закончился этот суд.

В Калининграде, есть группа сатанистов, или проще, фашистов. Опять же, секта, поклоняющаяся сатане. Они

проводят свои обряды, приносят кровавые жертвы. Но это, самые настоящие, нацисты.

Многие люди, стараются отнести себя к той или иной, группе людей, поэтому делают татуировки, символизирующие, что человек, принадлежит, какой-то определенной ветви. Прописные зеки - своя символика. Залетные - своя. Каждый солдат в армии, метит себя символом, тех войск, в которых служил и т.д. У фашистов - череп с костями и свастика. Вот там, и обитает, твоя Эльза. Мстит она, всем морякам, и будет мстить, потому, что есть, на что, и на кого опереться, в своей мести. Эта полоска волос, от пупка, скорее всего, скрывает шрам от операции. Тебя бы она, тоже не пожалела. Это шаман, спас тебя, дав тебе знак, что ты, в опасности. Пропусти ты, этот знак, и нашли бы тебя, через полгода, и схоронили, как неопознанного. Я, Алексей, тоже столкнулся в своих поисках, со многим непонятным и необъяснимым. Я, потом, продемонстрирую тебе, то, что я, ни грамма не добавил, своей больной фантазии. Ты сам убедишься, в том, что мистика, преследует не только тебя одного. Других, она тоже посещает, довольно часто.

17.

Над океаном, раскинулся звездный шатер. Мужчины не заметили, как наступила прекрасная южная ночь. На небе, светились яркие созвездия. Бездна, под ногами и бездна, над головой. Все-таки, как ничтожно мал человек, по сравнению с пространством и временем!

Немного помолчав, Роман продолжил разговор. Он, не искал сочувствия у Алексея, не пытался, убедить его,

в своей правоте, он просто констатировал факты, и вводил в курс событий. Выводы, должен был сделать, сам Алексей.

— На тему мистики, начну с того, что как домой вернулся, после Калинина, еще раз решил в подпол слазить, клинок поискать. На месте он оказался. Будто и не брал его ни кто. Ну и я, никому о своей находке, не сказал. Завернул, и в сумку. Я тогда, собрался ехать, по совету Георгия Николаевича, в одну спецшколу. В Казахстан. Он мне, все документы уже подготовил, но не получилось, не срослось что-то. Тогда и поехал я, сначала в Калинин, а потом в Москву. Чтобы изучить все, что есть, про скопцов. Смог я, все это, только с помощью Георгия Николаевича. Во всем, его заслуга. И допуски, и пропуски- все он оформил.

Первое, что я нашел, это были старинные записи, каких-то там монахов или отступников. В них говорилось, что люди, после того, как познали грех, начали усовершенствоваться в своем грехопадении. Изобретали всякие инструменты для вождения и забыли, совсем, заповеди и правила жития. Забыли, свое предназначение и по чьему образу и подобию они созданы. Жрецы, решили наказать людей, и отнять у них то, что дал Господь. Отобрали людей достойных того, чтобы род свой продолжали, а остальных, решили наказывать оскотлением. Изготовлен для этого, был кинжал. И письмена на нем были выбиты. Одна сторона этого орудия, была предназначена для оскотления мужчин. Другой стороной, оскотляли женщин. Жрецы, одержимые святостью своих намерений, перестарались в заговоре кинжала, или не все учли, для его освящения. Там

целая история по этому поводу. И книга, была изготовлена и написана. В ней, были подробные инструкции, для проведения такой операции, и все грехи человека, за какие, он должен был, быть наказан оскотлением. Потом, я нашел еще одну историю, про скопцов.

У одного румынского барина, родился наследник. Сам барин, сеял свое семя по всей своей барщине. Ни одна девушка, его не миновала. Прятали, от него, родители, своих дочерей, одевали в мальчиковые одежды. Но он, распознавал, и силой забирал дочерей. Потом, чем старше становился, тем свирепее, были его забавы. Хватали, если его подручные, по ошибке, мальчика, то он все равно, и мальчиков не щадил. Уже был он в возрасте, когда от своей жены, получил наследника. Все девочки от него, рождались. Наследник рос, креп, а мужские его достоинства, оставались в том виде, как мать родила. Не росли и не крепили. Бог, видно наказал, за деяния отца, его сына. И отец уж умер давно, а сын, не то, что наследника сотворить, даже и жениться нечем было. Но кровь в сыне, видно, отцова играла. Придумал он такую страшную затею, что для нормального человека, совершенно не поддается пониманию. Весь свой народ, что ему принадлежал, который он, должен был наследством передать, оскотил. И детей, и стариков, и взрослых. Считал он этих людей, как бы продолжением, самого себя. А если у него, не было способности к продолжению рода, с ним, должны были умереть все его подданные, не продолжив рода. И опять, там упоминалось, о книге и о клинке, которые, он нашел в каком-то тайнике.

Скопцы, были и в России, до революции, и на Дальнем востоке и в Сибири, везде наследили. Но каждая секта, была одержима идеей предводителя. А вожди, все были или больными психически или преступниками.

Провел я, немало времени в библиотеках, хранилищах и архивах, но ничего полезного, кроме как, общего развития, не нашел.

— Я не согласен! Впечатление, что ты заговариваешь мне зубы. Я тебе, тоже, много сказок могу рассказать, но только доказать свои рассказы, будет нечем. Ты вот сказал, что цель твоего плавания — деньги. Нет, оказалось, не деньги! Само плавание, это месть, месть и месть! А как, люди живут без рук, без ног? Как живут старые и больные?

— Спасибо, друг! Ты меня к инвалидам по дружбе и милосердию, причислил? А к старым и больным, от великого сочувствия? Значит, зря я тут, перед тобой распинаюсь! Душу свою открываю, объясняю, на пальцах, что я, не озлобился, я хочу уничтожить, всю эту ересь, отныне и навсегда! Чтобы больше никто и никогда не пострадал, от этого безумия!

— Сам сказал, легче не стало! Одно радует, что за Олю свою, отомстил! А то, что ты, зверское убийство совершил, это ничего? Ты сам, стал таким же, как они! Зверь ты, в человеческой шкуре!

— А ты хотел, чтобы они жили и жизни радовались! Сколько, таких как я, кому они всю жизнь, под откос пустили? Ты, знаешь? И я не знаю! И сколько их еще, по разным местам, до поры до времени, прячутся? Потом выползают, и жалят в самое сердце! После того, что они со мной сделали, мама моя, с сердцем слегла. Братья,

как в воду опущенные живут! А эти, суки, по заграницам разъезжают! Я, всю жизнь, на это положу, понял? Буду, до последнего дня, отслеживать и уничтожать, эту мразь! Зубами грызть буду!

– Ты бы, лучше, зубы-то поберег. Заработал, и сделал бы себе за границей, операцию. И протезы, и пересадки разные делают. Сейчас медицина, сильна, как никогда. Если наши профессора, не в силах, то они, имеют все выходы на заграничную медицину, были б деньги. Ты бы, эту энергию и силу, потратил на свое восстановление, а не на месть. Хотя, одно другому, думаю, не мешает. Может быть, взявшись, за себя, ты немного ослабишь злобу, на весь свет? Ты не думай, что я такой тупой, что не понял, твоей идеи! Все я понял! Только, твоя одержимость, опасна! Ты, можешь не выйти, из этого стопора никогда! Надо бороться за другую идею, а эта будет существовать, сама по себе!

– Ни хрена, ты не понял! Тебе не кажется, что даже самым предложением, ты оскорбляешь меня? Вон, идет Ромка, с протезной писькой! Ты, о чем, говоришь? Лучше без всего, но с честью, чем с протезом и насмешкой! Может, еще пидором сделаться предложишь? Или по перемене пола, операцию в Америке сотворить? Тетей Риммой, заделаться, а ты, меня пониже спинки погладить захочешь?

Лицо Романа стало бледным, по щекам заходили желваки. Алексей, никогда его таким не видел, невольно, повернул голову, ища, пути к отступлению, и увидел, что на палубе, горит костер. Он повернулся, чтобы показать Роману, это явление, и таким образом, немного охладить его злость. Но, заметил у Романа в руке, неиз-

вестно откуда, взявшееся оружие. Его рука, сжимала, загнутый буквой «С», кинжал. Лезвие, черной змеей, покачивалось в руке, и будто бы впитывало в себя, остаток ночи. Алексей, отступил на шаг, назад. Он знал, что это не спасет, потому, что предполагал, как легко и быстро, а главное исключительно метко, Роман может бросить клинок. Мысли, вихрем проносились в голове. Появление костра на палубе, говорило, о явно, грозившей ему, опасности. Алексей не мог определиться, как ее избежать. У него, не было ничего в руках. Он не носил с собой, никогда никакого оружия. Да и что, может противостоять этому клинку? Разве что, пистолет? Алексей, озираясь по сторонам, отступил еще на шаг. Понимая, что, таким образом, еще более облегчает задачу Роману. Роман размахнулся, и, бросил клинок, далеко в воду.

– Алешка, смотри, это же, шаман!

Роман показывал рукой, в которой, только что был клинок, на палубу. Но потом, его взгляд, остановился намного выше. Алексей посмотрел по направлению взгляда, и увидел огромный водяной столб. Он крутился, против часовой стрелки, всасывая в себя воду из океана. Не было, еще, слышно шума ветра, и всасываемой воды, но эта беда, шла прямо на корабль.

– Бежим! Надо предупредить капитана!

По лестницам, уже стучали торопливые шаги. Вся команда, была поднята по тревоге. Капитан, пытался увернуться от смерча, но это удавалось, слишком мало было на это времени. Все застыли в ожидании конца. Водяной столб, вдруг остановился, неожиданно развернулся и пошел строго на восток. Шквальный ветер с за-

пада, обрушился на корабль. Шторм, бушевал несколько дней. И не было времени, для продолжения разговора и не было желания, его продолжить. Алексей, был уверен, что Роман хотел его убить. Только необъяснимые явления или стечение обстоятельств, случай, помог ему избежать участи, быть убитым и сброшенным в океан. Смерч, многодневный шторм, все это, помогло бы Роману, снова остаться безнаказанным. Но, почему-то, так не случилось. И Алексей, не знал, как относиться к Роману, после всего этого, как себя вести. Решил, сделать вид, что ничего не произошло. Пусть все останется, как было. В конце концов, у страха, глаза велики. Может и не хотел Роман, его убивать, а действительно, решил, избавиться от клинка. Так, Алексею, было проще жить и общаться, и, наверное, правильней.

18.

Мысли об Ирине, вытесняли из головы Алексея, размышления о Романе. Он страдал и мучился от своих чувств. Не хотелось больше ждать, не было сил. Хотелось подойти и спросить прямо. А что спросить? Любишь - не любишь? Сомнения терзали Алексея, он боялся быть отвергнутым, но то, как относилась к нему Ирина, все же, оставляло надежду на успех. Ирина, сама, развеяла все сомнения. После смены, она заговорила с Алексеем.

– Алеша, а ты, вообще знаешь, как ты попал в мою команду?

– Да. Подавал документы. Потом, ждал ответа. Какие-то люди еще, знакомые или родственники, моих знакомых, помогали.

~ 112 ~

– Команду, подбирала я сама! Мне дали документы, нескольких человек. Думаю более десятка. Из них, я выбрала тебя и Романа. Тебя, потому, что ты, мне понравился, как мужчина. А Романа, потому, что он должен был попасть, в это плавание. напротив его фамилии, стояла галочка. Тут, типа приказа. Вот и все. То, что я, выбрала тебя по фотографии, чисто из женской симпатии, меня не разочаровало. В жизни, ты еще интересней, чем на фото. И вообще, ты мне очень симпатичен. Я, это говорю, наверное, на правах старшего по возрасту. В страхе за то, что ты сам, так и будешь мучиться и сомневаться, боясь подойти. Разница в возрасте, у нас с тобой, двенадцать лет. Тебе, конечно, трудно преодолеть такой барьер, может быть. Поэтому, этот барьер, решила преодолеть я.

– Да, я, наверное, не осмелился бы, вот так, просто, открыться как ты. Ты, тоже мне очень нравишься, даже наверно больше, чем нравишься.

Алексей подошел и обнял Ирину. Она не сопротивлялась, сама ждала этого момента, и была счастлива. Они понимали друг друга, теперь, между ними ничего не стояло, и их роман, казался сказкой для их обеих.

Алексей, как-то спросил:

– Ты, выпытала у нас с Романом, все секреты, нашей замечательной жизни, почему же сама, не рассказала о себе ничего. Это обман, или еще хуже! Я же должен, знать о тебе, хоть что-нибудь кроме ф.и.о! Хотя бы, как тебя звала, твоя мама, Ириной, Ирочкой или Ирунчиком?

– У меня, не было мамы. Меня воспитывал отец.

– Прости, Ира, я не знал.

~ 113 ~

– За что, прости? Это я виновата, в постель к тебе, сама запрыгнула, а о себе, ничего не сообщила. Ну, кстати, у меня есть, смягчающие обстоятельства. Во-первых, я очень торопилась! Во-вторых, я очень сильно, торопилась, в страхе, что ты передумаешь, и откажешь мне в близости. Ха-Ха-Ха! Это, я так, пошутила! А если серьезно, то и рассказывать, в принципе, нечего. Отец у меня, крупный ученый, жила, ни в чем не нуждалась. Мне, ни кто, и никогда, не соизволил сообщить, кто моя мать? В детстве, я плакала, добивалась ответа, но потом успокоилась. Училась, институт, аспирантура. Тоска. За-муж вышла на третьем курсе института. За преподавателя политэкономии. Через год, сбежала от него. А потом, в основном, ни с кем не жила. После аспирантуры, работаю в НИИ. Расскажу, как-нибудь потом. Изучаю, паранормальные явления и аномальные зоны. Была в разных концах света, на симпозиумах и в экспедициях. Собираю материал, для докторской диссертации. Но, основная моя цель, открыть, тайны непознанного мира. Участвую, в одном секретном проекте. Но это уже, когда-нибудь, в следующий раз.

– Ира, ты помнишь, я рассказывал про тетрадь, куда записал, что слышал в пещере?

– Ну, да. Вот бы интересно почитать и хоть как - то, осмыслить, проанализировать эти записи. Есть ли в них, хоть что-то полезное и значимое для людей.

– Я восстановил, все эти записи. В тот день, когда сухогруз утонул, я пришел в каюту, хотел спать лечь. Но вдруг, в голове все закрутилось, как на магнитофонной пленке. Я взял блокнот и все записал.

– Алеша, давай посмотрим, а? Ну, пожалуйста! Мне, так это важно.

– Я сам хотел тебе предложить, поэтому и заговорил об этом. Только, я тебе читать буду. Я так спешил, боялся, что забуду что-нибудь, или не успею записать, поэтому, многое сокращал. Тебе не разобрать, самостоятельно, мои каракули.

Алексей, взял блокнот, и они начали читать. Скоро, надо было сменить Романа, но они так увлеклись, что забыли о времени.

«Люди живут попеременно, на всех планетах солнечной системы. Когда заканчивается цикл жизненных условий на планете, они уже готовы, и оснащены технически, чтобы перебраться на другую планету. Ноев ковчег, это не корабль, бороздивший водную гладь всемирного потопа, это корабль межпланетный. Он перевоз людей и животных с планеты Глория, на планету Земля. Глория прошла свой цикл, и уходила в тень Юпитера на долгие века. Но Земля, еще не была полностью созревшей для жизни. Она остыла внутри, но была палима Солнцем. Поэтому, задолго до прилета людей, нежитью, были построены пирамиды. Там жили и спасались от палящего солнца, первые люди на Земле. Из пирамид, есть ходы в подземное царство, там, было все для жизни. Там есть все. Когда Солнце, не стало палить Землю, все вышли наружу, и началась жизнь на поверхности Земли. Моря и океаны уже были. Семена растений, были посеяны на земле, задолго до прилета людей. Люди пошли от пирамид, на все четыре стороны света, и заселили всю землю. Они, тогда могли многое и знали все.

Продолжительность жизни прилетевших с Глории людей, была, до тысячи лет. Те, что вышли на поверхность, отделились от тех, кто знал и помнил Глорию. И утратили свои знания и силу, потому живут недолго. Те, что остались, знают все и имеют силу. Земля, скоро закончит цикл развития, и на многие века, будет непригодна для существования живого. Высшие человеческие существа, прекрасны. Они скоро будут.

Нежить поможет людям, и они перейдут на другую планету и человек продолжит свое существование там. Нежить останется на Земле, и будет ожидать следующего цикла. Так было всегда и так будет. Все планеты солнечной системы заселены нежитью. Люди, только часть живого мира и нежить спасает все живое, так должно быть».

– Знаешь, Алеша, я еще не слышала такого варианта, начала жизни на Земле. Очень интересно, читай дальше!

«1990 год – Будет борьба, гибнуть будут люди. Каждый побежит в свой угол».

– О, и это очень интересно! Я много знаю о нежити, я тебе расскажу о том, как я сама контактировала с ними.

« 2012 год.- Маленькая страна, будет угрозой всему. Россия, начнет делиться на две части. Уральские горы будут, границей. В Сибири станет свой царь. Смута пойдет по России. Восток за хочет своего царя ».

Странно, как это всему? Так все, непонятно!

Может быть, всему живому? Может какая-нибудь Корея, займет атомную или водородную бомбу и всем начнет реально угрожать?

– Почему, именно Корея, а если вообще, племя Тика-Кака?

– Ну, это я о величине, а не о стране, как таковой.

– Страшные вещи тут написаны! Советский Союз, величайшая держава во всем мире. Это невероятно!

«2016 год. Большие потери. Раскол большой горы на несколько. Гибель людей по числу года».

– Может быть, какой-нибудь вулкан будет извергаться? Или гора, не обязательно может быть горой, может город или страна?

«2020 год. Желтые люди, возьмут энергию земли и погубят половину себя».

– Желтые люди, это китайцы или японцы, наверное. В принципе, японцы цивилизованнее, скорее всего, они.

« 2033 год. Россия объединится. Ее границы, выйдут далеко за ее пределы. Война будет продолжаться век. И еще век.

« 2145 год. Земля породит вторую луну».

– Это уже событие Вселенского масштаба! И едва ли, такое может быть! Но кто знает, все это очень интересно, но нас уже не будет. Как жаль!

« 2255 год. Придут вестники с неба и человек преобразуется. Оольцы, станут над миром и войной. Война умрет, мир будет.

– Кто это, оольцы? Инопланетяне, чтоли? Или новая раса на Земле? Или новая нация? Где-то я, про них слышала, но не помню, что-то как бы, знакомое?

«2360 год. В пустыне вырастут горы. Потом Земля успокоится. Все изменения произошли. Сорок лет, будет восстановление».

– Интересно чего? Восстановление земли или человечества?

«2500год. Человек станет совершенен. Звено, связывающее человека и нежить, восстановится. Люди, будут занимать все планеты, пригодные для существования. Человеку, не будет препятствий ни в чем»

«3000год. Земля станет пустыней. Люди с земли, уйдут на другую планету.

19.

Роман, впервые в жизни, испугался самого себя. Там, на палубе, разговаривая с Алексеем, он еле сдерживался, чтобы не ударить Алексея. Хотя, предполагал, мужской, дружеский разговор. Роман, не понял, как, в его руке, оказался клинок. Он точно знал, что не брал его с собой, на палубу. Стало ясно, что какая-то сила, злая и безжалостная, овладевает Романом, через клинок. Когда, он замахнулся на Алексея, клинком, он не владел своим телом, будто бы кто-то, вселился в него посредством клинка, и диктовал ему, свою власть. За спиной Алексея, Роман увидел языки пламени, а когда Алексей, отступил еще на шаг, то Роман, увидел, самого настоящего шамана. Шаман кружился вокруг костра и в его руках, был бубен. В ушах, зазвучало какое-то странное, горловое пение. Злость прошла. Рука сама, резким взмахом, бросила клинок, не в Алексея, а далеко в воду. Так далеко, Роман не смог бы забросить клинок. Он проследил его полет и сам удивился. Странно, но не возникло чувства сожаления, а сразу пришла уверенность, что клинок к нему вернется. Роман, в свободное от работы время, пытался анализировать случившееся.

Если шаман, существует на самом деле, в чем, в принципе, Роман убедился. Сам видел, своими глазами, пусть даже в момент крайнего возбуждения, но видел, и это видение, предотвратило убийство. Шаман предупредил беду, которая могла постигнуть корабль, или сам накликал эту беду, чтобы уберечь Алексея от моего клинка?

Бесконечные вопросы и двоякие ответы, начали расшатывать нервы Романа. Он плохо спал, засыпая, видел один и тот же сон. Будто бы слышит горловое пение, и оно все приближается к нему, и лицо шамана становится против лица Романа. Блики костра, освещают сморщенное желтое лицо старого шамана, и его рука сжимает Роману сердце. Роман видит, как сквозь пальцы сочится кровь. От боли Роман просыпается. Потом, стоит закрыть глаза, в ушах, снова начинает звучать, пение **шамана**.

– Надо что-то делать! Я не могу спать!

Роман сказал это вслух, и видимо, довольно громко. Проснувшаяся Ирина Георгиевна, встала, и, поискав в аптечке, молча, подала Роману снотворное. Снова легла, и уже почти засыпая, промолвила:

– Давно бы сказал. А я думаю, что это ты, такой разбитый весь, уже несколько дней?

Роман, ничего не ответил. Даже не поблагодарил. Было неудобно, разбудил, да еще и светскую беседу продолжить, в четвертом часу утра. Он, проглотил таблетку, не запивая водой. И подумав об Ирине, что она, добрая женщина и могла бы быть, неплохой женой Алексею, заснул.

Остров Куба, встречал советский корабль, громкой ритмичной музыкой и песнями. Казалось, что праздник, просто на острове, а не во славу прибытия корабля. Везде доброжелательные счастливые улыбки и пестрые одежды кубинцев. Полногрудые женщины, с кожей цвета шоколада, крутились вокруг моряков, и каждая предлагала, какую-нибудь безделушку или морскую раковину дивной красоты. Предлагались разноцветные кораллы и поделки из них. Продавались маски и различные вещи культового назначения, для различных обрядов. Колдуны и их помощники, всячески рекламировали свои услуги. Да, это совсем другой мир!

Алексей с Романом, шли по берегу и любовались природой острова. Впереди, на мелководье, галдели чайки, они кружились над огромным тунцом, выброшенным на берег штормом. Рыбина возвышалась над водой, но, крепкая шкура, не давала чайкам полакомиться добычей.

– Как ты думаешь, сколько весит такой красавец?

– Килограммов, наверное, двести, может быть и больше.

Подойдя поближе, мужчины заметили странный черный предмет, торчащий из бока рыбы. Роман пробежал по воде и выдернул предмет из рыбыны. Это был кинжал, который он выбросил в океан, перед штормом, за много миль, от этого благодатного берега.

– Он не оставит меня, до тех пор, пока я не убью этим клинком, последнего на земле скопца! Ты видишь, Алексей, он возвращается ко мне, самым невероятным образом! Я ничего, не могу с этим поделать!

– Не братъ, и все тут! Зачем ты, побежал по воде, к этой дохлой рыбе? Будто бы маму, родную, увидел, после долгой разлуки! Бежал, аж подпрыгивал, а оно тебе надо?

Роман погладил клинок, повертел зачем-то в руках, и неожиданно повернувшись, резко бросил клинок в рыбу. Попал точно. Рыба зашипела и сдулась. Брюхо, наверно, уже начало наполняться газами разложения, а клинок пробил дыру. Алексей, представил себе вонь, от рыбы, и потянул Романа подальше от этого места.

Через несколько дней, на острове проводился карнавал, по поводу какого-то национального праздника. Команда корабля была официально приглашена на торжество. Поскольку, наша миссия, была на данном этапе плавания, закончена, то весь наш маленький коллектив отправился на карнавал. Ирина, оделась строго, но, в то же время, слегка приоткрытые плечи и приталенная юбка, с широким поясом, были ей весьма к лицу. Она, была невообразимо мила. Алексей залюбовался ей, и, подтолкнув Романа локтем, шепнул:

– Хороша?

Роман кивнул, не разделяя восторга, и они направились к площади. Навстречу, то и дело, попадались люди разодетые в перья, их лица были разукрашены, или одеты в страшные маски. Звучала, чужая музыка, и непонятный говор, но не раздражал слуха. Вся атмосфера острова, была наполнена духом праздника и веселья. Танцевали прямо на улицах и пели чудесные песни. Ирина, оказалось, профессионально танцует кубинские танцы. Ей хлопали и приглашали еще и еще. Алексей с Романом, отвели себе роль зрителей и

наблюдали, как веселится и танцует Ирина. Наконец, она устала и они пошли под навес, чтобы перекусить. На столике мигом оказалась русская водка и какие-то незнакомые блюда из рыбы и мяса. Ирина, с видом знатока, предложила мужчинам пару блюд, остальное отставила в сторону.

Потом, они смотрели концерт, посвященный их прибытию, слушали песни на русском языке, с трудом разбирая слова. Уставшие и довольные решили все-таки отправиться домой. То есть, на корабль. На какой-то улочке, где шла бойкая торговля рыбой, к ним подошел мужчина и поманил пальцем Романа. Алексей не знал, как ему быть? Пойти за Романом, оставив одну Ирину, или остаться с Ириной, но беспокоясь за Романа. Роман махнул рукой, что все в порядке, что он сейчас вернется. Да, через несколько минут, он уже шел к ним, неся в руках какой-то сверток, и засовывая в карман портмоне.

— Ты что, сувенир купил? Надо было со мной посоветоваться! Иногда местные торговцы, тут могут, такое, под видом сувенира, продать! Что будет, потом опасно, для жизни твоей, и окружающих тебя людей. Ты слышал, что-нибудь про Вуду? - Спросила Ирина.

— Да, нет. Просто выкупил, принадлежащую мне вещь.

Алексей понял, что ему предложили купить клинок, тот, который он бросил в рыбу. Роман, не смог отказаться. Он, купил бы его, за любые деньги. Клинок скопца, снова вернулся к своему хозяину.

20.

Ирина Георгиевна, пришла с совещания, не в очень хорошем расположении духа. Долго молчала, как бы обдумывая, с чего начать. Алексей и Роман, сидели в ожидании. Каждый делал вид, что занят своим делом. Но краем глаза, каждый наблюдал за Ириной.

— Роман! Вам придется возвращаться на родину. Вашу заявку, не утвердили. Вернее даже, дали отказ, в самый последний момент. Последние события на острове, приобретают политический характер. В отношении нашего корабля, или верней команды, проводится расследование. Отплытие задерживается на неопределенный срок.

Все это, очень неприятно, но, кстати сказать, не так уж и неожиданно.

В ночь карнавала, был убит кто-то из нашего посольства, или вернее, представительства, на Кубе. Подробностей не сообщают, но версия такая, что на почве ревности, кто-то из местных, его зарезал. Вернее, не зарезал, а отрезал ему определенную часть тела, которую, почему-то, ассоциируют с ревностью. Человек, просто истек кровью, и к тому же, находился под воздействием, сильного наркотика. В эту же ночь, убили и местного. Торговца сувенирами и подобной утварью. Его нашли на побережье. Его голова, была всунута в брюхо огромного тунца, которого штормом выбросило из океана. Он, естественно, задохнулся. С корабля, не уходить. Все, находимся, под наблюдением и в ближайшие дни, каждого опросит местная милиция. Чтобы не терять время, предлагаю заняться работой.

Надо сделать анализ исследований. Начертить графики. И подготовить все, для дальнейших исследований. На обратном пути, наши задачи изменятся. Мы будем изучать, дно океана. Посылая с корабля ультразвуковые сигналы в океан, будем фиксировать отраженные волны, и анализировать по ним глубину и рельеф. Попутно, будем улавливать, каждый звуковой сигнал, издаваемый океаном. Работа сложная. Придется, делать массу расчетов. Дополнительная методическая литература, находится в ящике стола. Приступим к этому завтра. А сегодня, давайте отдохнем, поговорим, обсудим. Мне кажется, что у нас набралось много тем, для коллективного обсуждения.

— Ладно! Мы тогда пойдем, пока, в теннис сыграем. После ужина, сбор в каюте.

Алексей с Романом, поиграли в теннис, посидели, за партией в шахматы. Сходили в душ и послушали концерт, участников художественной самодеятельности.

Вернувшись в каюту, были приятно удивлены, на столе горели свечи. Стояла бутылка шампанского, экзотические фрукты, три фужера и шоколадка «Аленка». В тоске и одиночестве, за столом сидела Ирина.

— Нагулялись? А я тут, вспомнила, вдруг, что у меня сегодня, день рождения! Решила немного отметить, но так долго вас ждала, что уже, настроение пропало.

— И что, теперь? Гулять, значит, не будем? По вине большинства коллектива, пьянка, значит, отменяется? О, женская жестокость!

— И ничего не отменяется! Сейчас будем гулять! Только, надо сбегать к коку, взять еды, я не ужинала, да и вы наверно, уже проголодались.

— Я мигом!-

Роман развернулся и исчез за дверью.

— Неудобно, как-то получается, мы даже не знали, о таком событии. Нет подарков и цветов. И на берег не пускают. - Сказал Алексей.

— Не расстраивайся, я могла и вообще ничего не говорить, по поводу дня рождения. Просто, есть повод пообщаться, всем втроем. Потом, начнется работа, и мы уже не сможем, вот так посидеть.

Романа не было долго. Алексей уже собрался, идти на поиски. Тут в каюту, ввалился Роман, огромный букет цветов, закрывал весь дверной проем. И сразу, появилось настроение праздника. Все разом, заговорили, посыпались поздравления. Мужчины начали, друг перед другом, соревноваться в красноречии, но все-таки, за едой, теперь пришлось идти Алексею.

Разлив шампанское, и еще раз пожелав Ирине, всего самого хорошего, дружно выпили. Поболтали, ни о чем, и Алексей взял в руки гитару.

— Роман, преподнес свой подарок, теперь моя очередь! Ирина! Дорогая, любимая! Я, хочу подарить тебе, песню, ты готова?

Ирина хлопала в ладоши. Алексей, взял несколько аккордов и запел. Песня, была действительно, подарком для души. Потом, спел Роман. Песня, была замечательно исполнена и Ирина, хлопая, подпевала. Мужчины, после пения, вышли на палубу, покурить и освежить голову. Когда вошли в каюту, со стола были убраны все деликатесы, и цветы, и свечи. Горел яркий свет. На белой скатерти, лежал черный клинок.

Ирина закрыла дверь на задвижку, и села за стол, жестом, предложив мужчинам, присоединиться. Лицо Ирина, было серьезным и даже несколько напряженным.

– Я, думаю, что вы не потребуете от меня объяснений? Мы, отправляясь в это плавание, договорились, что между нами, не будет никаких секретов и тайн. Это, было обязательным условием, нашего обоюдного договора.

Роман, облегченно вздохнул.

– Ну, кстати, сказать, Ирина Георгиевна, вы первая, не выполнили эти условия! И мне припоминается, кто-то говорил, что-то о половых признаках, правда не помню, что. Мы с Алексеем, провели несколько незабываемых вечеров, в вашем, довольно приятном, обществе. И рассказали вам, все, как на духу, каждый о себе. Но, уважаемая, вы наша, от вас, таких острых откровений, мы, так и не услышали! Так вправе ли вы, после этого, требовать от нас, откровений сейчас, и в дальнейшем? Мы же не под следствием. Каждый из нас, имеет право на личную жизнь, и требовать от нас, каких бы ни было, признаний, и ответов, вы не имеете не морального, ни юридического права. Все это, только в добровольном порядке, и по желанию каждого из нас, в отдельности.

– Я предполагала, что вы рано или поздно, упрекнете меня в этом. Как раз, сегодня, я и хотела вам, поведать все о себе.

– Хоть и с большим опозданием, но все равно, похвально! Ждем-с!

Алексей сделал выжидательное лицо.

– Ну, в общем, обстоятельства изменились, так, что все-таки, мне придется сначала выслушать вас. У меня, есть несколько вопросов, к каждому из вас, в отдельности, и несколько вопросов, к вам вместе. Все гораздо серьезнее, чем вы, себе представляете! Нас не трогают никакие службы, только потому, что мы, не входим, в список команды корабля. Не входим, в список пассажиров. Мы отдельная группа, от НИИ. Давайте все обсудим, и разберемся тут, пока эти вопросы, не задали нам в другом, менее приятном для нас, месте. Ну, сначала, ответьте, откуда у вас взялся, вот этот предмет? Только, давайте сначала, и все по порядку. И только честно! Начну, пожалуй, действительно я, что известно мне, и вам будет легче, определиться в рассказе.

Перед тем, как начался шторм, я находилась на вахте. Приборы, один за другим, начали выходить из строя. Самописцы, повели одну сплошную линию. Я решила, обратиться к вам, за помощью. Так как, ремонт и настройка приборов, ваша святая обязанность. Но вас, в каюте не оказалось. Я поднялась на палубу, увидела вас. Роман замахнулся, на тебя, Алексей. В руке у него был, похожий на этот, предмет. Я поняла, что это страшное оружие и готова была заорать во все горло, чтобы остановить Романа. Но он, как-то непредвиденно и непонятно, забросил вот эту штуку, далеко за борт. Корабль тряхнуло, и я полетела с лестницы. Когда поднялась, вас уже не было. Я подумала, что это, какая-то галлюцинация, и скорей побежала к приборам. Я знаю, что я виновата, в том, что оставила пост. Возможно, я пропустила, то, самое важное, что мы могли привезти из этой экспедиции. Каюсь!

Но, ничего не могу изменить. Когда я вернулась, все приборы работали нормально. Все указывало на сильный шторм. И я, занялась работой. Начните свой рассказ, хотя бы, с того, что вы, не поделили в ту ночь, на палубе, и вообще, что вы там делали, вместо того, чтобы отдыхать после смены? Или все это, мне показалось?

Ирина внимательно смотрела на мужчин.

Роман, сидел, опустив сжатую в ладонях, голову. Растер лицо, и, тряхнул головой, будто бы она, у него сильно болела, и начал говорить. Алексей, напрягся, готовый в любое время, все подтвердить или опровергнуть. Но Роман, упустил из рассказа, сцену на палубе. Он, начал свой рассказ, с другого.

— В первый день, когда мы пришли на Кубу, мне передали записку, в которой, меня приглашал на встречу, один человек. Я ждал, этого приглашения. Это касалось, моего дальнейшего пребывания на Кубе. Я вам говорил, что хочу остаться тут, на два, два с половиной года. Меня радовало, что все идет по плану. Вечером, меня ждала машина, и я уехал на ней, для этой встречи. В доме, куда меня привезли, меня ждал отличный ужин, и мужчина, приятной наружности и интеллигентными манерами. Он действительно, предложил мне, хорошо оплачиваемую работу, и беседа с ним, продлилась почти до утра. Затея, с поездкой на Кубу, была Георгия Николаевича. Даже дома, ни кто не знает, где я сейчас. Вот это, и озадачило меня. Мужчина, назначивший встречу, сказал, что действует, по приказу Георгия Николаевича, поэтому, я должен ему доверять. Работку, предложил, не пыльную. Просто быть тем, кто я есть. Быть скопцом!

Да, я честно сказать, не ожидал такого размаха! В доме горели какие-то ароматические палочки, было душно-вато. Вы представляете, я, верил ему! Я внимал, каждому слову, и соглашался со всем, что он, мне предлагал!

Нам прислуживал кубинец, менял пепельницы и приносил чай. Разжигал кальян и внимательно слушал все, о чем мы говорили. Потом, появилась на столе карта СССР. Она вся, была отмечена красными крестиками. По всему союзу, были секты скопцов. В каждой союзной республике! Цель- привлечение как можно больше народу. Основная идея- наносить вред советской власти. В конечном итоге, ее захват. Внедрение своих людей, в высшие эшелоны власти. Один верховный жрец, остальные, как паутина расползлись по стране, и действуют, под его руководством. Армия, и сила, состоит из посвященных в секту людей. Таких, как я. Грубая сила животных, у которых отнято все. И имущество, и прямое их назначение в жизни. В дальнейшем, захват всего мира! Во многих странах, уже есть послы секты, и они развивают свою деятельность. Пока, я сидел с ним, я гордился собой! Своей особенностью и значимостью. Я, верил его словам и призывам! Но, когда я вернулся на корабль, стал анализировать, все, что узнал, готов был завывать, от досады! Мне, казалось, что я, сам по себе. Думал, что мне помогают люди, которые, ведут борьбу с этим злом. Оказалось, что меня заманили, сказочным пряником, в самую трясиину! Он, сказал мне, сколько я должен секте, за свое лечение, и обучение, и свои поездки, и даже за каждую капсулу гормона, который, я себе ввожу.

Мне хотелось убить себя, за то, что я, был, слеп, как курица! Что я, поверил в справедливость и доброту!

Постепенно у меня начал созревать план, мне хотелось, уничтожить себя. Я решил уничтожить их! С того самого вечера, когда я был на встрече, я стал замечать за собой слежку. Не смотря, на то, что на первый взгляд, кубинцы, все на одно лицо, я стал примечать около себя, только одного из них. Того, что прислуживал в доме.

Когда он, предложил мне купить у него, мой клинок, я, с радостью, это сделал! И кстати, передал записку его покровителю, назначил ему встречу, ничего не объясняя. Мы, встретились, во вторую ночь карнавала, в безлюдном месте, и я, придушив его немного, оскопил. Когда пошел назад, по берегу, услышал за собой, крадущиеся шаги. Я позвал, этого кубинца. Он не ожидал, что я, его позову, поэтому подчинился. Когда мы, подошли кдохлой рыбине, я воткнул его головой, ей в ж..., ну, в общем, в одно место, и подержал так. Он был, уже кем-то оскоплен и видимо давно.

Получается, что руководит, все этим бедламом, бывший фронтовик, бывший друг моего отца. А друг ли? Может быть, я, сошел с ума? Что вы скажете мне, по этому поводу? Я знаю, я преступник! А кто они?

– Рома! Ты вообще соображаешь, что говоришь? Какое покорение мира? Это утопия и мерзость, по своему содержанию!

– Но, когда я, был там, я в это верил! Весь мой разум подчинился этому призыву, и я, готов был пойти на все, что мне прикажут, ради этой идеи.

Мы – «Белые голуби». Мы, разлетимся по всей земле, где будем мы, там, будет благо!

– Ни фиги себе, он тебе, мозги запудрил! Но, теперь-то ты, понял, что это - блажь?

– Да, ерунда, все это! Ни в том, сейчас беда! И ни в том, что меня могут заподозрить или арестовать. Нет! Беда в том, что все это реально! И секта, и «Белые голуби», и угроза от них всему миру, а не только узкому кругу каких-то безумных фанатиков. Для того, чтобы их уничтожить, надо вырубить корень зла. Я знаю, кто этот корень! Я его должен уничтожить! Хочу посмотреть ему в глаза, хочу спросить, какого цвета крылья за его спиной! Боюсь, что явно не белые.

– В любом случае, этот предмет, не может оставаться в нашей каюте. Если его найдут, то пострадаем все. Разбираться, кто есть кто, не будут. Привлекут всех, чтобы не было огласки. Я забираю его и прячу в рабочем кабинете!

Ирина, хотела завернуть клинок в скатерть. Роман, резко, убрал ее руку, от оружия.

– Не тронь! Он опасен. Если ты, порежешься об него, то твоя кровь, будет связывать тебя с ним, как связала меня. Я сам, не хочу в это верить, но приходится подчиниться фактам.

Роман взял клинок и прошел в свой угол. Повернулся к Ирине, улыбаясь. В руках у него, уже ничего не было. Когда он успел спрятать клинок, ни кто не заметил.

– Ирина Георгиевна! А кто обещал рассказ? Почему мучаете мальчиков? Мы все в ожидании и в предвкушении!

– Ром! Шутишь, что ли? Твое бы, как-нибудь пере-
варить, до утра! Все, давайте ложиться спать! Утро, ве-
чера мудренее!

21.

Ночью, корабль снялся с якоря. Команду НИИ, даже не предупредили об отходе корабля. Утром, в спешке настраивали приборы, вся команда работала в авральном режиме. Хотя, вроде бы, все подготовили к новой программе, на обратный путь, но многое оставалось недоделанным. Ирина Георгиевна, обвинила во всех бедах, своих подчиненных и сквозь зубы, отдавала приказы и рекомендации. К вечеру, все было настроено, и началась обычная работа. Скрипели в своем углу самописцы и приборы для обнаружения объектов излучающих энергию, сверкали зелеными экранами.

– Ну, кто первым пойдет отдыхать, а кто останется на вахте?

– Я останусь.

Роман, сел заполнять журналы. Ирина и Алексей пошли в каюту.

– Как ты думаешь, он не сбежит с корабля, пока мы недалеко, от Кубы?

– А смысл? Что, ему там делать? Он выполнил, свою миссию, на Кубе. Теперь, он спешит домой, к «белым голубям».

– Алеша, неужели ты, ему поверил? Ты видел, в какой он был растерянности, когда понял, что мы ушли из порта? Я думаю, что он, ловко врет и профессионально играет свою роль. Он не тот, за кого себя выдает! Или, у него есть, сообщник. Если бы я, не проводила, все сво-

бодное время с тобой, то я бы подумала, что это ты. Теперь, я теряюсь в догадках и не знаю, что делать? Если честно, то я, его немножко боюсь. Он, вдруг, стал мне неприятен. После Кубы, что-то в нем изменилось, но я не могу понять, что именно. Даже выражение лица стало другим. Ты вспомни, какая лучезарная была у него улыбка? И вспомни, когда ты в последний раз, ее видел, эту улыбку?

– Надо подумать. Впереди большое плавание, заход в любой порт, и он может исчезнуть, навсегда. Пожалуй, он так и сделает!

– А у нас, что, задача его задержать? Или обезвредить?

– Можно предупредить капитана, можно написать на него донос, и, в конце - концов, можно, просто его предупредить, чтобы он не наделал глупостей.

– А можно, оказаться в своей постели, с перерезанным горлом! Просто и банально.

– Саша, ты, какие-то страсти - мордасти, себе нафантазировала! Что он, совсем зверь, что ли? У него идея, мы, как бы, к этой идее, имеем косвенное отношение, но просто, как побочное явление. Зачем ему уничтожать нас?

– Потому, что мы, знаем его планы! И все – таки, ты же не в курсе, может у него, после всего произошедшего с ним, психические отклонения, мягко говоря! Может быть на него, время от времени находит, и он не помнит ничего и не отвечает за свои поступки. Все что он нам говорил, может быть, плод его фантазии, а не факт.

– Ты права. Я не знаю, что делать! Самое верное, не паниковать. Мы и сами не ожидали, что утром окажемся в открытом океане. На нас, такой поворот, тоже оказал какое-то влияние. Может, сходишь к капитану, прозондируешь почву? Узнаешь причину ночного отплытия, курс корабля, у нас же ничего нет, хотя должны были оповестить.

– Я иду к капитану! Узнаю, что и как. Потом уже будем думать. Действительно, накрутили друг другу нервы. Ты ложись, отдыхай. Постараюсь прийти поскорей. Ирина обняла Алексея, и они застыли в долгом и страстном поцелуе.

– Ну, все, я побежала!

С трудом вырвавшись из объятий, Ирина, скрылась за дверью. Алексей, рухнул на кровать и задумался. Попробовал, представить себя, на месте Романа. Что, бы он, делал, что, бы предпринял, в данном случае? Попытался, предугадать его действия. Но, ничего не получалось. Он, не мог войти в роль.

Долгое отсутствие Ирины, постепенно начало напрягать, Алексея. Он вышел на палубу и смотрел, как вечернее солнце, медленно поглощается океаном. Ирина подошла и тихонько, потянула его за руку. Вернувшись в каюту, они опять долго целовались, прежде чем начать разговор.

– Ты, не серьезный, какой-то. Тут дела мирового масштаба, а он, только и думает, о поцелуях! В принципе, все нормально. Какие-то военные действия, в Камбоджи. Ушли с Кубы, типа, по графику. Как только, дали добро местные власти, так мы и вышли. Курс корабля поменялся

Это, тоже связано, с какими-то международными делами. Задачи у нас, не поменялись. Выполняем свою работу и с каждым днем, приближаемся, к нашей любимой Родине! Еще могу сказать, что капитан, не в очень хорошем расположении духа. Смена курса, его очень сильно беспокоит. Так, быстрее должны вернуться домой, но гораздо опаснее путь. И в смысле погодных условий, и угрозы, со стороны иностранных судов. Ладно, давай ляжем спать! Ты пойдешь, сменишь Романа, в 12 часов. Я, приду в шесть.

– Ира, Иришка, любимая! Ну как, я, могу лечь и заснуть! Ты говоришь, что мы идем, прямым курсом домой. А что потом? Как дальше, мы будем строить свои отношения? Здесь, на корабле, мы как бы в замкнутом пространстве, и никуда друг от друга не денемся, а, когда мы будем дома? Ты, живешь в Москве, я живу... Да, я совсем забыл, что я, ни где не живу! Вот ведь какая проблема! Саш, ну как, а?

– В чем проблема? Я, буду жить с тобой, нигде! Понял? Там где ты, там и я!

– Шутишь все. Я серьезно спрашиваю. Со мной, нигде, хорошо, только как твоя работа? Твоя докторская? Твои экспедиции, на край света, в поисках сверхъестественного? Ты что, готова все это бросить, ради жизни со мной, нигде?

– Леша, отстань, я еще не решила. Пока мы прибудем на родную землю, пройдет еще немало времени. Все может измениться, и наши отношения, тоже. Давай спать.

Роман, не хотел идти в каюту. Здесь, в рабочем кабинете, лучше думалось. Он следил за приборами, менял ленту, отмечал в журнале часы, но голова, постоянно думала о своем. Мысли текли своим чередом, составляя ситуации и планы. Вдруг, он почувствовал дрожание во всех мышцах. В последнее время, это случалось, уже несколько раз. Перед глазами замелькали черные точки. Роман достал шприц, и быстро вколол себе гормон. Сел и расслабился. Он понимал, что что-то не так. Не так, как было раньше. Его самочувствие изменилось, и изменилось в худшую сторону. Он не мог понять причины. Все началось с того, что он перестал спать. Потом, эта противная дрожь и мошки перед глазами. Что, бы это, значило? Роман посмотрел на часы, кто-то из команды, должен был его сменить, еще полчаса назад. Обошел приборы, все вроде нормально, все работает. Занес в журнал последние показания приборов и снова сел, задумался.

— Как быть дальше? Скорее всего, его арестуют по прибытии в Мурманск. В том, что его сдадут, он не сомневался. Но ему казалось, что он чего-то не понимает, во всей этой истории. Что-то он упустил из виду, и возможно, самое важное.

Так, начнем все сначала. Георгий Николаевич, организовал все для того, чтобы я попал на Кубу. Я не хотел, не соглашался, тогда он сказал, что я заработаю много денег и смогу реализовать свои, даже совсем фантастические планы. Значит ему, зачем-то нужно было, чтобы я оказался на Кубе? Что я сделал на Кубе? Я, убил два человека! Убил, потому, что считал их врагами. Чьими

врагами? Мне лично, они ничего не сделали! Он знал! Он предвидел, что я их уничтожу! Это, и была его цель. Он отправил меня на Кубу, для того, чтобы я убил тех, кто ему был не нужен. Значит на Кубе, есть еще люди, которые зовутся «Белые голуби». Я уничтожил, отработанный материал. Меня использовали!

Роман, сидел огорошенный, своими собственными выводами. Он, не знал как поверить, в очевидное. Вспомнилось, как его провожал Георгий Николаевич. Говорил ободряющие фразы, и почему-то все время оглядывался. Или поджидая кого-то, или не хотел, чтобы его увидели провожающего меня? Так. Значит, должен быть человек, который следит за мной, и подстраховывает меня. Кто же это может быть? Старпом не в счет. Он должен был погибнуть. Григорий Николаевич, сам, его мне сдал. Значит кто-то другой. Из команды корабля, вряд ли. Мы мало с ними общаемся, и у них, нет возможности следить за мной, почти ни у кого. Каждый выполняет свою, нелегкую работу. Капитан? Я с ним едва знаком. Только в Мурманске в порту побеседовали и все. Он больше не проявлял ко мне никакого интереса. Будто бы я, для него и не существую. Если что, то был бы замечен, хоть какой-то интерес, а тут, абсолютный ноль.

Алексей. Да. Может быть. Но он, слишком открытый и добродушный. Может хитрый? Нет. Если бы он страховал меня, то он был бы способен на убийство. Когда я, замахнулся на него клинком, у него не было чем защититься. Он не струсил, но и не смог бы защититься от меня. А человек несущий такую миссию, должен быть при оружии.

Он, скорее всего, уничтожит меня на пути к дому. Ха-Ха-Ха! Мавр сделал свое дело! Какой я дурак!- Роман хлопнул себя по лбу.

– Это же Ирина! Ирина Георгиевна! Как до меня раньше-то не дошло! Вот хитрая бестия. Похоже, она заменила мне препарат гормона. Я заметил, что короб-ка лежит не так. Почему не обратил внимания?

Что же делать? Сейчас она постарается, убедить Алексея, что я опасен для них. Не получая гормон, я быстро ослабну. Она спровоцирует ссору и заставит Алексея, меня убить. Он, ослеплен любовью. Она, четко знает свое дело. Бедный мальчик! Он верит ей, больше чем самому себе. Даю сто вперед, что она сама его соблазнила. Она его, для этого и выбрала. Чтобы был рядом, солдат, без тени сомнения в ней.

Роман глубоко задумался, искал выход из положения. Он знал, что с корабля не сбежать. В иностранные порты, они едва ли будут заходить, а если будут, то без выхода на берег. В конечном итоге, он все-таки решил открыть глаза Алексею, на предмет его вожделения, на Ирину Георгиевну. Попытаться, перетянуть его на свою сторону, или хотя бы уговорить, помочь ему, если понадобится. Шансы были, по его расчету – совсем ничтожными. Но, как говорят, попытка не пытка. Вариантов, все равно нет.

– Приветствую! Ты извини, Роман, замотались немало с Ириной. Припоздал я чуток!

– Ага, а чуток, больше часа? Хорошо вы замотались! Мне бы тоже хотелось, с кем ни будь замотаться! Но я, не в обиде, не грузись. Это даже хорошо. Все нормально, у меня было время, и подумать, и расслабиться.

Скажи, Алексей, ты доверяешь Ирине, или так, не совсем?

– К чему это ты? Конечно, доверяю!

– А то, что она из нас с тобой, всю информацию выудила, а о себе ни гу-гу? Тебя это не смущает?

– Ну, тебе может и ни гу-гу, а от меня у нее секретов нет. Мне, она о себе все рассказала. По крайней мере, то, что меня интересовало. У тебя что, появилась какая-то информация об Ирине, или ты, пока смену ждал, из пальца что-то, высосал?

– Да, нет у меня никакой информации! Сам выводы делаю. Может быть, они и ошибочные. В моем положении, веришь, все чувства обостряются, как у зверя. Так вот, моя интуиция, говорит мне о том, что Ирина, не тот человек, за которого себя выдает! Хочешь, поспорим? Ты молчишь, и я молчу. Как только, проверится предположение, то на что спор?

– Не буду я, ни на что спорить. Мы тут одна семья. Соберемся и поговорим, как люди.

– Как бы, после переговоров, кто ни будь из нас, ла-сты не склеил!

– И кого, интересно, ты имеешь в виду? Угрожаешь, что ли? – Алексей побледнел, и руки самопроизвольно сжались в кулаки.

– Совсем нет. Наоборот, хочу предотвратить.

Роман равнодушно отвернулся от Алексея, и направившись к выходу, сказал:

– Я все отметил в журналах. Приборы работают нормально. Удачной вахты.-

Дверь за ним закрылась.

Алексеем, овладело, беспокойство за Ирину. Она спокойно спит в каюте, туда в настоящее время направляется Роман. И ни кому, неизвестно, что, у него на уме. Уйти с вахты - нельзя, оставить Ирину наедине с Романом - опасно. Алексей закрыл рабочий кабинет и быстро прошел к каюте. Приоткрыв дверь, Алексей увидел, что Роман, лежит на своей кровати, отвернувшись к стене. Значит спит. Алексей облегченно вздохнул, и быстро вернулся на рабочее место.

23.

Роман почувствовал себя настолько усталым и разбитым, что не хотел больше ни о чем думать, решать, прогнозировать. Он почти уже заснул, когда почувствовал, что на край его кровати кто-то присел. Он резко повернулся. Перед ним сидела Ирина. Она прижала палец к губам и поманив его рукой вышла из каюты. Делать было нечего, пришлось вставать и идти за ней. Они разместились на палубе на том самом месте, где, Роман разговаривали с Алексеем.

— В чем дело, Ирина Григорьевна? Я, между прочим, смену отработал и еще больше часа сверхурочно. Чем, извиняюсь, вызвано ваше, так сказать пристальное внимание ко мне?

— Не ерничай, по делу позвала. Мы с тобой Роман в одной лодке, ты не в курсе?

— В курсе, но только не в лодке, а на корабле.

— Ты не с той стороны смотришь, голубок.

Георгий Степанович, мой отец. Ты и я, звено одной цепи. То, что делаешь ты, контролирую я. Прикрываю тебя, тоже я. Понял? Или ты тоже думаешь, что старпо-

ма в трюме, крысы покоцали? Так что, твои огрехи, доделываю, тоже я.

Роман смотрел на Ирину с нескрываемым интересом. Его удивил и озадачил, такой оборот дела. Он не знал, что и сказать. В голове вихрем проносились мысли. Как же он не догадался, что она дочь Григория Степановича?! Это же очевидно!

— Алексея надо приобщить. Как ты это сделаешь, твоя забота. Сможешь, силой внушения, сможешь просто силой. Время пока есть, но тянуть нельзя. До прихода домой, надо чтобы он уже, оклемался. Медикаменты у меня есть. Думаю, что все получится.

— А как же, ваша любовь? Или это принцип, после меня только пепел? Ты вообще соображаешь, что говоришь? Как тебе такое, в голову пришло? Я, тебя расшифровал. Я даже, пытался убедить в этом Алексея. Я думал, что твоей целью будет уничтожить меня! Или это потом? Когда я все сделаю, что ты мне распланировала? Когда закончу свою миссию? Отравишь? Или сдашь?

— Мы, не бросаемся, такими солдатами как ты. На тебя, потрачено слишком много средств. Тебе от нас, деваться некуда, понял?

— А с того света, тоже достаете, или как?

— Или как!

— Зачем, заменила гормон? Думала, я не пойму?

— Ты стал, слишком агрессивен. Тебе, нужен был покой.

— И ты хотела, сделать меня покойником?

— Не говори ерунды! Надо все продумать, понял? Алексей, не поверит твоим словам, если ты, попытаешься меня в чем-то уличить. Будем действовать сообща и

слаженно. Ни кто, ничего не заметит. Всю нашу работу, контролирую я. Работать придется посменно, вдвоем. Один будет выполнять работу, другой сидеть с Алексеем, потом меняемся, через шесть часов.

– Ничего себе, ты уже и график работы продумала! Ни кто, ничего, не заметит?! И Алешка не заметит, что у него яйца пропали, вместе с ...? Ну, ты и тварь! Я тебя, тебя, поняла? Сто раз оскоплю, вместо Алексея, гадюка!

Роман повернулся и пошел в каюту. Спать уже не хотелось, он ворочался и вздыхал. Получалось, что как не крути, выхода из положения он не видел. Убить Ирину? Да его, тут же арестуют. Ее исчезновение, будет заметно через пару часов, потому что она, все время, что-то рапортует капитану и на берег. Их, в эти тонкости работы, не посвящали. Сказать все Алексею? Нет, он не поверит, она сделала правильный расчет. Но все равно, должен быть, какой-то выход! Убежать с корабля? А что, по пути много островов. Карибское море, тепло, можно жить себе в удовольствие! Документы достать не проблема. Но, это значит, бросить на произвол судьбы, Алексея. Нет, такого допустить нельзя! Надо, подыграть Ирине, надо выиграть время. Но нельзя, тянуть до того, чтобы не было пути к отступлению. Значит, нельзя откладывать разговор с Алексеем. В конце концов, это касается его здоровья и жизни. Я, тут играю второстепенную роль. А, хотя, может быть и первую!

Приняв решение, Роман спокойно заснул, в надежде, что Ирина сменит Алексея. Алексей придет в каюту, и он сможет с ним поговорить.

Ирина знала, что Роман будет сопротивляться. Этот разговор, был ею задуман. Он, сперва, пусть переживет стресс, потом, под воздействием препаратов, он снова поверит в высокую идею «Белых голубей», и сделает все, как надо. Алексей ей нужен, нужен как телохранитель, как друг, но не как муж, и, в конце концов, такова ее миссия. А за Романа, она была в принципе спокойна. Сходила в рубку, побеседовала с капитаном, передала все данные на землю. До смены оставалось еще полтора часа. Идти в каюту не хотелось, и, погуляв еще по кораблю, Ирина залюбовалась морем. Оно было, таким синим и чистым, что хотелось вобрать в себя эту синь и чистоту. Хотелось чайкой полететь над ним и раствориться в этом бесконечном блаженстве. Душа ее страдала. Ей не хотелось возвращаться мыслями к этой брэнной земле. Здесь, царствует жестокость и предательство. Здесь один человек пожирает другого, для того чтобы добиться своей, как минимум ничтожной и безумной цели. Кому все это нужно? Для чего мир построен так, что одни выживают, а другие живут. Сколько людей, трудится в поте лица, для того, чтобы кто-то, незнакомый и чужой, жил в свое удовольствие и не знал забот и проблем? Так думают те, кто трудится, а кто жирует, думает иначе. К кому из них, можно отнести меня? К тем, кто трудится? Пожалуй, нет. Я работаю не для хлеба насущного, только для своего интереса. Когда хочу и где хочу. А к тем, кто жирует? Тоже нет. Слишком много идей в голове, чтобы просто жить и ни о чем не думать. Алешка, хороший милый парень. Зачем я так, его? Может послушаться отца и отпустить его с миром.

Нет! Как же, я, отпущу его от себя? Я не смогу без него, он мне нужен! Зачем? Как игрушка? Чтобы почувствовать свое превосходство? А как же, любовь? Какая любовь? Любовь мне не нужна! А покалеченное бездушное существо, вместо него, тебе нужно? Поднялся ветер, и не понятно было, это слезы от ветра или это настоящие слезы, от страдания души.

Ирина пошла в рабочий кабинет, пора уже сменить Алексея. Ее мучили сомнения, правильно ли она, поступает? Если, по совести, то нет, а если по уставу отца, то да.

Алексей встретил ее, горячим поцелуем и такая радость и преданность, светилась в его глазах, что Ирина, еще больше поддалась сомнению. Они говорили о работе, о любви, и Алексей не хотел уходить с вахты. Хотел остаться с Ириной, на смене. Это было категорически запрещено, и поэтому, ему пришлось, уйти на отдых.

Когда Алексей пришел в каюту, Роман сидел за столом, в руке у него был простой карандаш, а на столе лежал лист чистой бумаги и клинок.

— Ты, чем это, тут занимаешься?

— Пытаюсь, скопировать вот эти письма. Когда-нибудь, может быть я, смогу обратиться к специалистам, и они мне расшифруют, что тут написано? Хотелось бы знать!

— Тебе помочь? Давай, вместе, попробуем разобраться. Ты, пока копируй, а я умоюсь и перекушу, малость. Что-то есть хочется! Или составишь мне компанию?

— Нет, я уже поел. Там сегодня гуляш отличный, из мяса кенгуру.

Когда Алексей вернулся, то все было переписано, точно и верно. Алексей взял лист и начал читать:

«Кровь дает хозяина-скопца. Хозяин-раб своего клинка».

Роман стоял удивленный и озадаченный.

— Ты что, это, пока ел, сочинил? Или прямо на ходу, сморозил?

— Не хочешь, не верь! Потом проверишь, у специалистов, если таковые найдутся. Там матросы акул ловят, не хочешь посмотреть? У одной, в брюхе бескозырку нашли. Прочитать не могут, что на ней написано. Видно уже, почти переварилась. Только акула небольшая, человека сожрать, не могла. Наверно, у кого-то, из наших моряков, ветром сдуло, а она и хапнула, подобрала где-то. Ну а я, посплю. Пока.

Алексей улегся спать, а Роман пошел на палубу. Там было весело. Моряки забавлялись с акулами, как с собаками. Вытаскивали на палубу, и акула, некоторое время, пыталась напасть на того, кто поближе. Матросы отпрыгивали и смеялись, пока одного, серьезно не укусила, более расторопная акула. Ее, тут же, привязали за хвост длинной веревкой и бросили за борт. Там, акулу, в момент растерзали сородичи. Такая рыбалка, могла продолжаться часами, пока боцман, не разгонял всю компанию, по местам. Роман, потолкался между матросами и отошел в сторону. Надо было, все равно решить, и придумать, как подойти к Алексею со своей идеей.

Трудно, убедить любящего человека, что предмет его вожделения, желает ему смерти, или, даже хуже, чем смерть. Он не знал, с чего начать такой разговор. Ведь однажды, Роман пытался убедить Алексея, что Ирина, не тот человек, за кого себя выдает. Его, это, так взбесило, что дело, чуть до драки не дошло. Начни опять разговор, а он возьмет и врежет по зубам, без лишних слов. Он, свою любовь защищает, а я? Поди докажи, что для него стараюсь! Мысль прервалась тем, что Роман увидел, как в рубку зашел капитан. И он, быстро направился в рубку. Идея, как поступить в отношении Алексея, возникла у него, еще ночью. В течении дня, он хотел, закончить все подготовительные работы. Чтобы потом, что-нибудь не упустить из виду, или вовсе не забыть, в суете. С капитаном, он договорился быстро. Тем более, что капитан на корабле, высшая власть. Быстро подписал, все что нужно, и не забыл попросить, не говорить ничего Ирине. Так как дело, касалось его лично.

Ирина, про Алексея молчала. Говорила с Романом, только по работе, иногда на отвлеченные темы. Все пошло своим чередом. Будто бы и не было, того разговора, на палубе. Роман, уже начал подумывать, не приснилось ли ему, все это. В редкие минуты, когда они собирались все втроем, шутили и смеялись. Рассказывали друг другу анекдоты, услышанные от матросов, или, вспомнив те, что еще не рассказывали друг другу. Отношения, стали, даже теплее, и с виду надежнее, чем были. Роман, почти успокоился и начал подумывать, не пойти ли к капитану и не забрать ли, свои слова и расписку, назад. Оказалось, что он, снова оказался, наивным и слишком доверчивым.

Алексею казалось, что их отношения с Ириной, медленно заходили в тупик. Она плохо шла на разговоры, об их дальнейшей судьбе. Постоянно отговаривалась, какими-то общими фразами, и не конкретизировала ничего, касающегося их отношений. По работе же, стала намного строже, и говорила, уже как вышестоящее начальство, а ни как, просто человек, который занимается общим делом, вместе, со своим коллективом. Однажды, ей, был поставлен ребром вопрос, по поводу субординации. Мужчины недоумевали, были не готовы, к таким переменам. Но, и не очень – то, обращали внимания, на ее, иногда бессмысленные нападки. Алексей, начал думать о том, что характер у Ирины Георгиевны, не такой уж и ангельский. Получалось, что чем ближе к дому, тем больше, она старалась подмять под себя, свой немногочисленный коллектив. Или, окончательно испортить с ними отношения. Но, у нее, были другие планы. Ирина, не давала Роману забыть, кто есть кто. И не давала повода Алексею, строить планы на будущее, в отношении ее. Чтобы не очень порхал, в предвкушении красивой и богатой жены.

Роман был на вахте. Ирина, пришла неожиданно, и сразу, без предисловий, сказала:

– Пора. Времени больше, у тебя, нет. Я все подготовила. Можешь сегодня же, исполнить работу. Не забывай, что каждое поручение, снимает с тебя, значительную часть долга.

– Может быть, я так рассчитаюсь? Деньгами?

Роман умоляюще посмотрел на Ирину.

– Нет. Деньгами не берем. От тебя, нужна только работа, беспрекословное подчинение и чистота выполнения.

– Как скажете! Мне, сейчас идти, или когда смену сдать?

– Сейчас. Я дала ему, лошадиную дозу снотворного. Иди! И не вздумай дурить!

Роман вышел.

– Хорошо, что я, предупредил Алексея, чтобы он, на всякий случай, был осторожен. Надеюсь, что он, не выпил снотворное. Если выпил, то труба!

Роман, после того разговора, с Ириной, перестал колоть себе гормон. Решил, что несколько недель, не нанесут большого урона, его внешности и здоровью. На всякий случай, у него был еще запас. Но он, пока его не трогал. Так же, как не трогал, то, что подменила ему Ирина. Прикидывался вялым и равнодушным. По одной ампуле выкидывал за борт, каждый день. Войдя в каюту, он разбудил Алексея.

– Алеша, пришло время. Ирина, дала приказ, тебя оскопить!

– Да ну! Не верю я тебе, ни хрена, Роман! Все это, как в плохом анекдоте. Да и не может на одного человека, столько мерзости свалиться! Что предлагаешь?

25.

Роман сменил Ирину, как и было, оговорено, в шесть часов. Она, с замиранием сердца, открыла дверь каюты. Алексей, лежал бледный и совершенно беспомощный, на кровати.

Под действием наркотика, он спал и ничего не чувствовал. Она это, знала наверняка. Поэтому, сначала решила проверить работу Романа, а уж потом, сходить пообедать и заняться своими делами. Ирина, достала из аптечки бинты и стерильные салфетки, на всякий случай, и подошла к кровати Алексея. Он лежал, запрокинув голову, и дыхания, почти, не было слышно. Она, осторожно откинула одеяло. Алексей, был совершенно голый. Только в низу живота, была марлевая повязка, закрывающая промежность, зафиксированная широким пластырем, кое-где пропитанная кровью. Колени, были раздвинуты растяжкой, и зафиксированы ремнями. Руки, тоже привязаны к спинке кровати. Она нагнулась, чтобы проверить, не кровит ли рана, и слегка оттянула повязку.

Алексей, ловко, поймал ее за руку, и дернув на себя, быстро уложил рядом. Она попыталась вырваться, но он, прижал ее плечи к кровати руками и навалился на нее, всем телом.

– Поиграем? Ты, надеюсь, не против?

Он освободил от одежды, нижнюю часть ее тела, и, обхватив ладонями ее лицо, заглянул в глаза. Она лежала смирно, уже не пытаясь вырваться. В глазах, было пусто. Ни любви, ни симпатии.

Она, мучительно просчитывала варианты, выхода, из сложившейся ситуации. В первую очередь, надо выиграть время, а там, все уже предусмотрено.

Алексей, перешел к действию, и она легонько застонала. Вот это, было последней каплей, взорвавшей его терпение. Его взбесило, такое наглое, притворство. Ему захотелось, сделать ей больно, так больно, чтобы

она заорала от боли, а не притворялась, как сейчас, что ей хорошо и приятно. Не покупала, его снисхождение, своим телом. Он грубо взял ее. Лицо Ирины, стало похоже на кошачье. Ее острые ногти, впились ему в спину, ниже лопаток. Это, не была реакция защиты, это была похоть, животная страсть. Алексею стало противно. Он резко, встал с кровати, стараясь не смотреть на Ирину.

— А так, было гораздо лучше, чем твои детские слюни, прежде. Сегодня, ты был, больше, похож в постели на настоящего мужчину. Но, имей в виду, только похож, слегка! Напомнил, что-то стоящее из моей, прошлой жизни. Но тоже, слегка!

Ирине, было обидно, за такое с ней обращение, но она, даже в такой ситуации, попыталась, унижить Алексея.

— Ира, у тебя, как оказалось, ни лицо, а личина? Как ты могла, так поступить со мной? Ты ж говорила, что я, тебе нравлюсь?

— Я и сейчас, этого не отрицаю.

Алексей, отвернувшись, одевался.

— Мне неприятно, с тобой находиться, даже в одной комнате, не то, что в одной постели. Ты мерзкая, подлая шлюшка!

— Как бы, там ни было, но деваться некуда, нам придется, быть рядом. Сорвалось, не получилось, твое счастье! Я не буду, тебе, ничего объяснять!

— Какие знакомые слова! Однажды, я уже слышал это. Только, в другом месте и другом времени. А говорила их, такая же гнусь, как ты!

— Ну, да, все вокруг тебя плохие, и недостойные, доброго слова, люди! Обижают, бедного мальчика! А

ты, оказывается - пуп Земли! Весь такой порядочный и положительный. А ты подумай, почему, именно, ты, попадаешь в такие, можно сказать, экстремальные ситуации? Может быть дело-то, как раз, в тебе?

— Ну, да! Во мне, однозначно! Это же я, хотел тебя, оскопить! Изуродовать, уничтожить! Ты, ненормальная, как и то, что ты изучаешь! На тебя, плохо воздействуют аномальные явления! Тебя, надо изолировать от общества, ты, опасна для жизни! Для чего, тебе надо было, чтобы мы с Романом, выложили тебе, всю правду о себе? Мне, это, сразу показалось подозрительным. Хотела, сделать анализ нашего психического состояния? На что, каждый из нас пригоден, в твоей высокой миссии? Да пошла, ты! Только больно, понимаешь? Больно! Вот тут, болит!

Алексей показал себе на грудь.

— Имей в виду, что ты, ничего нигде не докажешь и не сможешь ничего сделать! На Романа не надейся, он помог тебе сейчас, но потом, он тебе не помощник, у него свой путь, у тебя свой!

— Ага, значит боишься! Это мне нечем доказать, а у Романа, как раз, есть все доказательства!

— Только, не против меня! Никого уже нет из тех, против кого, он мог бы что-то сказать! И показать, то, чего уже, у него нет, свое, пустое место. А это, не входит в его планы, устраивать показ того, чего нет!

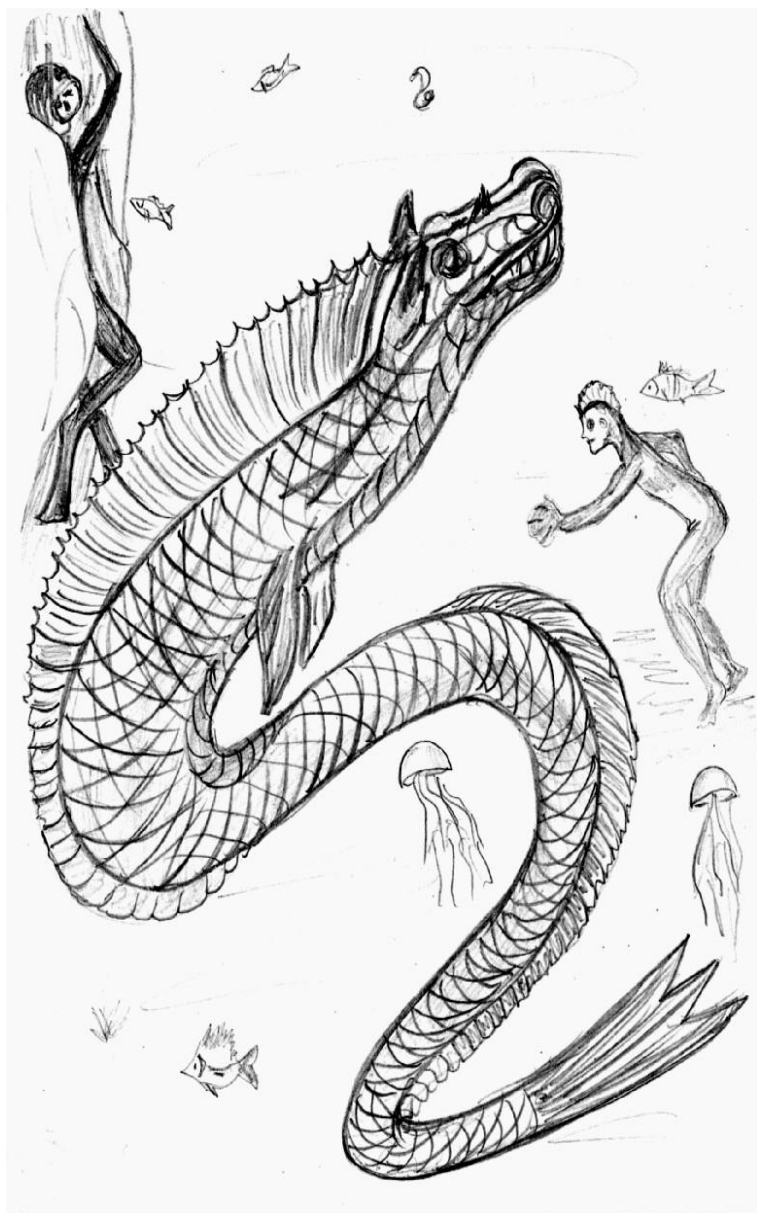
Алексей, не смог дальше, продолжать этот бессмысленный разговор, вышел из каюты и поднялся на палубу. На привычном месте, сидели и травили байки матросы. Легкий теплый ветер, стер с лица Алексея, выражение негодования и злости. Кто-то из матросов его

окликнул, но он, махнув рукой, пошел в другую сторону. Постепенно успокоился, глядя в бирюзовое, вечно движущееся и вечное как время, море. Он не верил до конца, что все это могло произойти с ним. Ему казалось, что это снова какой-то, розыгрыш. Такого, не бывает в реальной жизни!

26.

Ирина, не любила проигрывать. Она всегда и везде была первой. И в школе, и в институте, и замуж она вышла, за самого завидного жениха. Все, к чему она стремилась и чего желала, это опередить и оставить позади, всех. Даже спортом, она занималась самозабвенно, но так, чтобы была польза и опять же, первенство. Увлечение подводным плаванием, порождало в ее голове, новые идеи и возможности. Нырять и исследовать Карибское море, было для нее, намного, заманчивее, чем Баренцево. Пути ее исследования, были настолько обширны, что она, порой, и сама не знала, в какую сторону податься в своих изысканиях. Точные науки, ее не интересовали, так как в точных науках, все и всегда, требовалось доказать. А вот это, ей было ни к чему. Ее увлекало все мистическое и недоказуемое. Там, где можно было составить любой отчет, не опираясь на точность, только общее представление. Потому, что все ее изыскания, были ширмой, для грандиозного проекта ее отца. Он, был для нее, двигателем всех ее идей. И очень сильным двигателем. Поле ее деятельности, было безграничным. Она исследовала все, что касалось непознанного. И в Гималаях снежного человека, и на Тибете искала Шамбалу, и в тайге искала чудовище, на Черто-

вом озере. Но повезло ей, только дважды. В акватории Карибского моря, она увидела, однажды, человекоподобное существо, которое шло по дну, так же быстро и свободно, как мы ходим по земле. Станным, Ирине, показалось то, что это существо, было разумным. Оно не хотело, идти на контакт с ней, не проявляло к ней, никакого интереса, но оно видело Ирину, и явно, демонстрировало ей, себя. Существо, наклонялось и поднимало со дна, какие-то предметы, потом, слегка подпрыгнув, быстро уплыло в сторону океана. Скорость его движения, была поразительной. Оно в мгновение, исчезло из поля ее зрения. Ирина, под впечатлением встречи, весь вечер рисовала его, по памяти. Получилось, вроде не дурно. Но кто в него поверит? Скорее скажут, что избыток кислорода в баллоне или, наоборот его, нехватка, создали галлюцинацию. Она опускалась под воду, снова и снова, но больше не встретила этого существа. Хотя, как ей показалось, что это существо, находилось в месте своего проживания. Оно спокойно двигалось и чувствовало себя уверенно, хорошо ориентировалось. Через пару месяцев, в том же заливе, Ирина увидела, настоящего морского змея, или дракона. Она, исследовала подводные скалы, и завернув в расщелину, почувствовала сзади какое-то движение. Обернувшись, она увидела огромную голову. Пасть, с большими острыми зубами, на голове, отростки, напоминающие рожки и по обеим сторонам пасти, длинные, с утолщением на концах, усы. Это было похоже, на китайского дракона, рисунками которого, они, украшают термоса и полотенца.

~ 154 ~

Голова проследовала дальше, и Ирина увидела туловище, которое медленно двигалось вдоль расщелины. В нем, было более пятнадцати метров. Не было ног, только большой плавник сверху туловища и несколько небольших плавников по бокам. Ирина сидела в расщелине, до тех пор, пока не поняла, что скоро кончится кислород в баллоне. Она осторожно выглянула, и, не увидев опасности, быстро всплыла на поверхность. С тех пор, Ирина, редко опускалась, на морское дно. Если только, в компании двух, трех человек.

Муж Ирины, был намного старше ее, и наверно, поэтому, предоставлял ей, полную свободу действия. Он, многим был обязан ее отцу, но и отец был повязан с ним, не только семейными узами. Узы братства « Белых голубей», это, посильней любых обязательств.

После развода, который тоже был, как и их брак, больше фиктивным, чем настоящим. Это была, какая-то игра, политическая или иная. Но Ирина не понимала, правила этой игры, или не хотела их понимать. Бывший муж, был отправлен на Кубу. О деятельности его на Кубе, Ирина знала не больше, чем о жизни пингвинов, в Антарктиде. Через несколько лет, как пояснил отец, ее муж, захотел отойти от братства. Стал собирать свое, независимое от братства, общество. С еще, более жесткими правилами и дальше идущими планами. Братство, подписало ему смертный приговор. Роман, должен был привести приговор в исполнение. Но он, должен был сделать это, не по приказу, а по своей воле.

~ 155 ~

Задача Ирины, была в том, чтобы подвести мысли Романа к такому решению. Ирина, не плохо, обладала гипнозом, не сказать, что в совершенстве. Но внушить, человеку, те, или иные мысли и чувства она, могла реально. К плаванию на Кубу готовились долго и тщательно. Надо было продумать и предусмотреть все варианты дела и вероятные неожиданности.

Все складывалось, удачно. Командой Ирина, была довольна. Работали слаженно и хорошо. Ежедневными отчетами, Ирина радовала отца, и радовалась сама. Когда Алексей был на смене, она часами разговаривала с Романом и, проверяя свою теорию, психологического воздействия на человека, подводила Романа под ту черту, через которую ему, уже не перейти.

С Алексеем было сложнее. Он, не агрессивен по натуре. В идеальном варианте, Алексей, должен был заменить Романа. Роман, после возвращения на родину, переходил в руководство Иркутской группы «Белых голубей». Он, своим видом, внушал доверие, и мог повести за собой любую подготовленную, группу людей. Особенно, если эта группа, уже обработана, и наркотиками, и психологами, и оскотлена. Алексей, вошел в ее душу, завладел ее сердцем. Она не встречала в своей жизни, человека, который мог, так беззаветно любить. Он, ради ее, был готов на все, но, в отличии от Романа, в пределах разумного. Она скучала по Алексею, если не видела его пару часов. Она прибегала со смены, только для того, чтобы взглянуть на него, пару секунд, и бежала на рабочее место. Зная, весь расклад, уготовленной судьбы Алексея, она страдала и мучилась в сомнениях.

Пыталась искать выход из ситуации, но ничего подделывать, не могла.

По прибытии на остров, Ирина следила за каждым шагом Романа. Она посетила бывшего мужа, в его резиденции, за несколько часов, до его встречи, с Романом. Это тоже был, тактический ход. Ирина, должна была убедиться, в правдивости поступившей информации, о его отречении от братства «Белых голубей».

Она свободно перемещалась на острове. Сойдя с корабля, она переодевалась в подростка, и ни кем не замеченная, могла следить за действиями Романа. Она присутствовала при оскотлении мужа. Роман, по ее мнению, все сделал профессионально и быстро. Укол в шею и всего одно движение, рукой с инструментом. Пока действовал наркотик, вся кровь покинула тело. Но она серьезно, чуть не прокололась, на берегу. Роман услышал ее шаги. Как он мог их услышать, Ирина, до сих пор не может понять. У него, чутье настоящего зверя. Ирина из этого, сделала вывод. Если человек теряет что-то, данное ему природой, то энергия, вырабатываемая организмом, для функционирования потерянного органа, поступает в другой, который, начинает работать в удвоенном режиме.

Роман, услышав шаги, позвал, настоящей неожиданностью было для Ирины, то что за Романом, следила не только она, а и человек, преданный ее бывшему мужу. Он, решив, что его обнаружили, вышел к Роману. И тут же, оказался воткнутым головой в брюхо, дохлого тунца. Зрелище было эффектным. Все эти события, кубинские власти, никак не связывали с пребыванием на острове русского корабля.

Эти события были вообще скрыты властями. Ирина, после прогулки по палубе, представила все так Алексею и Роману, что она была у капитана и представила все мужчинам, в нужном для нее, свете. На самом деле, корабль не задерживался на Кубе, и момент отплытия был предусмотрен заранее и известен Ирине. Ей нужно было, чтобы Роман запаниковал, почувствовал себя, на грани провала. Она подводила его к зависимости. Она, должна была стать хозяйкой его мыслей и действий. Пока он, об этом не знал, у нее, получалось руководить им. Но, когда дело, коснулось Алексея, Роман, вышел из-под контроля. Ирина, начала побаиваться, уже за свою жизнь. Как меру безопасности, ей пришлось заменить ему ампулы с гормоном, на успокоительный препарат. И это, тоже было предусмотрено, ее прозорливым родителем. Но одного не предусмотрел отец, то, что дочь, может просто, полюбить.

Сомнения терзали Ирину. Оскопить Алексея, это равносильно для Ирины, самой себе, вырезать сердце. Боль и ненависть наваливались одновременно, поиск выхода и тупая обреченность. Все это, будто бы, разрывало Ирину изнутри. Она, уже не могла спать, без снотворного, и не могла расслабиться, ни на минуту. Заметив, в ней перемену, Алексей начал настаивать, на определенность их отношений. Начал капризничать и обижаться. Ирина, приняла решение.

— Пусть, все идет, своим чередом. Пусть, сама судьба распорядится! Как бы ни было тяжело, я, буду просто, делать свою работу!

Где-то, в глубине души, она питала надежду, что Роман, не выполнит приказа.

Но когда он действительно, его не выполнил, Ирина пришла в ярость. Он еще попытался ее шантажировать и требовал с Ирины огромную сумму денег, за то, что он будет молчать. За то, что никогда и нигде, при любых обстоятельствах, все, что касается Ирины, ее отца и «Белых голубей», Роман не скажет ни слова.

Ирина, сделала вид, что согласилась, и действительно, выдала ему определенную сумму, в виде аванса. Сославшись на то, что у нее, не может быть, здесь, на корабле, столько денег. Он поверил, ушел радостный и довольный собой.

— Бедный Ерик!

Подумала Ирина, глядя в след Роману. Она поняла, что он хочет сбежать. То, что это невозможно, видимо, Романа не озадачивало.

— В условиях Баренцева моря, проплыть несколько миль на резиновой лодке, да еще при встречном ветре? Утопия! -Подумала Ирина, И договорилась с капитаном, закрыть Романа, в трюме, до прибытия в порт. Радиogramмой оповестила отца, и к прибытию корабля, все должно быть готово. В этом она не сомневалась. Не решалась, только проблема с Алексеем.

Не решалась внутри ее. У Ирины, не было детей. Муж, был бесплоден, она тоже. Была беременность, до замужества, от которой пришлось избавиться. Постоянные разъезды и командировки, насыщенная, приключениями и опасностями, жизнь не располагала к материнству. Ирина, всерьез, никогда не задумывалась над этим. Ей было хорошо, и обременять себя заботами о потомстве, она не собиралась. Сомнения, в том, что она сможет иметь детей, после первого, искусственного

прерывания беременности, не давали пищи к размышлениям. Тем более, врач, однозначно сказала – нет.

После своего дня рождения, которое она отметила на корабле, Ирину охватило, давно забытое, но все-таки уже знакомое, состояние. Начала раздражать качка, не хотелось вставать, тошнило при запахе кухни. А тут, еще, все проблемы с Романом и Алексеем. Ирина не знала, как поступить. Она не хотела детей. Но, это, могло навсегда, соединить ее с Алексеем. Независимо от того, где бы он ни был. Она всем сердцем хотела этого, но прекрасно знала, что отец, никогда не допустит такого. У братства, свои законы, тем более, что эти законы, писал он сам. Под сценарий своей и ее жизни. Он, не сможет нарушить теперь, эти законы. Дитя, будет оскотчено, и будет солдатом братства. Ирина, была близка к истерике, потому что, опять, не в силах, была изменить, что-то сама.

27.

Роман исчез неожиданно и необъяснимо. Был на вахте, все журналы заполнены, все приборы настроены, подписи о сдаче смены проставлены, Романа нет. Ощущение, что он был здесь, буквально минуту назад. Новая лента, поставленная на самописец, только начала свое движение по лотку. Алексей, прождал в кабинете два часа, а Роман так и не пришел, не сдал смену. Алексей спустился в каюту, Ирина спала на своей кровати. Кровать Романа была пуста. Алексей знал, что если бы, Роман, ушел с корабля, то он предупредил бы Алексея. В последнее время, они часто говорили обо всем, он намекал, что в порт ему нельзя, что его могут там или

арестовать, по какому-нибудь подозрению, или захватить «Белые голуби», чего он боялся наверно даже больше, чем тюрьмы.

– Романа не видел?

Ирина, пришла принимать смену.

– Нет, не видел.

Алексей подписал журналы и ушел отдыхать. В кубрике сидел Роман и смеялся что -то рассказывал матросам.

– Ты где пропал?

– Прости Алексей, надо было кое-что разведать. Ирина не выступала?

– Нет. Я сказал, что тебя не видел и все. Ушел со смены.

– Я, завтра сматываюсь! Ты, не теряй меня. Если сможешь, отстой за меня смену, чтобы Ирина, кипишь раньше времени, не подняла.

– Без проблем!

Полужинав, Алексей с Романом, долго стояли на палубе и говорили, и говорили.

– Я, все подготовил. Завтра корабль, на некоторое время, на якорь встанет, или ляжет в дрейф, на пару часов. Проблема в машинном отделении возникнет, я, в это время уйду. Тут до берега, рукой подать. На надувной лодке прорвусь. Сразу домой подамся. Знаешь, Алексей, я все понял. Надо вернуть на место клинок! Это из-за него, все проблемы возникают. Буду искать, то место, до тех пор, пока не найду. Для меня, это сейчас, самое важное в жизни. Не зря его, этот клинок, мертвец охранял! Он везде смерть сеет, жаль, что моими руками. Не надо было его брать.

Как найду, то место, сразу клинок на стул, я даже помню, как он там лежал. А потом, заложу проход и так замаскирую, чтобы его, еще лет триста, никто найти не смог. Вот это, моя первая задача. Я, Ирину, раскрутил на деньги, и на очень большие деньги. Ты не спрашивай как, тебе, это ни к чему. Может потом, по случаю и расскажу. Средств на существование, мне теперь хватит на несколько лет вперед. Так что еще одна забота отпала. Одно плохо, что я дома, у всех на виду буду. И начнется канитель, что, да откуда? У вас в тайге с этим намного, думаю проще. Так ты, уж не обессудь, если прикачу. Дел везде хватает, и думаю там, у вас, я без работы, не останусь. Адрес я помню, и все остальное, тоже. Пожелай мне удачи, друг!

Обещали друг другу, если жизнь позволит, или поставит в трудную ситуацию, то друг друга в беде не бросать. Обращаться всегда, в любой ситуации. На том и расстались.

28.

Кассир, долго рассматривал документы Алексея, потом подал ведомость и напротив фамилии Зубрин, поставил жирную галочку. Алексей, получив деньги, отошел от кассы.

— Зубрин! Вернитесь!

Алексей, снова подошел к окошку кассы, держа в руке, еще не пересчитанные, купюры.

— Тут доверенность на вас, чтобы вы получили деньги, за Неверова Романа Юрьевича.

— ???

~ 162 ~

Кассир, опять просунул в окошко ведомость, с жирной галочкой, против фамилии Неверов. Алексей расписался, и получив деньги, спросил:

— А кем, заверена доверенность?

— Как кем? Капитаном. Тут еще, вам, конверт.

Алексей вышел на улицу и распечатал конверт. На листке бумаги убористым почерком было написано:

«Здравствуй, Алексей! Оказывается, для меня это плавание, было не целью заработать денег, а найти верного друга. Доверенность написал на тебя, потому, что сам, не смог бы получить ничего, кроме срока. Ближе чем ты, у меня, пока никого нет, и вряд ли будет. Все у меня, на данное время, хорошо. Надеюсь, еще увидимся. Роман.»

Алексей, прочитав письмо, быстро пошел к вокзалу. Через час, должен быть поезд, который увезет его на большую землю. Он едет домой!

Монотонный стук колес поезда, всегда навевает воспоминания. Но Алексею, ничего не хотелось вспоминать. Хотелось просто ехать, и не о чем не думать. Не планировать будущего и не осуждать прошлого. Все было, как было. А что будет, пусть будет.

— Чай будете?

Раздалось вместе со звуком, открываемой двери купе. В проеме двери, стояла проводница, почему-то с записной книжкой, как официантка в ресторане, только фартучка не хватает. Алексей, почему-то смутился, сделав такое сравнение.

— А, кроме чая, что, можете предложить?

— Печенье, кексы. Можно, из ресторана, что ни будь заказать, если желаете.

~ 163 ~

– Нет, не желаю. Но, от чая, пожалуй, не откажусь.

Он сел, и достал сумку, в которой была колбаса, сыр, хлеб. Надо подкрепиться основательно, чтобы потом проспять часов двенадцать подряд. Проводница быстро вернулась с чаем, и пачкой печенья «привет». Алексею, нравился чай в поезде. У него какой-то свой, ни с чем несравнимый вкус. Может потому, что его, заваривают из титана, который топится на дровах и угле, а может вода какая-то, другая. Но чай в поезде, для него всегда, святое дело. Если бы не было чая, то наверно, Алексей вышел бы в ближайшем городе и полетел бы до Томска, самолетом. Поезд он выбрал еще потому, что хотелось посмотреть на поля и леса. Хотелось ощутить под ногами, родную землю.

Когда долго находишься в плавании, то некоторое время, после того, как ты уже завершил свое путешествие, кажется, что тебя качает. Стоит только чуть, отключиться сознанию, что ты уже на земле, появляется ощущение качки. Так же и на поезде. Если ехать несколько суток подряд, то ощущение движения, остается еще некоторое время.

Алексей спал. Сначала крепко и безмятежно, потом, начали приходить сновидения. Сначала появилась Эльза, даже не она сама, а только ее губы. Они были на все лицо. Слегка разомкнувшись, они сказали:

– Двенадцатое место, это кажется здесь?

Алексей смотрел на губы, и не хотел воспринимать голос, и смысл сказанного. Губы разомкнулись снова, и между ними, стали появляться два синих тоненьких язычка. Чем дальше они высовывались изо рта, тем становились шире и, наконец, показалось место, где язык

просто раздваивается, как у змеи. Он потянулся к Алексею и туго обхватил его шею. В руке у Алексея, появился серп или черный клинок, который не мог быть в его руке. Алексей знал и помнил даже во сне, что «это», не может быть в его руке. Но, он срезал язык, который сдавливал его горло. Язык упал под ноги и пополз вверх по ноге. Алексей вздрогнул, от омерзения и, повернулся на другой бок. Сновидение исчезло.

Потом, появилась Лидка, она обнимала его за шею и страстно целовала Алексею лицо, говоря мужским незнакомым голосом:

– Малец пришел из детского сада и спрашивает : - Папа, а что такое аборт?

Отец офигел, значит, но мужественно отвечает:

– Это когда ребенок зародился, а родители еще не готовы быть родителями, то идут в больницу, там ребенку запрещают родиться, чтобы он потом, когда родители будут готовы, родился. А ты где, такое слово слышал?- Вдруг спохватывается отец.

– Мы песню в саду по радио слушали. « А Волны бьются АБОРТ корабля».

Лидка смеется тоненьким противным голоском. Алексей просыпается и лежит прислушиваясь. В купе, двое, мужчина и женщина, сидят напротив и рассказывают в полголоса, чтобы не мешать Алексею, друг другу анекдоты. Обнаруживать свое присутствие не хотелось, тем более, вставать. Поэтому он занял наблюдательно-выжидательную позицию, впрочем, не прочь был еще и подремать. Попутчики, наверно, расшифровали, то что, Алексей, уже не спит. Поэтому вышли из купе, чтобы дать возможность ему встать и одеться. Алексей не

встал. Допил, оставшийся в стакане чай, и повернувшись на другой бок, снова ушел в свои мысли.

– Ира, Ирочка, Иришка, Искринка ты моя! Где ты и с кем, проводишь первые дни, после плавания? Неужели ты не скучаешь по мне? Зачем ты, блокнот мой прихватила? Могла бы, спросить, я бы и сам отдал. Мне он, как-то погоды не делал, а тебе может быть и пригодится, в твоих научных изысканиях. А я, и так не пропаду, ни без него, ни без тебя! Не тебя я любил, а свои к тебе чувства. Необходимость, у человека такая, кого-то любить. Не тебя, так другую, разницы в принципе нет. В моем случае, выбора у меня не было. Душа просила любви, а ты была рядом. Вот и весь кроссворд с ребусом.

Алексей, представил себе Ирину, вспомнил запах ее волос. И, невольно, вздохнул.

– Что дружок, тяжело на душе? А ты не поддавайся, держи удар судьбы! Все проходит и это пройдет!

Алексей так задумался, что не слышал как в купе вошел пассажир. На месте напротив, сидел мужчина в костюме и галстуке. Белая рубашка была с запонками на рукавах, и пассажир, пытался отстегнуть эти запонки. Было видно, что такой наряд, для него непривычен, и он чувствует себя в нем, как не в своей тарелке. Алексей предложил:

– Помочь?

– Да справлюсь, как-нибудь. Жена, опять мне эти клипсы, нацепила. Модно! Видишь ли! А оно мне надо? Иван Матвеевич!

Между делом, подал руку мужчина.

– Алексей! Зубрин!

Алексей немного замешкался. Ему пришлось сесть и прикрыться простынею.

– Зубрин, говоришь? Знал я, одного Зубрина! Хороший человек!

Мужчина говорил громко, будто бы плохо слышал или привык командовать, поэтому у него, иначе, быть не могло.

– Да мало ли, Зубриных, по свету живет, и хороших, и плохих.

– Понятное дело! Куда едем-то, мил человек!

– Домой, в Томск.

– Земляк, значит! Это хорошо! Жить едешь, или в отпуск? Вы молодые на одном месте не держитесь, туда-сюда мотаетесь. А на одном-то месте и камень, мхом обрастает!

– Чего-то, не очень хочется, мхом-то обрасти! Успею еще, какие мои годы! Еще говорят, что под лежащий камень, и вода не течет!

– Ну да, тоже верно! Насидишься на месте-то, самая пора свет посмотреть! А ты, я вижу, парень не промах! Палец в рот, тебе не клади! Откусишь и не поморгнешь!

– Я, тоже так думаю! Но, свет, я уже повидал, теперь, до дому, до хаты.

– Давно, дома-то был?

– Давно. И не ждет меня уже никто. Просто еду, что больше некуда.

– А машину водить можешь? Права есть?

– Есть. До армии от военкомата учился.

– Тогда, тебе прямая дорога ко мне, в леспромхоз! Я тебе и жилье дам, и машину ЗИЛ! Понравился ты мне, хороший человек!

– Хорошо! Я, за границей, на Кубе был. Домой сначала поеду, если что, то адрес Ваш возьму, может и приеду.

– Сам сказал, что не ждет никто, поехали сразу, со мной! У нас благодать! Невест море! От семнадцати лет, до семидесяти - все твои, выбирай любую!

Иван Матвеевич, достал сумку, и оттуда начали появляться - лук, сало, вареная картошка, соленые огурцы и бутылка водки.

Алексей, надел трико, и пошел умываться. Когда вернулся, водка, была уже разлита в два стакана.

– Давай, подсаживайся, пообедаем и поужинаем заодно. Я, на совещание ездил, так хвоста надрали, что думал инфаркт, схвачу. Ничего обошлось, вроде. Беда с лесом! План вырубki требуют, план посадки требуют, план зачистки требуют! Только ничего для его выполнения, не дают! Машины старые, люди старые. Молодежь-то вся в город подалась! Ученые все, на сраной козе не подъедешь! Нет, я не против того, чтоб учились, но и работать, кому-то тоже надо!

Махнул рукой, и, подав стакан с водкой Алексею, чокнулся с ним и одним глотком осушил стакан. Алексей тоже выпил, и начал закусывать.

– Так вот, слушай меня! Не хочешь оформляться, не оформляйся на работу. Я тебя так возьму и ЗИЛ тебе, списанный дам! Отремонтируешь, и будет у тебя» летучий голландец!»! Считай свой, собственный! Я, когда надо, тебе задание буду давать, когда не надо, свободен! Ну, давай матросик, не пожалеешь, по рукам?! Вот и ладно!

Георгий Николаевич встречал Ирину, на »Чайке». Все быстро оформили, Романа усадили на переднее сидение, рядом с водителем. Говорить он не мог, и едва ли, что-нибудь слышал. Все проблемы, с Романом, отец взял на себя. Так, было всегда и Иру не беспокоило.

Ирина, решила отложить серьезный разговор с отцом, до лучших времен. Сейчас, она должна, хорошо подумать сама, как ей быть? Алексей, уезжал в Томск. Она знала это. Отпустить его, просто так, ни кто не позволит. Она, не желала, ему плохого, но и помочь, тоже, ни чем не могла. Пусть зарплата Романа, будет ему, хоть каким-то, возмещением морального ущерба. Может, на некоторое время, согреет душу, и он забудет, о том, что, с ним могло произойти на корабле, при ее, непосредственном участии. Но, он, и не предполагает, что ничего еще не кончилось, все только начинается. Ему, просто, дали немного времени, погулять. А как, для него, закончится эта прогулка, не знает даже она.

Ирина, просиживала с Романом, часами. Он, не шел на контакт. Отец давил на Ирину, он торопился, были на то, особые причины. Но Роман, уперся, и не поддавался, даже при применении сильнодействующих препаратов. Врачи, признавали его вполне вменяемым и отвечающим за свои действия. К вечеру, Ирина приходила домой и валилась на кровать. Делать ничего не хотелось. Часто наваливались тошнота и головокружение.

– Время идет, а я, никак не могу ни на что, решиться. Эх, Алешка, Алексей! Понаделал делов, и укатил, в свою тьму тараканью! А я, тут, ломаю голову, думай и

гадай, как мне быть? Может и ломать ничего не надо? Пусть будет, как есть?

Так, Ирина, говорила сама себе, вслух. Хотела, убедить себя в том, что все, в принципе нормально. Ей, просто так хотелось, чтобы все, было хорошо. На самом деле, все было плохо. Она знала, что Алексея, ей, уже не вернуть никогда, даже под страхом смерти. Он, не захочет быть, с ней рядом, если даже вокруг, будут райские пущи. Она сама предала его, предала подло и умышленно!

Она, пыталась оправдать себя, перед собой, что все дело, в воспитании, что ее воспитал отец, по образу и подобию своему. Но то, что она, прежде всего, женщина, он в расчет не брал. Поэтому получился монстр, с телом и душой женщины, с характером солдата, беспрекословно и тупо, выполняющего приказы.

Ирина заплакала, ей было жаль, саму себя, жаль Алексея, и даже Романа. Тут же в голову пришла мысль, что это, слезы крокодила, одновременно, пожирающего и оплакивающего свою жертву. Слезы, сразу высохли. Это, была сущая правда.

— Наверно, от беременности, я стала такой сентиментальной. Надо срочно, от нее избавиться! Все встанет на свои места. А встанет ли? И на какие места? Все начнется сначала!

Опять мучили сомнения. Вспомнился вдруг, муж. Как он красиво, за ней ухаживал. Цветы и подарки, рестораны и пикники. Это теперь она понимает, что иначе, ухаживать за ней, было нельзя. Если б, он не повел себя так, как это должно, или как считал, должно, ее папа, то, едва ли, он, добился бы своей цели. Тут, была снова,

игра. Только в этой игре, не учитывались ее чувства. Всем было на них, наплевать, на ее чувства. И отцу, и будущему мужу. У них, была роскошная свадьба. Ира любила его, или ей, по крайней мере, так казалось. Они целовались в засос, в ресторане, под крики « Горько! » Он носил ее на руках, и все время держал за руку. После свадьбы, он лег спать, как будто проработал сверхурочно, целую смену. Он храпел, на всю квартиру, а молодая жена, его вообще на тот момент, не интересовала. Перед человеком, стояла цель. Он, ее достиг. В паспорте, стоит штамп. А то, что к паспорту прилагается, еще и живой человек, любящая, молодая и красивая, жена? Это никого не касалось, ни мужа, ни отца. Отец сказал:

— Разберетесь сами! Это, ваша семья, я тут ни причем!

Муж, вообще странно себя повел, после свадьбы. Стал чужим и официальным человеком. Еще и упрекал ее:

— Я, даже дома не могу расслабиться! Я дома, а такое чувство, что я просто пришел, после своей основной работы, снова на работу, только поменял аудиторию!

— Чем же это я, тебя так напрягаю? Или это я, за тобой ухаживала, в любви клялась, замуж тебе предлагала, На коленях стояла с предложением руки и сердца?

— О чем ты говоришь, Ира? Это же все, условности, глупенькая девочка!

Как можно жить, в мире лжи, предательства и обмана? Быть частью, этого мира? Рожать, подобных себе, чудовищ? Ира, не верила в идеи отца. Все это- галиматъя! Он сам, ни разу, до конца не смог объяснить ей, в чем суть, его идеи?

Цель, по ее мнению, должна оправдывать все то, что сопряжено, с этой целью. Смерти и страдания людей, должны сторицей, окупаться этой идеей. Наверняка знать, что в будущем, эти потери, будут оправданы потомками. Но как, они могут окупиться, если родивший эту идею, не знает сам, что, он произвел на свет? Ирина, опять, накрутила себя до истерики, и позвонила отцу, чтобы он немедленно приехал.

– Папа! Я, не могу так больше! Нам нужно, срочно поговорить. Надо решить, много проблем, касающихся и меня, и тебя!

– Ира, время, половина третьего. Ты в своем уме?

– Да! Приезжай, папа, мне так плохо!

Она, просидела у окна до утра, далеко внизу, мелькали фары машин. Она пыталась угадать, какая машина свернет во двор ее дома, но отец не приехал. Утром, он позвонил и сказал, что ему надоели, ее истерики. И, в конце – концов, он имеет полное право, на свою, личную жизнь.

– Почему же, я, не имею на нее права? Почему, меня, ни кто не спросил, как, я, хочу жить? Почему я, живу по приказу, работаю по приказу, рожать или не рожать, мне ребенка, на это тоже, должен поступить приказ? Другие, живут намного хуже. Они работают, чтобы прокормить свою семью. Им, не всегда хватает заработанных денег, на то, чтобы купить себе дорогие вещи, или съездить на море, в отпуск. Но они, в принципе, свободны! Они вправе выбирать, а я нет!

Ира, не пошла в лабораторию, бесцельно побродила по комнатам, кое-где вытерла пыль. Искупалась в душе, одела, красивое белье. Позвонила отцу. Выкури-

ла, несколько сигарет, и наконец, решившись, смело шагнула в проем окна.

30.

Георгий Николаевич, не мог поверить, что, такое, произошло в его семье. В первую очередь, его интересовал резонанс этого дела. Мнение общественности. Сказать, что Ира мыла окно, на пятнадцатом этаже, и нечаянно выпала, было неправдоподобно и глупо. Ира, никогда бы не стала, мыть окон. И все, кто хоть немного ее знал, сразу бы поняли, что это ложь. Он не мог, сосредоточиться на этой мысли. Надо было срочно, что-то придумать! Она упала лицом в бордюр, поэтому опознать ее, чужому человеку, было невозможно.

Собрав все документы дочери, Георгий Николаевич, оформил ей, задним числом командировку, и заявил, что его дочь, улетела за границу. Тело, пролежало положенный срок, и было захоронено как не востребовавшее, и неопознанное. Он, приложил потом, немало усилий, и средств, чтобы перезахоронить ее и не предать это огласке. Он из всего, мог сделать, то, что ему нужно.

Забрав Романа от врачей, он долго внушал ему, что Ира погибла. Что в ее смерти, виновен, только Алексей и больше никто. Что он, уже ни в силах, отместить за смерть дочери.

– Роман, ты у меня, один остался! Ты же понимаешь, что наше братство, крепче чем, родственные узы. Она, была у меня, единственной.

– А нас у матери, было трое, так что, она поделила всю свою любовь на троих? Каждому досталась, только третья часть? И ей будет больно, только тогда, когда ты,

отнимешь у нее, всех нас? А то, что произошло со мной, ей не больно? Или только слегка?

– Что ты говоришь, Рома? Причем здесь ты, и, причем здесь, я? Ты же сам, пошел, на все это, с открытыми глазами. Ради идеи, ради святой и возвышенной любви! Если бы Ольга, была жива, разве бы ты, сейчас, меньше любил ее, чем любил до посвящения? Ты, остался верен своей любви, до самых твоих, последних дней. Разве оно, того не стоит?

Роман задумался. Вспомнил кроткую и славную Ольгу, посмотрел в глаза Георгию Николаевичу.

– Кто знает, было б чем, может и изменил бы. А так, действительно, только мечтой и живешь, мечтой о ней, о своей любви.

Георгий Николаевич, торжествовал победу. Роман, пошел на контакт. Если он, начал философствовать, значит, дело пойдет!

Через несколько дней, Роман, уже ехал в поезде. Он неважно себя чувствовал, за то, твердо знал цель своей поездки.

31.

Так, у Алексея, началась новая жизнь. Иван Матвеевич, дал ему дом, на самом краю деревни. И Алексей начал обживать. Подремонтировал окна, крышу. Заготавливал дров на зиму. Вечером на крыльце, отдыхал. Почти весь день, дрова колол. Сидел и думал, как дальше планировать, свою жизнь. Какая-то жужелица, чувствительно укусила его за спину. Алексей соскочил, чтобы сбросить насекомое, и тут же, просвистел над ухом, какой-то предмет. Алексей удивился, прошел, подсвечи-

вая фонариком, искал. Что же это могло быть? Может, птица какая-нибудь, пролетела? Алексей прошел в дом, помазал укус йодом. И забыл, об этом случае. Мало ли, что в жизни бывает? Теперь у него, такая жизнь, о какой он мечтал. Не быть, ни от кого, зависимым, и в то же время, всегда при деле. Машину, он собирал по винтику, но собрал. Оформляться на работу и на прописку, пока, не захотел. Решил присмотреться, что оно, из этого выйдет? Выходило, пока хорошо. Участковый заехал, документы посмотрел, удачи пожелал.

– Может к нам, в отдел, участковым пойдешь? Мне-то на пенсию, давно уж пора. Вот пока замену себе не найду, сказали, работать буду.

– Ну, тогда, пенсия Вам, похоже, не грозит! Кто ж пойдет, на такой большой участок. Вы то, все и всех знаете, вот и работайте, пока сила есть. Такие люди, незаменимы!

Участковый, похоже, обиделся, но ничего не сказал. Укатил дальше, по своим служебным делам.

Алексей пошел Степаниде Тюленевой дрова рубить. Раньше-то она сама управлялась, а тут руку что-то поднять не может. Вот и попросила помочь. Иван Матвеевич, не соврал, невест было достаточно. И у самого директора леспромхоза, дочка была красавица. Да только, не хотелось Алексею, ни на кого смотреть. Ни к кому клинышки подбивать. Сердце будто бы замерло, смотрит на женщину, и нравится, она ему, а сердце молчит. Не зовет и не трепещется. Работал до потемок, Степанида, уже два раза ужинать позвала. А Алексей думает, если поем, то больше сегодня за колун, не возьмусь. Пока уж совсем темно стало, тогда в дом пошел. Поел,

да и восвояси. Пока укладывался, слышал, будто упало что-то, в сених или на крыльце. Вставать не стал. Уже и заснул почти, вроде как дымком потянуло. Встал, в сени вышел, видно через щели, что горит снаружи. Пошел, оделся, в дверь ломиться не стал, понял, что подперли дверь. Сейчас, если ждут с ружьем, то или в двери или в окно. Собрал быстро пожитки и в сених в заднее окно выбросил, потом сам аккуратно вылез и сразу кустами к Степаниде. Пожар заметили почти сразу, как только Алексей в сарай заскочил, тут и крик услышал, да набат об рельсу. Побежали люди, кто с чем, а толку, сухое, да старое, оно быстро сгорает. Потолкался в толпе, да подумал, кто, же, так меня, со свету сжить хочет? Ничего умного в голову не пришло. Утром директор выговаривал, что леспромхозовский дом спалил. Пошли вместе к пожарищу. А там, где крыльцо, да дверь была, ломик лежит.

– Значит, в окно ждали, если б высунулся, так и остался бы догорать в доме. Надо участкового вызывать! Не дело это, тут, уж который год, тихо все. Это ты, кому-то дорогу перешел!

– Ну, так и вызывайте, за мной греха нет. Если в доме дело, так счет предъявите, я в кассу за него деньги внесу.

– И предъявлю! Думаешь, это тебе так пройдет! Не мечтай! Бухгалтер приедет из района, все и оформит!

Алексей расстроился. Что за чертовщина! Везде, где бы, он не появился, всегда, происходят какие-то неприятности!

Жить остался у Степаниды. Комнаты у нее две. Она, все равно в кухне живет, поближе к печке. Так что, ме-

ста хватает. Да и помощь ей, на старости лет. Понемногу успокоился. В родное село съездил, и на могилке своей, управился. Сел, открыл бутылку водки.

– Здоров, Алексей! Что, помянуть пришел?

Алексей, не сразу узнал Крымова Василия. Они с отцом дружили. Ну, дружили, не дружили, а выпивали, всегда вместе. Василий постарел, но держался молодцом. И был, уже изрядно выпивши.

– Да, Алешка, было время, гудели мы с твоим батей, не на жизнь, а на смерть! Тебя, еще не было, а мы-то уже все вместе с ним. И за девками ухаживали, и драться ходили в Матвеево. Твой-то батяка, чуть у меня Нинку не увел из-под носа! Осерчал, я тогда на него. Года четыре, даже и не здоровались. Потом, как Нинка-то, сбегала от меня, тогда уж и мировую пили. Слышь, Алексей, а как ты думаешь, вот дочка-то у Нинки, моя, вырастет, захочет, она меня увидеть или нет? Ведь отец я, не дядька чужой!

– Что ж не захочет - то, конечно захочет! Всегда родная-то кровь, к себе зовет!

– Вот я, думаю, может письмо ей написать? Мне адресок ихний, по секрету передали. Тут в чем, заковыка-то вся, моей бабы сестра на почте работает. Как увидит, письмо-то, так моей и передаст! Ты в Томск-то едь, или как?

– Понял, я. Давай пиши письмо! Как поеду, обязательно в Томске отправлю. На днях, заскочу, заберу. Только пиши.

– Вот спасибо, Алешка, век не забуду, если выручишь! Только ты никому, ни-ни!

– Да, не переживай, никому не скажу.

Бутылка была уже пуста, и Василий достал из кармана, свою.

– Я, годков десять маялся, пося, как Нинка-то с дочкой ушла. И женился, и детей нарожал, а как Нинку вспомню, так слеза прошибает. Может обида берет, что бросила? Но я думаю, Алешка, что все-таки любовь это, она, оканная! Как Нинка на ум приходит, по пьяному делу, я топор в руки, и за своей, судорогой. Она при мне, как кроссмен бегать научилась. Хоть и ноги-то, у нее короткие, как у курицы. А Нинка не такая была, гордая! Да и сам подумаю, что бы она, со мной-то увидела, акромья как фингалов под глазами? Дурной, я! Ей богу, дурной!

Алексей слушал Василия, а мысли были далеко. Знал он наизусть, всю эту жизнь таежную. И пьют тут мужики, ни с радости, и ни с горя, а так, по привычке. Или от безысходности?

– А тобой, Алешка, девок пугать начали! Говорят, что, мол, добегаешься по вечерам, так Алешка- Шаман, пригубит! Думают, по темноте своей, будто, что ты, призрак! Я - то тоже не в курсе, может и вправду, призрак? Ты Алеша, если надо что, приходи, помогу! Может быть, свечку в церкви, тебе поставить надо? А? Может, маешься, покоя не находишь? Да, забыл, совсем! Говорят, что дом там у вас, спалили, ну будто, ты, там проживал или обитался? Так вот, по большому секрету, открою, я там видел в тот вечер, что кто-то в плащ-палатке, в кустах лежал. По делу, я там мытарился, отлить в кусты сунул, а там лежит кто-то. Спал, думаю. Я тихонько отступил, да и по коням! Пока не заметили. Чего только на белом свете, не делается! Вон Трифон, все про Васи-

лису, рассказывает. Кто не верит, а кто говорит, что и сам ее видал. Она по рассказам мне какой-то там, бабкой приходится, а вот я ее ни разу не видел. Что ж она чужим-то показывается, а мне нет? Тоже вот думаю, а может она мне за Нинку, да за дочку, простить не хочет? А? Ты то, как думаешь, Алешка?

– Не знаю я, дядя Вася, если сам увижу вашу Василису, тогда спрошу у нее, почему она к тебе не является. А дочку-то твою и Нинину, как зовут-то, хоть помнишь?

– Так Софией и зовут, ты разве не знал?

– Понятно. Ну, бывай, дядь Василий! Не забудь про письмо, я на днях заеду.

Василий уже засопел носом. Наверно, не слышит. Алексей пошел прочь, думая, кто же это мог быть? Или так, Василий, мелет, что в голову приходит? Да, тяжело тут становится. Что-то, идет не так! А в чем дело, и так понятно. Не каждый же день, мертвецы по улицам гуляют. Старухи, вообще народ странный. На что Степанида, и приняла, и накормила, а захожу в магазин, а она в очереди, говорит:

– Дождалась, когда уснет - то, подошла, да за руку его, потрогала. А рука-то, как лед холодная! Ну, мертвец он! Вот вам крест!

И увидев Алексея:

– Что Алешенька, за папиросками пришел?

Голосок елеинный, как у ангела, будто и не говорила ничего, про мертвеца! Зачем ей, все это надо? Может бросить все, да и уехать куда-нибудь? Да куда подашься, родина.

И в родной-то деревне, вроде бы, узнали его люди, но и виду, ни кто не подал. Будто бы, так оно и надо.

Таежники - то, много болтать не любят. Видел и видел. Зачем, базар разводить? Один только Трифон, подошел, подал руку, заглянул в глаза. И погрозив пальцем, сказал:

– Да...Алеха, ты меня не обманешь. Я, тебя еще пузырем, помню! Живи, как живешь, никого не слушай, никого не трогай, и никого не бойся, парень. Дай трешку, а?

Трифон, постарел, но привычки не бросил, и как утверждал сам, если б бросил пить, то давно б, уже был, на том свете. Алексей заезжал к Трифону, привозил ему продукты, давал трояк на водку. Слушал его бесконечные рассказы о мироздании и о нежити.

– Вот ты, Алешка, весь, почитай мир, повидал! А скажи, почему у Федоровича, все зубы целы, а у меня уж давно, все повыпали?

Росли мы, с ним вместе, и ели одно и то же, и пили, почитай, почти что, одинаково? И по зубам по молодости получали, тоже из одного источника, от Генки Косолапого?

Ан, нет, не знаешь! И с роду, не догадаешься! А я тебе, прямо и скажу! Потому, что я, бутылки, все что выпил, всегда зубами открывал! А Федорович - нет! Вот и весь секрет! Я, хоть за морями и не был, как некоторые, не буду пальцем показывать, а тут, у себя, тоже не мало, чего, повидал. И домового видел, вот так, как сейчас, тебя вижу. Сидели мы с ним, почитай до утра, мою водку-то пили. А он, все конючил, что у него денег, будто, совсем нет. Да кто ж, ему поверит! У домового, да денег нет! К утру, принес, выманил я у него.

Да только деньга-то, царских времен. Катеринка! Хошь, покажу, еже ли не веришь, на слово?

Соскочил, пошарил за иконой в углу.

– На, гляди! Я с роду, не вру!

Алексей рассматривал купюру, и действительно начинал думать, что не так и прост, этот Трифон.

Такой купюры, взяться откуда. Значит, если домового придумал, то деньгу где-то нашел, а где не помнит. не

– И лешего видел, сидит на кочке голозадый, да с одуванчиков, пух сдувает! Худой, как три года, будто, не ел ничего. И голова мохом обросла, только что, грибов не видать, на голове-то. Я, в него сучком запустил, а он, меня пальцем манить и начал. Он пальцем манит, а мои ноги, сами к нему идут. Насилу ушел, тогда от него! Но, ведь сам виноват! Зачем, сучек-то кинул? Ладно, что покаяться додумался, заплакать от души, да прощения испросить! А то б, и не нашли никогда, мое бренное и всеми ругаемое, несчастное тело!

Трифон, потер глаза руками, и, икнув, высморкался, в огромный синий платок.

– Да, че про них, говорить! Нежить - то сейчас, вся в людей, перебазировалась. Как, только, на кресло человек, повыше залез, так сразу, глаза-то оловянными становятся! Душа человеческая, вся в кресло уходит! Или, звезда на погоне появилась, то и сердечко, сей момент, латунным становится, как эта звездочка. Ни своих, ни чужих, ни беды, ни горя чужого, уже и не чувствуют! Нежить и есть. А ведь росли-то, все одинаково. Да, Алешка! Вот ответь мне, еще на такой вопрос, почему я всю жизнь пью? А? Нет, не знаешь! Пью я потому, чтобы

не видеть, всего этого безобразия! Когда трезвый, вижу, а поделаться с этой бедой, ничего не могу. Душа рвется! А выпил, и все хорошо сразу становится. Тоже, глаза оловянные и сердечко латунной звездочкой. Это, ты пока дома сидишь, вот и не знаешь ничего! А пойдешь, что-то оформить, бумагу, какую, или пенсию, например. Сразу и увидишь, Алешка, сколько ее, нежити - то, среди людей обитает! Что там, о далеком говорить! Вот я, сегодня в лесу, смерть встретил! Но, видно, не моя смерть - то, была. Потому, как, мимо прошла! Я, точно, чуть в штаны не наделал! Страсть, как перепугался! Ни хрена, себе! У меня бутылка, недопитая, в кармане стоит, а она, вот она, нарисовалась! Ну, ей Богу, не вру, Леха! Вот слушай! Иду я, из магазина. Ну, лакнул, маленько, из горлышка, до дуги, еще полторы бутылки, надо было выпить. Не думай, что почудилось! Покрутился, туда-сюда, где бы выпить? Ну, и в лес наладился, дай, думаю, посмотрю, как нынче с грибами, да с ягодами будет, да и орех тоже, присмотреть не мешало б. Домой пойдешь, так кто-нибудь на выпивку и напросится, а так - я один! Далеко, по тропке-то, уже от деревни ушкандылял. При тормозил, еще пару раз, по дороге-то, ну чтоб веселей путь был. Захорошело уже, будто бы. А тут, она, навстречу идет! В балахоне сером, и капюшон на голове. Худая и длинная вся! У меня-то, хмель, как рукой сняло! Холодно стало, будто бы зима на дворе. Зубы, если б были, так друг об дружку застучали бы. Вишь, хоть тут польза, без зубов-то. Только, она бы с косой, по правилам-то, должна была быть! А, эта, с серпом! Ну, обмер я, весь, стою будто бы, а сам потихоньку, за кусты двигаюсь. Может, думаю, не заметит. Она поравнялась

со мной, и носом, так, потянула. Нюхает, значит. Я, от страха-то и дышать перестал, запах видно потеряла она, и дальше пошла. Вот как Алешка, запах человека, предать может! Вот, ты, например, как приходишь, сразу соляжкой пахнет. Потому как, машина у тебя. А я, где не появлюсь, спиной люди узнают, что это я явился! Попробуй, скройся! Сел я, допил залпом остатки из бутылки, и бегом в деревню, да опять, в магазин. Тут и тебя встретил.

Алексея, заинтересовал рассказ Трифона.

– Слышь, дед, А где, ты встретил-то, ее? Может, покажешь? Что-то тут, непонятное происходит! Надо бы проверить!

– А что, не веришь мне что ли? Тут и проверять нечего! Доказать ничем не могу, только, своим честным именем!

– Не то, ты подумал! Наоборот, верю я тебе. Поэтому и проверить хочу, вдруг, это человек чужой ходит! Мало ли, зачем он здесь, околачивается.

– Вот и я говорю! Она, уже по лесу, как по своим хоромам гуляет! Нет, Алешка, хоть убей, не пойду туда, больше! Вдруг, снова объявится, да, за мной! А ты, мне трояк еще дал, пропадет, если помру. Где видел, точно рассказать могу. Еже ли, не живется тебе на белом свете, сходи, познакомься. Или вы, вроде как, и знакомы уже? Почти что, родственники?

Трифон сделал хитрое лицо. Это был намек на могилу Алексея.

– Так и есть! Почти, что, и родственники! Давай, рассказывай, где видел и куда она пошла, в какую сторону?

Алексей, понял, что это Роман объявился. Надо было, его скорей найти. Жаль, если не увидимся!

Выслушав, подробный отчет, от Трифона, где и как он шел, и куда направлялся, Алексей выскочил из дома, сел в машину, и поехал в направлении райцентра. По дороге, вспоминал, как они расстались с Романом. Он обещал, что найдет место в пещере, и обязательно, положит туда клинок.

– Значит, что-то не срослось! Неужели его, все-таки перехватили «Белые голуби»? Не по мою ли душу, он здесь появился? Эх, все одно к одному! А как все, хорошо начиналось!

Алексей остановил машину. Искать самому свою смерть, не подготовившись к встрече, особого желания не было. Иногда, он ездил в Томск, то, лес надо увезти, то, что-нибудь, привезти. Но все это, только для собственного удовольствия. – Придется, видимо все-таки, поехать и по делу! Надо найти Романа, и проследить за ним! Если клинок, действительно, у него, то это очень, и очень плохо! Может, конечно, дед, что-то напутал. Или вообще, ему все померещилось, но уж слишком, похоже на реальность!

Алексей все продумал, до мелочей. Предположил, где мог остановиться Роман, и где он будет, искать его, Алексея. Ведь, он знал почти все. Не знал, только последнего адреса. И едва ли, кто ему скажет. Хотя, на каждого мудреца, довольно простоты. Так что, всяко, может обернуться. Тайга, она большая, если спрячешься, ни кто не найдет, особенно, если места хорошо знаешь. Только, Алексей прятаться не хотел. В бой, конечно, не рвался.

Помнил, что Роман, его, в свое время, от беды спас. Но и, помнил кто, это бедой был. Если, Роман пришел за ним, то надо, самому идти за Романом! Надо обхитрить его, найти, и сделать все, чтобы это зло, больше не существовало.

Через пару дней, Алексея, отправил директор лес-промхоза, в Томск. Лес надо было увезти и по накладной сдать. Алексей решил там, попробовать узнать про Романа. Потом, откинул эту идею. Роман мог и не ночевать в гостинице. Искать его по фамилии, без толку, он мог быть и под другой фамилией. Заехал к Крымову :

– Дядь Василий, я в Томск.

Василий, за рукав, оттащил Алексея подальше от дома, и шепчет, что б, не услышали его домашние.

– Алешка! Дочка-то, сама письмо прислала, приедет она скоро. В Курган, она поехать собирается, может через месяц-два, из Кургана, ко мне приедет погостить. Ты, если что, подбросишь ее до дома-то, из Томска?

– О чем разговор? Обязательно подброшу. Только ты сообщи заранее, когда встречать ехать! Чтоб я готов был. Самому, интересно, на твою дочку посмотреть. Вдруг и влюблюсь, наконец.

Заниматься, поисками Романа, Алексей не стал. Зачем, искать свою беду, она сама тебя найдет! Он решил, не торопить события, тем более, что от встречи с Романом, он не ожидал ничего хорошего. Чтобы как то развеять плохие мысли, захотелось, сходить на Волчью гору. Это, загадочное место, в жизни Алексея,

уже сыграло немаловажную роль. Поход, к шаманской зыби сейчас, повернул, его жизнь в другое русло.

Алексей, шел, по едва заметной, тропинке. Старался, не трещать сучьями, то и дело, попадающимися под ноги. Но все равно, нет-нет, да и сорвется нога, а треск сучка в тайге, как звук выстрела, далеко слышно. Присел на пенек, где они с Петькой, когда от пожара бежали, отдыхали. Прикурил «Беломор» и задумался. Ему хотелось, встретиться с Романом, как с братом. Посидеть, о жизни поговорить. А тут, не поймешь, на тебя охотятся или ты охотишься? Алексей, покосился на лежащую у ног, двустволку. На дерево напротив, тут же прилетела сорока, и начала стрекотать, поворачиваясь то в одну, то, в другую сторону.

— Кого ж ты, белобокая увидела, что расшумелась на весь лес? Меня, или еще кого предупреждаешь, о моем присутствии?

И тут, он услышал, предательский треск, сухой ветки, под чьей-то ногой. Алексей насторожился и замер, прислушиваясь. Снова услышал, тот же, звук. Кто-то, явно, шел в сторону Волчьей горы. Он затушил папиросу и, уже более осторожно, продолжил свой путь. Больше, он не слышал, ни чьих шагов, потому, что дальше, было более открытое место. Сучьев попадаетеся меньше, и если хорошо смотреть под ноги, то можно избежать этой неприятности. Алексей залег в кустах, чтобы осмотреть окрестность Волчьей горы. Все было спокойно. Нигде, не просматривалось движения. Но, он все равно, решил сделать круг, и подойти к Волчьей горе с другой стороны. Осторожно ретировался из кустов, и вдруг, увидел на земле, черный эбонитовый шарик. Ро-

ман, постоянно перекатывал в руках, два таких шарика. Значит, все-таки, Роман тут. Как он, мог потерять шарик, с которым не расстанется никогда? Если забыл, то забыл бы два. Значит, или выронил по неосторожности, или оставил специально. Если, это знак для меня, значит, он, давно за мной следит. Да. Жаль, что я не проходил, такой специальной подготовки, как он! Кинуть клинок, с точностью до сантиметра, он может, из-за любого дерева. Алексей, прошел, на более открытое место, где тонкие молодые деревья, не могли скрыть человека. Обойдя Волчью гору, решил подняться и посмотреть сверху. По пути, он обнаружил, волчью лежку и следы пребывания этого животного. Значит, волки вернулись, на свое, некогда покинутое, место. Алексей поднялся на гору и внимательно осмотрел спуск, в сторону шаманской зыби. Нигде, никого не было, ничего подозрительного. Он начал спускаться. Заглянул в пещеру Шамана, все завалено камнями. Но проход, все-таки оставался, можно было, при желании, посетить «старого знакомого». Алексей, стал спускаться дальше. Обнаружив, какие-то следы у ручья, пошел по ним. Следы привели к шаманской зыби. Не доходя, до топи, метров тридцать, следы повернули назад. Алексею, неожиданно захотелось, посмотреть то место, где он, чуть не утонул в трясине. Были ли там шансы, хоть как-то выбраться самому? Он прошел по твердой почве, почти до самой зыби, и вдруг услышал тихий свист. Алексей повернулся. Сзади, в десяти метрах от него, стоял Роман. Вид у него был болезненный, и от этого, он, казался еще выше. На Романе, была одета плащ-палатка. Голову покрывал капюшон.

– А, ты молодец! Хотя и в спецшколе не обучался, а меня, профессионала, чуть было не провел! Что, Шаман, не признаешь, старых друзей?

– Я, друзей, всегда признаю, и старых, и молодых! Если они друзья. И врагов, Рома, тоже признаю, если они достойные. Друзья - то, друг друга не сторожат, не караулят по кустам, а за стол садятся, про свою жизнь рассказывают.

Глаза, у Романа, заблестели нездоровым блеском. Алексей снял с плеча ружье, сел на траву, жестом приглашая Романа.

– Иди, посидим, поговорим! Сколько времени прошло, каждый о своем расскажет. В ногах-то, правды нет!

Достал из кармана папиросы и прикурил, положил пачку с папиросами на пенек. Роман, оставался на месте.

– С правдой-то, мы с тобой, уже однажды укакались! Зачем повторять, старые ошибки? Ты знаешь, зачем здесь, я! И я знаю, зачем я - здесь!

– Что ты заладил, все я, да я! Мы тут, вдвоем. Раньше, мы всегда, находили с тобой общий язык, не испытывали друг к другу, враждебных чувств. Я рад, видеть тебя. И ждал тебя как друга, все это время. Что произошло, Роман?

– Ты ждал, другого Романа, но, он, уже давно умер.

– Тогда, я не против того, чтобы познакомиться, с этим Романом. Может, мы с ним, тоже найдем общий язык? Делить- то, нам вроде как, нечего.

Алексей поднялся и хотел шагнуть навстречу Роману, но тот остановил его, злобным взглядом. Роман, начал что-то бормотать, и как-то странно подпрыгивая,

двигаться в сторону Алексея. Алексей, не видя, пока, явной опасности, все же начал осторожно отступать, в сторону зыби. Романа перестали бить конвульсии, и он, начал уже спокойно, надвигаться на Алексея.

– Что произошло? Да ничего не произошло! Просто, пришло время, заплатить старые долги, мои долги! Я тебя, давно здесь пасу. Не знаю, какая сила тебя охраняет, но я, дважды, пытался убить тебя, и не получилось! Бог, говорят, троицу любит! Надеюсь, сейчас, у тебя не будет шанса!

– Ты объясни мне, Роман, за что, ты хочешь меня убить? Не думаю, что твоя троица, сопоставима, с понятием о Боге. Что, я, тебе плохого сделал? Или еще кому-то? О каком долге идет речь? Если ты о деньгах, то они в целости и сохранности, лежат все до копейки, забирай. Я, ты же знаешь, и сам неплохо заработал. Мне твоего не нужно!

– Причем, здесь, деньги? Неужели, ты мне поверил, когда я сказал, что с корабля линяю? Это все игра, игра Ирины и ее отца! Эх ты, святая простота! Ты приговорен. Она умерла, теперь, умрешь ты! Кровь за кровь, понял.

– Кто, умерла? Ирина? А я причем? Меня что, винят в ее смерти? Стой, Роман! Объясни толком все! Пусть даже, ты убьешь меня, но я должен знать, за что? Смерти я не боюсь, но имею право, услышать все, как есть.

– А губы тебе, вареньем, не намазать?

В руке Романа, появился клинок. Он стоял, уже, близко к Алексею. Близко для того, чтобы бросить клинок в Алексея, и далеко, чтобы напасть. Он резко рванулся вперед, занося клинок над головой. На ходу, рассчитывая место для удара. Но не рассчитал, что почва

под ногами, чем ближе к краю зыби, тем влажнее и как бы проваливается, и амортизирует, под тяжестью веса. А тут, резкий толчок. Роман поскользнулся. В самый, последний момент, Алексей отпрянул в сторону. Роман, по инерции, проскочил прямо. Обернувшись, Алексей увидел, что Роман, попал прямо в болото.

– Как, и когда, он успел переместиться?

С опозданием, подумал Алексей.

Некоторое время, плащ-палатка, удерживала Романа на поверхности зыби. Потом, начала тянуть вниз. Он, не просил о помощи. Просто, посмотрел Алексею в глаза и сказал:

– Ну, ты и вправду, как заговоренный. Может, это и к лучшему! Так наверно, будет правильной. Прощай, Шаман! Ты победил!

Алексей, стоял как вкопанный. Смотрел, не в силах ничего сказать, или предпринять. Он, был ошеломлен, случившимся. Дрогнула внутри жилка, чтобы кинуться на помощь. Он и сейчас, не испытывал к Роману чувства вражды. Но, не было, и радости победы. Победы над обстоятельствами, над смертью. Пучина, жадно затянула Романа. Вдруг, из няши, появилась, его рука, с клинком. Он попытался бросить клинок на берег, к ногам Алексея, но, у него не получилось. Было слишком поздно. Надо было это сделать Роману, когда он, был еще на поверхности. Жидкая, вонючая грязь, не дала размахнуться для броска. Клинок, так и остался в зажатой ладони, которая, вместе с клинком, медленно поглотилась зыбью.

Алексей отошел от края зыби, и сев на пенек, закурил. Время от времени, на том месте, где погиб Роман,

булькая, лопались большие пузыри. Алексей достал из кармана, черный эбонитовый шарик, и, покрутил его в руке. Задумался над тем, чего, можно было избежать в этой жизни, и что, все равно бы, произошло. Вспомнил время, проведенное с Романом на корабле, и его слова:

– Знаешь, Алешка, когда любишь, хочется весь мир обнять и защитить от всех бед! А когда, не живет любовь в сердце, то и нет для тебя, ничего святого!

Святящаяся вечерняя марь, поднималась над Шаманской зыбью. Огромное багровое солнце, опускалось за болото. Смутные неясные тени, скользили над поверхностью гиблого места. А Алексей все сидел. Пачка папирос, уже закончилась, и он, уже хотел достать, новую. Но тут, заметил, какое-то движение над зыбью. Всмотревшись, Алексей увидел женщину, медленно приближающуюся к нему. Она, была еще далеко, Алексей не мог рассмотреть ее лица. Какая-то тяжесть, придавила Алексея к земле, он сидел не в силах пошевелиться, и, не отрывая взгляда, смотрел на приближающийся силуэт. Женщина прошла по зыби и плавно скользила по берегу. Алексей, уже хорошо рассмотрел ее одежду, доброе и слегка насмешливое, лицо. Две толстые косы, лежали у нее на груди, а в косы, были вплетены нити жемчуга и золотые монетки. Иногда, монетки позвякивали, соприкасаясь друг с другом. Женщина, прошла сквозь Алексея. Она его не видела и не заметила, что он сидел прямо на ее пути. Вслед за ней, пробежала большая, белая с черными пятнами, собака. Алексей, повернув голову, смотрел в след женщине и псу. Они одновременно скрылись за деревьями.

– Да это же Василиса! Именно так, ее описывали люди, которые встречали ее в тайге. Говорят, что кто Василису встретит, семь раз смерти избежит! Считалось, встретить Василису, большая удача. Это значит, что взяла она, этого человека, под свое покровительство, на всю оставшуюся жизнь.

В тот же миг, из леса, раздалось кукование кукушки. Она была где-то рядом. Громкое и ободряющее: -Ку - Ку!, повторяющееся на одной ноте, помогло Алексею, прийти в себя. Он размахнулся и бросил шарик в зыбь. Проводив его взглядом, поднялся, и, не оглядываясь, пошел в сторону деревни. В след ему доносилось, долго и многообещающе:

– Ку-Ку! Ку-Ку! Ку-Ку!

Трифон сидел на лавочки у своего дома, и, увидев Алексея, сначала соскочил, и метнулся, было, в калитку. Потом развернулся и пошел навстречу Алексею. Весь его вид, говорил о том, что он сомневается, в каждом своем шаге. Будто одна его половина, идет к Алексею, а вторая, готова бежать, сломя голову, прочь. Первая, все-таки пересилила.

– А! Алексей! Давно я тебя, тут, поджидаю!

Грех с души, снять хочу! Ты уж прости, если сможешь!

Начало было многообещающим, Алексей, дойдя до лавочки, сел.

– Трифон, я тебе поп, что ли? Тебя дугой накрыло, или как?

– Нет, не то говоришь! Помнишь, я тебе про смерть рассказывал? Так вот, соврал я тебе, Алешка! Скотина я, распоследняя! Вот, с той поры и мучаюсь. Ведь, не я это,

Алексей, это, все вино, гадкое. Ты-то, ко мне всей душой, а я, как трус и предатель. В войну бы, расстреляли меня, и фамилию б не спросили, за такое!

– Не елозь, Трифон, говори как есть, и дело с концом!

– Так вот, я-то, с тропинки тогда свернул, а она, смерть-то, остановилась, и нюхает. Не прошла она тогда, мимо, меня за грудки, цапнула. Она, Алешка, тебя искала! О тебе, и спрашивала. Вот если б, ты, Алешка, на моем месте, тогда был, то ты бы, точно ей сразу, в нюх врезал. А я, спужался, за свое вино, недопитое. Все, я ей, про тебя и выдал. Еще подумать успел, что тебе-то бояться нечего, твоя-то могилка, уже готова и обихожена, стоит, а для меня, ее еще рыть надо! Тоже, ведь, морока!

Алексей поднялся с лавочки.

– Ты не переживай, Трифон, не та беда, за которую думаешь, а та беда, которая приходит! Эта, уже не придет. До свидания!

– Прощевай, Алешка! А трешку-то, дашь?

– Дам! Иди поближе.

– Не, Алешка, не надо! Я, лучше здесь, постою.

Трифон засеменил в свою калитку, оглядываясь на ходу. Алексей, повернулся к нему спиной и пошел вдоль улицы. Из леса, все еще доносилось кукование кукушки.

33.

До зимы, Алексей так и прожил у Степаниды Тюленевой. Она не гнала, а он и вида не показывал, что обиделся на нее, за брехню, в магазине. Помогал ей по хозяйству, а она и сварит, и блинов нажарит, и стирает когда в хорошем расположении духа.

– Слышишь, Алексей, к тебе давеча, что-то директор леспромхоза заезжал, и участковый, вроде как, в машине-то у него сидел. Велел зайти к нему завтра, только не с утра, а к обеду поближе.

– Ладно, схожу. А не сказал, чего надо-то?

– Нет, ничего не говорил, пусть зайдет, мол, и все.

Алексей понял, что, что-то тут не так. Больно уж голосок ехидный, у Степаниды. Да и не может того быть, чтоб Тюлениха, да директора леспромхоза, на разговоры не разговорила. И про участкового, она, неспроста, упомянула.

На другой день, к обеду, Алексей уже сидел в приемной директора. Тот, вышел из кабинета и было, направился на улицу. Алексей встал.

– Здравствуйте, Иван Степанович! Вызывали? Тюлениха сказала, что заезжали вчера.

– Пойдем со мной! Я что-то, плохо себя чувствую, перебрал вчера, в Томск свозишь! Шофер-то мой, в отпуске, жена у него родила! Вот вчера и приложились, по этому поводу! Звать его не хочется, сегодня-то, а ты все равно без дела сидишь!

– Свожу, чо не свозить-то. Это запросто!

По дороге, Иван Степанович, сначала помалкивал. Думал видно, с чего разговор начать. Подремал немного, потом и разговорился.

– Я, тебя Леха, видно, зря к себе позвал! Ты человек-то хороший! Только все у тебя, не как у людей! И дом спалил! Да знаю, что расплатился! Но дома-то, все равно теперь нет! Старухи, мне из-за тебя, всю плешь проели. Всякие небылицы рассказывают. А это плохо, Алеша, когда про тебя, всякую ерунду говорят! Ну ладно еще, если б ты молодуху, какую, себе приглядел, бабья-то полно по округе. Так нет, у Тюленихи поселиться, угораздило! А у нее, язык как помело, что не знает, то сама придумает! Наверно, придется тебе, куда-нибудь в другое место переселиться! Врать не буду, говорят, по тебе девки, сохнуть начали. Вон и моя, старшая, только о тебе и трандычит, целыми днями! Нет, я против ничего не имею, но, ты то вообще, женским полом не интересуешься! Так, хотя бы, для виду за кем-то, поухаживал! Девчата, уже скоро, волосья друг другу рвать начнут, а ты ни гу-гу! Так что, выбирай сам, или женись на Покров, любая за тебя пойдет! Либо уезжай куда-нибудь, а то, как бы, худого чего, не вышло. Парни-то у нас, тоже не без нервов, да и мужики! Участковый вчера приезжал, опасается он, и ружье в каждом доме есть! Видно, что-то пронюхал, зря он, не будет панику поднимать!

– Ну, насчет женитьбы, это ты загнул, Иван Степанович! Как же я, без любви-то, жениться буду?

– А, и не люб, ни кто что ли?!

– Нет. Не лежит, пока, душа ни к кому.

– А ты поухаживай, погладь, может и прикипишь!

– Да, у вас поухаживай, потом под дулом двустволки, в сельсовет поведете! Уеду я лучше. Если б сразу сказал, так я бы, вещи свои сейчас с собой взял.

А ты бы, обратно и сам доехал. Теперь вот, мозолятся туда-сюда.

– А ты не спеши! Успеешь еще! До Покрова, полмесяца ждать, может еще и женишься!

– Нет! Не женюсь!

Алексей уехал из деревни. Зиму прожил в Томске. Работал на промбазе, грузчиком. Таскал мешки и ящики, но, сколько бы, ни старался, загрузить себя работой, придя в общежитие, вертелся с боку на бок, не мог уснуть. Друзей, как-то не завел. А знакомые, часто звали, в гости, в кино. Он везде бывал, и читал много, не скучал. Но и удовлетворенным своей жизнью, себя не чувствовал. Остался, в его прошлой жизни, совершенно белый листик. Не знал он, всего того, что случилось с Ириной и как Роман, стал за нее мстителем. Иногда все это забывалось, как-то отходило, на второй план. А потом, накатывало в новой силой.

– Роман сказал, что Ирина умерла. Не сказал как, и почему. Просто сказал, что я виноват в ее смерти, и поэтому должен умереть. Все, не так просто. Может, и сама Ирина, послала Романа, по мою душу! Может, поискать здесь, в Томске «Белых голубей»? Роман, говорил, что они повсюду. Только что, мне, это даст? Опять приключений на одно место, и все. Что ж, эта беда от меня, ни как не отцепится?! Давно забыть пора.

Он, не тосковал о своей деревне, ему не хотелось вспоминать об Ирине. Хотя, ее судьба, не была ему безразлична. И, все-таки, мысли, постоянно крутились, вокруг этого. Но ответов на его вопросы, не было.

По весне, начала ему сниться Василиса. Идет по болоту, вроде бы, как, к нему идет, а сама, все

дальше удаляется. И машет ему рукой, зовет к себе. Тут, в скорости, Иван Матвеевич появился. Приехал в воскресенье в общежитие к Алексею. Привез гостинцев всяких, деревенских. А когда за стол сели, да откушали, по две-три стопки «столичной», о жизни своей, начал рассказывать. О том, что машина Алексея, стоит, скучает по хозяину. Что к Василию Крымову, дочка приехать должна. Еще вроде как, в прошлое лето обещалась, но не случилось. А теперь, точно едет.

– У Василия-то, вся рожа расцарапана! Это, его благоверная, так, приезду его доченьки, радуется! По дороге идет, каблуками землю выворачивает! Не знаю, как он отвертится! И дочку-то, повидать охота, и не скажешь, не приезжай, мол, делать нечего! А его татарка, ничего ни понимать, ни слышать не хочет! Обещала, девку-то, кипятком обварить, если к ним в дом сунется! Умора!

Ты возвращайся, Алексей, без тебя, вроде как, не хватает чего-то, в нашей жизни! Зря я тогда, тебе наплел, с три короба! А дом, я тебе еще один дам! Это, в двенадцати километрах от деревни. Там, где пасека! И жить там будешь, и сторожить! Люди-то, не пойдут туда, пакостить, а вот медведи, часто наведываются! Поехали, Алексей, что ты тут один мыкаешься!

– Тебя, Иван Степанович, не поймешь! То, к себе зовешь, то, от себя гонишь, то, опять к себе! Как-то я, в своих глазах, не очень приглядно выгляжу, в этой ситуации. Я не обиделся, не подумай, но только, вдруг, ты завтра, опять скажешь мне, чтобы я уехал. Меня, вот это беспокоит! Хотя ты и директор, а своему слову,

не хозяин! Звать зовешь, а чуть что, не по твоему вкусу, сразу, слова свои обратно отзываешь!

– Что скажешь! Правда, она всегда правдой и будет! Не хорошо, получилось, Алексей, моя вина! Но ты, меня, тоже понять должен! Участковый, шельмец, все с баламутил! Я то, знаю, он боится, как бы его с работы, не турнули. Года-то, уже пенсионные! Вот, он каждого и прощупывает, что б его не подсидел, кто, из молодых. Он, каждую собаку на своем участке знает, как кадр, конечно ценный, но в старости, начал перестраховываться. Я его попросил, чтобы он тебя не трогал. Не мутил воду! Живет, говорю, и пусть живет, под мою, личную ответственность! А он, начал архивы ковырять, в военкомате справки наводить! Потом, чужой человек объявился, он за ним следить начал. А потом, этот человек, исчез, не выезжая за пределы его участка. Вещи остались, а человек пропал! И следов никаких! Да, ладно, потом как-нибудь, сам, с ним на эту тему поговоришь, если желание появится! Да, самое главное, забыл сказать! Петр Великий, домой вернулся! Вот уж он, и обрадуется, если ты к нему заявишься! Приезжал он ко мне, про тебя спрашивал! Пора мне, ехать надо, домой пока доберусь, темно уж будет! А ты Алексей, две недели сроку, увольняйся и приезжай! Ты мне, как родной стал! Жду!

– Ну вот, опять двадцать пять! Снова, две недели сроку! Ты бы хоть, Степанович, как-то разнообразил свои приказы! А то, сразу и ехать расхотелось! Еще директором называешься! Подумаю, я!

Пока думал над предложением Ивана Степановича, время зря не терял. Поспрашивал у надежных людей,

про сектантов. Есть или нет, они в городе. Толком, ни кто ничего не знает. Только одна девушка, сказала, что будто от подруги слышала. Есть в лесу « братство», какое-то, что живут они как первобытные люди. Все себе своими руками добывают. Даже материал для одежды, ткut своими руками. Что порядки у них очень строгие. Алексей попросил ее, узнать побольше о «братстве», но чтобы незаметно было, что это кому-то надо.

Вскоре, Алексей бросил работу в Томске, и поехал к себе в деревню. Затосковали руки по баранке. Захотелось, вдохнуть всей грудью, терпкий таежный воздух. Увидеться, наконец, с Петром Великим. Помочь Василию, встретить его дочь в Томске, как обещал. Не знал он, что эта встреча окажется, самой главной встречей, в его жизни.

Часть третья

МАРЬЯНКА

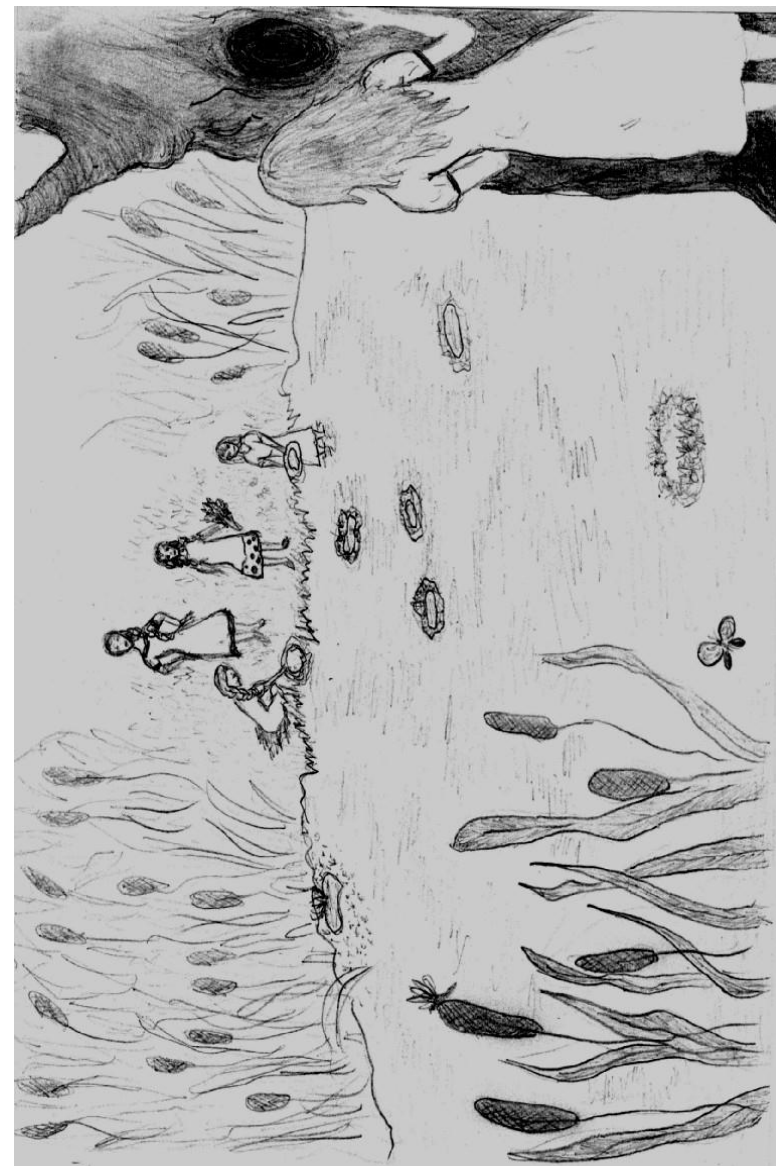
1.

Раньше, еще до Чингиза, все деревушки русицкие, были земляным валом обнесены. И от врагов, маленько, спасали, да и от зверья всяческого. Не больно и чужих, за вал-то запускали. Так, ежели, кто, по торговому делу, или еще чаво надо. Хоть, на слухах-то не говорилось, но больше-то всего, люди, нежити боялись. Тока, чо ее бояться-то было, ежели хичная, она и так добудет, кого ей надо, а ежели не кровожадная, так, и бояться нечего, она завсегда рядом живет. Больше-то, слухов разных распускали, чтоб народ, туда-сюда не колбродился, да чтоб, по боязни своей, лихих дел не надумывал. А человек без страха-то, и не человек, в то время получался, а чисто тебе зверь, будто. Вот как могли, так и огораживались, жилища свои оберегали. И ров вырывали, вокруг деревушки, да воды с реки, али озера запускали, кому как сподручнее, бывало. Но, мало как-то помогало, это-то. Все равно, нежить, людишек тормошила как могла, и когда хотела. Ни ров с водой, ни вал земляной, удержу на эту нечисть, не имел, а про врагов и говорить нечего, свои-то дела кровавые, все на силу нечистую сваливали. Отобьются от них, сегодня, так они завтра, опять лезут. Ну, а потом-то, и валы, и

рвы, все поровняли со временем. Где люди, а где дожди, да ветра, пристарались. Но и теперь, если деревня-то старинная, то, по околице если пройти, да приглядеться, то все одно, это сооружение, обнаружится. Либо вал земляной, осевший под тяжестью лет, либо ров, уж почти и сровнявшийся, с общим-то, земляным покровом.

2.

Люди старые рассказывали, как в таврической стороне, в деревушке небольшой, вдова жила. Собою-то красавица, но пося, как мужа не стало, ни с кем больше не зазамужнилась. Дочка у нее осталась, от мужа-то. Вот и жили вдвоем, и в строгостях все посты соблюдали, и все поборы справно отдавали. Работали обе не покладая рук, все пряжу пряли, да вышиванием своим, народу в радость старались. Мать Ульяна была, темненькой от рождения, и глазки как уголечки горели, а Марьяна, дочь, вся в отца была. Белая, да статная. И ростом не в мать. По лету-то, повадилась Марьяна за ров ходить, на пруд. Все туда девки-то ходили, и парни, тож не отставали. Но, не со всемя, она туда ходила, а как солнышко на закат, все домой в деревню, наиграются ужю, да на покой, а кто и со скотиной управляться. А она - туда, по задам огородов. Ляжет в траву, на берегу пруда и наблюдает, как божья коровка по стеблю травы ползет, доберется до середины стебля,

начнет крылышки расправлять, а стебелек, от ее движения и согнется. Ну, божья-то коровка и свалится на землю, а крылышки уже, тонкие как кружева, выпустила. Начинает их назад заправлять, да снова стебелек искать, откудова в полет свой отправится. Солнышко закатное в волосах Марьяны игры играет, будто бы, вся голова ее, золотым светом светится. А ей, любо тут. Потом, как солнышко сядет за деревья, она и разденется до рубахи исподней, да в воду идет тихонечко. А вода прямо туманом, как парное молоко, теплая, ее встречает. Будто, заждалась водица, свою царицу. Глянула, как-то Марьяна, себе под ноги, а вода-то прозрачная, и увидела, что блеснуло что-то, перед ногою. Она наклонилась, чтобы разглядеть получше, рукой в воде пошарила, и достала колечко серебряное. А в колечке, жемчужина розовая оправлена. Удивилась Марьяна, такой находке и обрадовалась. Стала думать, кто колечко-то обронил? Вроде, как и некому. Нет в деревне, такого, ни у кого. Если б, давно кто потерял, так вода бы илом, да песком занесла, а тут на виду, на мели лежало. Не удержалась, померила. По пальчикам прошла, колечком-то. В аккурат, на безымянный палец, правой руки кольцо и подошло. Поплавала в пруду, да уже, и раздеться хотела, чтоб рубашку прополоснуть. Глянула, а на берегу, у ее одежды, парень сидит. Испугалась Марьяна, незнакомый человек-то, не деревенский. А он, поднялся и пошел прочь.

Так, некоторое время и продолжалось. Потом парень-то, ее по дороге домой, догнал, и говорит:

– Ты, Марьяна, меня не бойся, я тебе худого не сделаю. Повстречаемся, да о жизни поговорим, пока не привыкнешь.

Смотрит Марьяна, а у него на правой руке, на безымянном пальце, такое же кольцо, как у нее. Поняла она, откуда колечко образовалось, снять хотела, да не вышло. А он опять говорит:

– Снять - то, всегда успеешь, а вот одеть снова, сумеешь ли?

И ушел не оборачиваясь. Всю ночь Марьяна спать не могла. Все перед глазами, парень стоял, незнакомец чудной. А сердечко, так и стучало.

– Будь что будет!-

Подумала Марьяна. Но никому, о парне-то, сказать не посмела, даже и матери. И странно было, то, что колечка на пальце у нее, будто бы, никто и не видел. Одна она им любитесь. Мать-то, рядом сидит день-деньской, на руки смотрит на Марьянины, а кольца, для нее, будто и нет вовсе.

Отец Марьяны, утонул на Волге реке. Туда, уезжали мужики деревенские, по рыбу царскую. Надо было, от каждой-то деревеньки, какой-то оброк снести, для царских, да для княжецких утех.

Все вернулись, кто на Волгу поехал, тогда. Только, мужа, Ульяна, так и не дождалась. Марьянка, едва ходить научилась, на ту пору. Погоревали, поплакали в

деревушке-то, да, че, слезами горе не утешить. Улюшка, мать-то Марьяны, так черного платка и не сняла с себя. Хоть и не нашли, тела-то мужнина, но душу-то не обманешь, знала, что нет его, в живых.

3.

Марьяна, не больно-то любила веселья всякие, да празднества. Все больше за работой, да за размышлениями время проводила. Цельный день, узор для вышивания выдумывает, а потом скорее вышить старается. И рубашечки у нее, все вышивками узорчатыми по вышиты, и рушники, дома тоже, все красотой приукрашены. Вот и коровку божью рассматривает, а сама думает, как бы вышить ее шелком, да так, чтоб, как живая была. И рыбок в воде разглядывает, и водоросли всякие, чтоб потом в узор вышивки вплести. Потому, с ей, и не водились, девки-то деревенские, что не по уму им, ее заботы. Будто чуток, недоумочек она, для них казалась. А парням-то что, кому любя, так прибивались, а кому нет, стороной обходили. Но, не выбрала она, еще ни из тех, что ей кланялись, и не из тех, что стороной обходили. Сама по себе и ни кто пока не нужен ей был, ни муж любимый, ни друг любезный. Только в пруду утеху и находила. Сперва- то, поплавает она,

пока светло, да солнышко освещает, а потом рубашку с себя снимет, да хорошо ее прополощет, в чистой воде и выжмет насухо. Выходила из воды уже по темну, да и одевалась тогда, в сухое. Солнце как сядет, уже, на свежем-то воздухе, холодновато приходится. Это пока в воде, оно тепло, да сладостно. Вода, за день нагреется, почти до утра теплая стоит в пруду. Тихо пар от нее струится, рыба в темноте плещется. Да не только, чтоб искупаться, да узоры чудные присмотреть, приходила на пруд Марьяна. Встречи с парнем чудным, ее привлекали и манили. Встречались они, после заката, и до самой утренней зари, не могли наговориться да натешиться. Понимала Марьяна, что не из людей он, да ничего поделаться с собой не могла.

– Давай, Марьяна, я тебе свое царство покажу! Не бойся, тебе у меня хорошо будет!

– Да и не боюсь, я! Только, вернемся ли мы, к утренней зоре? Не вернусь, мамка ругать будет.

– Вернешься, не далеко пойдем, рядом с домом будем.

– Ты тогда, хоть имя свое скажи, да о себе расскажи, чей ты, откуда родом?

– Родом я, из вашей деревни, да не из этих мест. О себе рассказывать нечего, сама все видишь. А зовут меня, не знаю как, кроме тебя, меня и позвать некому. Небыло, вокруг меня, таких говорливых, чтоб звать, начали.

– Все загадки загадываешь! А как же ты, разговаривать научился, если поговорить, не с кем было, кроме меня?

– Так с тобой и научился! Когда любишь, все сможешь! Вот поэтому, и зову тебя. Испытать хочу, любишь ли? Если любишь, примешь все, как есть, и все сумеешь преодолеть. Ну как, согласна?

– Согласна!

Приласкал ее, да приголубил, да словами сладкими приманил, паренек-то этот, житель мира запрудного. В деревне-то, все знали, о его существовании, и говорили шепоточком, о его делах, да проказах. Хотя, и не больно он проказничал. И воду в пруду в чистоте содержал, зацвести, да ряской затянуться не давал. И рыбы по весне, столько под лед пригонял, что прорубь руби, да через два аршина другую, делай во льду желоб, и качай рыбу лопатой вместе с водой. Какой хозяин ушлый, так по восемь мешков за день накачивал. А как все, ко времени приходилось! По весне-то и картоха заканчивалась, и все припасы уже на исход уходили, а тут рыба свежая, ешь не подавись, сколько душе надобно. Бывало, конечно, не без этого, что бабенку, какую за подол в глубину потащит, или бычка унесет с водопоя, по лету. Но что сделаешь, так уж повелось. Самое-то главное, рта не разевать, да осторожнее быть. А коли зазеваешься, то кто тебе виноват. Судьба такая! Одним-то бычком, деревню не накормишь, а тут за бычка-то,

вся деревня, и жарит, и варит, и солит. Рыба конечно пустяшная, пескарь, гольян, да карась. Но, для пустого брюха, лучше и не бывает. Стали, бабы-то Ульяне, за дочку говорить:

– Ты смотри, Уля, как бы потом, плакать не пришлось. Марьяна, на пруд по ночам, зачастила! Не ровен час, беды бы, не приключилось. И потонуть может, и парни ухари, еще те, подкараулят, да и надругаются. Что ж, девка-то у тебя, сама по себе гуляет! Все в ее годах, уже по парам разбились, всякий себе, да по себе и выбрал. А она, все мордой крутит, смотри, как бы, не докрутилась!-

А Ульяна, хоть и переживала, за дочку-то, но в обиду давать, тоже не хотела.

– За своими дочками, глядите, а моя дочь, уж как-нибудь, и без ваших забот обернется!

Хотелось ей, с Марьяной, поговорить, постращать, но как посмотрит на нее, так все слова и застрянут там, где родились. Смирная у нее дочка была, исполнительная. Все что не скажешь, все, без оговорок и исполнит. Как тут, с приказами полезешь? И стала она, за Марьяной, на пруд ходить. Видит, что девушка ушла, и сама за ней сзади поплетется, да в кустах и спрячется. Понаблюдает за ней до потемок, да и придет домой, пораньше ее. Будто бы дома была, да пряжу пряла. Так лето-то и прокараулила. А дочка, все с пруда, траву какую-то приносила. Похоже, как водоросли, сушила, да

выминала, да трепала по вечерам. Потом, пряжу пряла, из этой травки, тонкую как ниточка шелкова. Зимой, Марьяна, все узоры вышивала, да салфетки для барей, из этой пряжи ткала, да плела. А после Рождества-то, заметила Ульяна, что доченька, у ее, толстовата, вроде бы как, в животе-то стала. По-тихому, спрашивать начала, без ругани, да слез. Ну и рассказала, Марьяна, всю правду-истину, про любовь свою несчастную, к человеку водяному, не нашему. Что красив он, как зорюшка ясная, и что нежен он, как пух лебедя, и что верен ей, как солнце небу. Поплакали они двое, мать с дочерью, да и стали ждать потомства.

До весны дождались, и родился у них, малец. По соседям, ничего не говорили, не знали люди, наверное, а так только, догадывались, да высчитывали, от кого Марьянка родить могла, если ни с кем в деревне, не якшалась. Был один парень, вроде как, на себя, грех хотел взять, чтоб не марали Марьяну, словами-то пакостными. Да не поверил ему никто, рожей, мол, не вышел, чтоб такую девуку, покорить.

Внучонок у Ульяны красивым, да здоровеньким родился. Да только, вместо ножек у мальчика, хвост рыбий, оказался. Чешуи, врать не буду, не было. Умывалась, Марьяна с матерью, горячими слезами, и утром, и вечером, и весь день-деньской. Не знали, что и делать, с таким вот случаем. К попу понесли, чтоб окрестил, да имя дал. Поп-то пока молитвы читал, да все, что надо

делал, а как дошло до того, чтоб в купель дитя опускать, чуть не бросил ребенка-то на пол церкви, увидев у него, хвост рыбий, вместо ног. На крещение отказ дал. И Марьяну, анафеме предал. С нежитью, в связи, обвинил. Так что, и Ульяне, в церковь-то теперь, дорога была заказана. А малец, рос как грибок-боровичок. К лету, уже и пузыри из слюней пускать начал, и улыбался всем, и радостным был. Марьянка, души в нем не чаяла. Да только, как воду в пруду солнышко согрело, она снова, там, пропадать начала. Как с вечера и до утречка. Возьмет парнишечку своего, уйдет к пруду, и про мать родную, позабудет. Так раз ушла и не вернулась. Мать-то, забеспокоилась, еще по ночи, и соседей сзывать начала, что Марьяны с мальцом, дома нету. По утру, следочки-то, Марьянины, прямо к пруду, и высчитали. Платье на берегу, а рубашка исподняя, на ней видно была. Искали ее, и сетями весь пруд проходили, и неводами, и баграми. И ждали, пождали, что если, всплывет она, или малец. Но все попусту.

4.

Семь лет прошло, Ульяна, все глаза выплакала. В церковь, ее допускать начали. Молилась и раскаивалась она, перед Богородицей, подолгу, на коленях стояла. И объявилась, Марьянка-то! И парнишечка с ней вместе, на ножках своих пришел. Подарков всяких Ульяне, принесли. Велела Марьянка матери, избушку свою

продать, да с ней собираться. Но Ульяна не согласилась, из деревни уйти.

– Тут я родилась, тут и помирать буду! Как я, жизнь, проживши, на чужие хлеба, да на новое место, уйду? И не проси, Марьянушка, не будет уже, по твоему!

Погостила Марьяна, всего два дня. Обещала матери, через семь лет, прийти. Раньше, мол, дороги мне сюда, не будет.

А Ульяна и рада радешенька, хоть через столько лет, да живая, пришла Марьяна, и внучонка привела, показать. Но люди- то, они завсегда, пакостью набиты. Решили проследить за Марьяной, куда, она с мальцом, пойдет. Как пришла-то, не заметили, увидели, что по улице идет, а откуда появилась, неизвестно. Ну, Марьяна-то, за околицу вышла, сына за руку держит, а любопытные, за овином спрятались и смотрят, куда она дальше, наладится. Только, налетел вихрь и запорошил все глаза, деревенским гляделкам. Пока глаза протирали, да отплевывались, Марьяны, на дороге и не оказалось. Приходили бабы, к Ульяне, спрашивали, что дочка-то рассказывала, как живет, да где обитает? А ей и сказать нечего. Не говорила дочка, ни о том, как живет, и ни слова, где обитает.

– Сказала только, что все у нее хорошо и что отец ее, вместе с ней живет, да внуков нянчит.

Пожалела Ульяна, что не пошла с дочкой. Опять люди-то, ее сторониться начали. То, что наработает,

ни кто, брать не хочет. Пришлось ей бедствовать, да горе мыкать. Одной куковать в старости, тяжело. Но, назад не воротишь, семь лет- не срок, ждать стала. Появилась Марьяна, через семь-то лет, день в день, и час в час. На руках у нее, дочка маленькая, красоты не писанной. А сама Марьяна, будто и не прошло семи лет, как была, такой и осталась. Одежды на ней, как и в прошлый раз, барские. Перстнями все пальчики разукрашены, бусы коралловые на шее переливаются. Серьги золотые, с розовыми жемчужинами. А Ульяна, уже и котомку собрала. Два дня, как в прошлый раз, побыла Марьяна, в родном доме, да и в путь собираться стала. Вышли они за околицу, и Марьяна рукой только махнула. Из-за леса, тройка лошадей, в коляску запряженная, выехала. Кони буланые, гривы по ветру развеваются. Села Марьяна с матерью и ребенком в коляску, и понеслась тройка. Деревенские-то людишки, только пыль столбом и увидели. Долго говорили, да судачили, куда Марьянка, могла, мать –то свою увезти? Не уж то, к себе, в царство подводное? А кто и говорит, что живут люди-то в воде, за милую душу! Это нам, земным, все это чудным кажется. А с другой стороны, как поглядеть, Все быть может!

Позабыли бы, может, и про Ульяну и про Марьянку, если б не пришла посылка по весне, с кружевными рушниками, да с рубашками вышитыми шелками. Привез посылку, мужик на лошади, и всем раздал,

и всем хватило. От Марьяны, сказал, подарочек. Чтоб, лихом не поминали. Кто, одел сразу, а кто и побрезговал, а кто, в сундук, для больших праздников, приберег.

Если, вдруг, вы в Твери будете, то обязательно зайдете, в музей народного творчества. Там, Марьянины вышивки, да кружева, до сих пор живут. И люди, диву даются, красоты такой, с тех пор, никто сотворить не может.

К И Х У

1.

В былые-то времена, людишки, зело как, нежить уважали! И от отела коровы, первое молоко, как стоят, молозиво, так, пока не остытое, первый-то кусочек, за- всегда дворовому хозяину несут. Да бегом, чтоб соседи не прикосили. Вот и молочка-то, не перепить было. Детей полны хоромы, а одна коровенка, всех прокармливала, сама к весне на ногах ужо и стоять не могла, от недоеда, а для человеков, что ни на есть, последнее издыхание, отдать была готова. Все тело свое, на молоко, и на творог, и на сметану, да на масло, за зиму переводила. По весне на выгон идет, шатается, с травкой молодой аж землю загрызает, но молока человеку без жалости отдает.

А ежели, боровка, забьют, или другу какую скотинешку, то опять же, первую-то чашку,

хоть с осердием, хоть со студнем, все хозяину дворовому, на пробу, да на смягчение характера, несут. И что было-то? Скотина, завсегда у таких людишек, водилась. И приплод бывал, что не по единому, даже и коровки приносили. А поросят, в другу рядь, и пересчитать не могли, хоть писаря зови, для пересчета. Так и с птицей, что курочку, что гусей или уток, завсегда первое-то яичко, от молодки, для хозяина хлева, бывало. Так, что во всем, от чего жизнь человечья была зависима, все к нежити люди, за подмогой и прибегали. Да и нежить не скупилась, для доброго человека, добром и оплачивалось. Господу Богу, молились усердно, конечно, и в церковь справно ходили, посты соблюдали, кто, как мог, да попов тоже прикармливали. Но нежить-то, в отличие от попа, завсегда рядом была. Баба-то, коровенку доит, а хозяин смотрит, как она вымя у коровы обиходила, хорошо ли промыла, да насухо ли вытерла. Ежели, что не по ему, так мигом плюнет в подойник-то. Молоко, ежели, не прогоркнет сразу, что и пить нельзя будет, так прокиснет к вечеру, да и брюхо, после этого молока болит, спасу нет. Вот она, где дишциплина-то зарождалась! А у нерадивых хозяек, все прахом шло, не от лени, а от того, как хозяина дворового уважает.

И на покос, за неделю ходить начинали, добрые-то люди. Придут, чашку молочка поставят, для лугового хозяина. Чуток, пару раз, косой махнут, и домой, чтоб никто не видал. Так с неделю походят, а как увидят,

что чашка пуста, да чиста, тут и коси-успевай. Сено будет и сытное, и душистое, здоровое сено. А кто не задобрит, так и накосит себе беды. Сена много будет, скотина жрет, а поправы никакой. Сплошной понос всю зиму, и приплод слабый, да и неживучий вовсе. От нежити-то, и добро шло, и беда наваливалась. Иные и сейчас, поразводят скота не меряно, горбатятся на него не покладая рук, а толку никакого. Не с поголовья дело-то начинается, а с дворового. Умаслишь его, да к себе своим уважением повернешь, так и горб не надо до кровавого пота ломить, все по-хорошему будет плодиться и вестись. Отошли сейчас люди, от своего начала, все свободы, да независимости хотят, а где они ее видели свободу-то? Это ж все условности, только в другом свете, да в другое время. Стал человек, все больше умом, да хитростью зарабатывать, друг дружку обдуривать. Да и пусть, как может, но про нежить-то зря забыл. Заработать-то зарабатывает, а попользоваться добром-то, ему уже не дадут, только слезами умоется, да жалостью к самому себе, охолонется. Так и по домам-то сейчас идет, и по работам всяким, да по бизнесам. Денег-то сорвут, незнамо откуда, что и не пересчитать у скольких детей, изо рта кусок хлеба вынули, да скорее по курортам, да по заграницам кидаются. Ну и что это получается? Кому, эти дикие-то деньжищи, счастье приносили? Потом, по времени-то, раками эти богачи, заедаться начали. Пока человек беден, да честен, и живет себе, никакие раки,

его и трогать не хотят. Нежить-то, вокруг него обсиживает, да беду отмахивает. А как нежить от себя отворотят, вот она! Несыть, тута и приспособится! По началу-то, че нибудь маленько зацепит, для острастки, а коли видит, что человеке, не хочет разуместь ее предупреждение, ну и получай тогда, по полной норме. Защищать, никто не берется, а на врачей надежды мало. Те тоже, все по карманам бумажками зелененькими шелестеть привадились. Подумать бы сейчас, да и повернуть вспять беду-то, пока еще не поздно пришло.

2.

Киху-то, в те времена, когда нежить уважали, у бабки одной жил. Она, дюже крепко, всякую болячку сводить могла. И она, его благодарить не забывала, и он, Киху-то, ей завсегда помощником был. Приведут, бывало девку, уж и заневестится скоро должна, а мочу в себе держать не может. Как тебе дите малое. Это, от того бывает, что мать ее, когда на сносях была, кто-то матерным словом, с сердцах, обозвал. Вот, теперь дитятко и мается. Посадит бабка девчушку у огня, да и ноги на расшиперку ей поставит. А сама, сразу в свои тайные закрома идет, да камушек мандячий берет, да над свечкой его подержит и читает в голос на огонь, да на камень.

-«Камень-Камень! Пошли с себя пламень, на поссыкуху, гнилуху, да на женскую поруху.

Снеси гнилье, снеси ссанье, да ночное забытье, на свою криницу в чистую водицу. Тфу, тфу –забытье! Тфу, тфу – капать! Тфу, тфу- поссыкухи, гнилухи, женские порухи! - И быстро камень от свечи, да к причинному месту девчушки. Та, только взвизгнет! А бабка уж и мазью ей все намажет, ежели чуток прижглось, камнем-то. Вот все и лекарство. Что камень-то, только найти надо, чтоб точно женскую штуку, видом своим имел. А уж слова-то, ежели бабка призабудет, так Киху, тут сразу ей в ушко и подскажет. Камешек-то такой, от бабок внучкам передают, да чужим рукам его брать не велено. Вся-то и премудрость тут!

А уж от девок, да баб, и вовсе отбоя не было. Припрется, бывало, уж по темну, чтобы никто не увидал, что к бабке-то ходила. И сметаны кринку принесет, и яичек с дюжину, и сала шматок, да и плачет, бабку уговаривает, чтобы милого дружка к ней приворотила, или мужа к детям от соперницы-полюбовницы, вернула. Но бабка, сперва разберется, что там к чему, и карты разложит и вопросы расспросит, и думать станет долго, угольки в печи переберет. Ну а потом, или ухватом погонит из дому, если кто на чужого мужа, пришел мороку навести. Или, ужо помочь, согласится, коли для блага семейного, для детей, отца что бы вернуть. Ну, и если от любви, девка, сгореть может, любит так, что терпежу никакого нет. Тогда уж, и печь снова затапливает, да осиновые полешки подкладывает и начинает просьбу свою, на огонь выговаривать. Лопату поддоную, к спине приставит и читает. А Киху, тут как тут, вьется, если девка или баба, ему не по нраву придется, или сала мало принесла, что было у нее, да пожадничала на благое дело.

Тут он, уж обязательно все дело и испортит. И слова из заговора закусит, что бабка забыла, или огонь разметет по печи. Одно слово – пакость! Бабка читает, а он, через плечо ей нашептывает, с тямю сбивает. А то и вовсе, слово заглотит.

– Вставала девица красная, да после заката солнышка, брела по полю темному, да по доли скорбному, доходила до белых березонек, до осинової рощицы, да до дуба столетника. Несла, красна девица в белых рученьках, печаль свою неумную, по молодцу доброму Свет-Анрюшеньке. На дубу печаль свою саживала, да птице-сычу прилаживала.- Понеси, ты сын, птица скорбная, печаль мою к добру молодцу. Нашепчи ему в сонные уши, да своим, поганым языком. Чтоб не знал, он, покоя и роздыха, чтоб по мне, рабе, скорбел да печалился. Не болел чтоб и не поправился. Сох, да не высыхал, дох, да не умирал. Пока не придет, не поклонится, к ножкам белым моим не притронется. Ключом слова запираю, в океан-море бросаю, возьми кит-рыба. Аминь.

Киху, шипко баловитый, в те времена был. Ну, молодой, неразумный. То, бабке, подол, в дверях прищемит, а у нее, полны руки, поленьев для печи. То, в печи огонь засыт, вечером, что бабка до утра в тулупе сидит, да разжечь не может. То, в питьевую воду воробьят накидает, а того хуже, и мышат, бабка воду допивать, а там - подарок! Уж она его, и потчевала всем, чем только могла, и уговаривала, и ругала, и стыдила. А ему, хоть бы что! Задумает пакость какую, обязательно сотворит. Веселья ему хотелось, вот и тешился над старухой, как только башка надумает. Не раз и вовсе, до слез доводил. Она-то плачет, от досады, что ничего с ним,

окаянным, поделать не может, а ему, хоть бы что! Заехал как-то сродственник бабки, попроведовать ее, да привет с гостинцами передать, от сестры. Она и пожалилась, на свое, такое вот обидное житье. Склали они, бабкины-то манатки, да и увез ее сродственник, на дальний край деревни, к ее младшей сестре. Ну, бабка-то, от обиды, Киху с собой и не позвала. В избушке одного, пакостника, и оставила.

С перву-то, Киху, рад радешенек был. Что сам хозяин в доме, он теперь остался, а потом и прискучило, сидеть-то одному. Мимо бабкиной избушки дорога была, люди по воду на реку ходили. Кто на лошади, на дровенках, да с кадкой. Кто с ведрами на коромысле, а кто просто с санками, да с лоханью. Вот Киху и пристроился, над людьми - то, изгаляться. То, лошаденке подкову на ходу сорвет, она спотыкнется и завалится, вся и вода на нее, да на возницу, а ведь зима, не лето. То, молодухе, в ведра голышей лошадиных закинет, она пока углядит, а уж больше чем, полдороги прошла. Надо воду выливать, да назад к прорубе идти. А он и вдругорядь, то же мастрычит. Ну, до весны-то и поняли, чьих тут рук, дело. Все беды-то, прямо против заброшенной бабкиной избушки, происходили. Запалили избушку, да и дело с концом. Вот тут, Киху и закручинился. Как нежить без дому, да без угла, немоготу ему это. Но ничего, много лет еще, на том месте, так и мытарился. Все подвывал на пепелище-то, да если кто припозднится, попугивал. Пару мужиков, по пьяному делу, приморозил. Но потом, перемены пошли великие. Стройки агромадные. Деревушка-то, уже с городом срастаться начала. Построили на том месте, где бабкина избушка сгоретая была,

дом в пять этажей. Вот для Киху, радости-то было! А чему радовался и сам не знал. В хозяева-то, его позвать должны были. Да вот, не звал никто. Что постарше люди, своих домовых, по привозили. А те, домовые-то, близко к квартире не подпускали Киху. Не домовитый он совсем, вот и не принимали, за своего. А кто из людей, молодежь заселилась, так им, домовые как-то, ни к чему были. Вот и крутился Киху, по всем пяти этажам, как неприкаянный, но место, все-таки, себе сам выбрал. В подвале. В аккурат, на том месте, где бабкина избушка и стояла. Порядки, там свои навел, да и зажил, как хотел. Днем-то, отдыхал себе, на теплой трубе, еже ли горячо было, так тряпья на трубу накладывал. По ночам, Киху, по квартирам похаживал, только по тем, где своего домового не было. Если на кухне, у кого посуда грязная оставалась на ночь, так он, там, и мушиных опарышей подложит, и в мусорном ведре вонь разведет. Так, чтоб хозяева по утру, себя радостными не чувствовали, а до тошноты уборкой занялись. А, еже ли, кто в кастрюле суп оставит, или чай в кружке, или воду, да крышкой не прикроет, так он и руки там помоеет, и ноги прополощет, да и наплюет туда, что б потом живот у хозяев-то, болел, да понос замучил. Дом большой, работы на всю ночь хватало. Где, детишек попугает, где, пьяного с лестницы подтолкнет, а потом сам и поймает, чтоб не убился. Так и жил, пока квартиранты к нему не подселились. Ушел он, с вечера, по дому «порядки» наводить, а к утру возвратился, а на его лежаночке, двое детей приспособились. Девчонка лет одиннадцати, да мальчик, лет девяти. Обозлился Киху, но делать нечего, пришлось себе другой лежачек соорудить.

Благо, что места много. Утром, ему спать надо, а детишки проснулись. Малец, кушать просит, девчонка его уговаривает, чтобы потерпел. Потом, вроде уgomонились, да ни надолго.

– А правда, Анюта, что Генка говорит, что теперь вошей, дустом травят? Говорит, что вошь поймашь и полный рот, ей дуста насыплешь, она идохнет?

– Да врет он, все! Как можно, воше, в рот дуста насыпать? Ты вот гляди, какая она маленькая! Разве рот у нее, видать?

– Так он говорит, что воши, и большие, бывают!

– Ну, у него, может быть и бывают! Пусть, он своих вошей, дустом и кормит, а мы с тобой, их ногтями, придавил, вот и все!

– Анюта, ну я есть хочу! Ты уже мне, всю голову на сто раз прошла, хватит искать вошей, лучше пойдй, поесть что-нибудь, найди, а?

– Ну, рано еще, люди спят, ни кто еще мусора не выносил. Потерпи чуток, Митька. Что там сейчас, по пустым бакам лазать!

– А ты не могла, мне хоть корочку, на утро оставить?

– Так сам бы и оставлял! Сlopал, а я виновата!

Дети, перепирались еще некоторое время, потом ушли. А Киху начал думать, как ему от них, избавиться. Ничего путного, придумать не смог, пришлось потерпеть. К его радости, детей, через некоторое время, забрали. Приехала машина, и какие-то люди, с блестящими пуговицами на одежде, увели из подвала детей. Киху, сразу перебрался на свое законное, как ему казалось, место. Но опять, не долго, он поцарствовал. Как-то, зашел в подвал мужчина,

сильно пахнувший спиртным. И облюбовал, для себя, то место, которое Киху, считал своим. Киху, был взбешен, он решил бороться с квартирантом, до конца! Пока тот спал, он проковырял в трубе небольшую дырку, и мужчину, неожиданно, окатило кипятком из трубы. Мужик ушел, а подвал медленно стал наполняться горячей водой. Приехали какие-то люди, и быстро починили испорченную Кихой, трубу. Но это, помогло только на два дня. Мужик снова пришел, и принес с собой картонный ящик, поставил на него бутылку вина. После второго стакана, мужик заметил Киху.

– Ты проходи к столу, что в угол-то, забился! Знаешь, друг, как мне не хватает общения, с умными людьми! Ты вот умный человек, ты меня поймешь, и все рассудишь, как следует! Я, специалист высшей категории, меня люди уважают и любят, некоторые. Но почему так получается, что самые лучшие люди, такие как я, никогда не любимы тещами? То есть, ближайшими родственниками женья? Вот как ты думаешь?

– Да, я полностью согласен! Потому что, завидуют!

Киху, надоело слушать этого бедолагу, и он оставил свое обжитое место, ему.

3.

А вы, никогда, не видели, у себя в квартире или в доме, лицо на обоях? А на помятой занавеске? Может быть, на обивке дивана, или в солнечных бликах на полировке шкафа? Если видели, то не сомневайтесь, с вами живет Киху! Он, может, веками не проявлять себя, действиями, не участвовать в вашей жизни. Но, только, если он оживает, то в вашей жизни, возможно, могут

произойти, самые невероятные события. Он изменит, вашу серую жизнь, на яркую, с головокружительными взлетами и падениями. Но, своему желанию и усмотрению. Не спросит, вашего на то, согласия. А может, вполне довольных своей жизнью и положением в обществе, людей, опустить в самую, что ни на есть помойную яму. Значит, так он посчитал, нужным. Того, в его понимании, стоят эти люди. Многие знаменитые и богатые до умопомрачения, люди, заканчивают свою жизнь в нищете и лишениях, в полном забвении, своей былой славы. Великие, своим умом и познаниями в различных сферах науки, оказываются в психиатричках, и хоронят их, в безымянных могилах. Это Киху, расставляет все точки над - И. Его не надо бояться, его просто надо воспринимать так, как он есть. Чем больше его уважаешь, тем больше от него, доброй помощи. Но мы люди, мы привыкли уважать за что-то, а не просто, за здорово живешь. Киху, этого не понять. Он, это он. Все должно крутиться вокруг него, а никак не он, вокруг кого-то. Если Киху закрутился вокруг кого-то, жди беды. Киху, с хорошим делом, не крутится. Не в его это правилах, добро делать.

4.

Первое, чем он, обнаружил сам себя, было окно. Оно было слева и свет, падающий от него, освещал все, что находилось вокруг. Окно, на две створки, одна, сверху которой находилась форточка,

была зафиксирована гвоздем и поэтому не открывалась. Вторая створка, была открыта и с улицы доносились детские голоса и далекий шум машин. Сдвинутая, на одну сторону, тюлевая занавеска была желтовато-серого цвета. Напротив, ближе к окну, стоял сервант, на его застекленных полках, пара статуэток. Орел, держащий в лапах змею, который по ночам, мерцал зеленоватым фосфорным светом, и балерина, застывшая на одной ноге. Два десятка книг, в запыленных переплетах. Наверху серванта, стояла пустая ваза фиолетового цвета, в ожидании цветов. Рядом с сервантом, стул, на котором лежали какие-то тряпки, и уже совсем у двери, тумбочка. Стена от двери была пуста, и в углу стоял холодильник «Бирюса», потом табуретка, рядом стол, одновременно и кухонный, и обеденный, за ним, газовая плита, и еще две табуретки. Стены были оклеены обоями, синие васильки перемежались с зелеными листьями. Это была кухня и, видимо не очень богатых и судя по запаху, людей пьющих. Киху, образовался из стены, между столом и холодильником, и в первую очередь, попытался открыть холодильник. Надо было проверить, нельзя ли там, обосноваться окончательно. Холодильник, был почти пуст, но, неуютен. Даже и тряпку, помягче, туда не постелешь, и свет там, загорался сам по себе. Не дело. Так и решил пока пожить в пятне на стене, а там видно будет.

Пока Киху определялся, вошел мужчина и сел на табурет напротив. Нагнувшись, достал из холодильника тарелку с какой-то едой. Открыл бутылку, принесенную с собой, и налил в стопку, стоящую на столе, какую-то жидкость. Выпил, и, не закусывая, налил еще. Потом, стал внимательно вглядываться в стену. Может быть, его заинтересовал рисунок на обоях, или он вдруг, открыл для себя, что-то новое в этом рисунке? Подняв стопку, он протянул руку и чокнулся стопкой со стеной, вернее сказать, прямо со лбом Киху. Капли жидкости выплеснулись на обои и начали растекаться вниз, у Киху защипало глаза. Мужчина встал, пошатываясь, и пока он дотянулся до нужного ему места, обои слегка уже пропитались жидкостью из стопки, он протер рукавом облитое место. На стене, еще ярче проявилось, чье-то лицо. Было неясно, женское это лицо или мужское, но доброта, сквозившая от него, притягивала взгляд. Мужчина потрогал лицо рукой, лицо слегка отодвинулось и показало мужику язык.

— Крандец! - Сказал мужик, тоже высовывая свой язык и показывая лицу.

— Допился до белки! Как хреново! Надо бы скорую вызвать, что ли? — Спросил мужик у лица. Лицо скорчило рожу и пропало между жирных пятен на обоях. Стукнула входная дверь и на кухню забежал малыш. Он быстро забрался на табурет, и, посмотрев на стену, ткнул пальцем в вновь проявившееся лицо, сказал:

— Киху!

Потом, маленькими ладошками, прикрыл щеки лица на стене, и поцеловал его, сначала в лоб, потом в нос, и потом в губы. Мужик, с завистью посмотрел на стену. Малыш прыгнул с табурета и пробежал мимо мужчины, как мимо пустого места, в другую комнату. Будто бы забыв, о том, что мужчина, сидящий за столом, его отец. Будто бы Киху, его старый друг, и он просто, поприветствовал его, таким образом.

- Я- Киху!- Подумало лицо.

— У меня, теперь, есть сын! Он, меня поцеловал, значит, мой сын меня любит!-

Лицо, вновь почувствовало, что у него есть руки, и ноги, и туловище. Киху, осторожно сполз со стены, и сел на табурет, на котором только что, сидел малыш. Лицо осталось на стене, и он начал изучать его. Ничего оно ему не напомнило. Мужчина, мирно допивавший, в это время свою бутылку, встал и направился из кухни. Киху, быстро облил сзади штаны мужчины, от опушки до самых носков, и, злорадствуя, отправился следом. Он, был невидим для взрослого человека. Большой серый кот, вошедший на кухню между ног, выходящего из кухни мужчины, сощутив свои круглые глаза, посмотрел на Киху, но враждебности не проявил. Ему не впервой такие встречи, поэтому он относился к ним спокойно, без паники, в отличие от молодых котят. Потом, нагло прыгнул на табурет, на котором до этого,

сидел мужчина, и выпустив когти, громко замурлыкал. Киху, понимал, что с котом, надо подружиться, любой ценой. Потому что кот, это первое лицо в доме, после хозяина. Характер у кота был, не очень хорошим, поэтому, Киху, решил не торопить события. Мужчина прошел в комнату, и прямо мокрым задом, уселся на постель. Молодая женщина, в это время, переодевала малыша, и вдруг почувствовала резкий неприятный запах. Она повернулась к мужчине и вопросительно на него посмотрела, потом на лужу, растекавшуюся от постели. Киху, быстро ускользнул обратно на кухню. Через некоторое время, из за двери, раздались женские крики, и плачь ребенка. Мальчика, кто-то впихнул, на кухню, и плотно прикрыл дверь. Малыш размазал по щекам слезы, глубоко вздохнул, и подошел к окну. Окно, для него, было высоко. Он заглядывал в него, наступая на батарею отопления, было неудобно, и малыш пододвинул к окну табурет. Кот, тоже перепрыгнул на подоконник, пройдя прямо по столу. Сел и призывно мурлыча, стал умывать мордочку лапкой, как бы, зовя малыша, своими жестами. Забравшись на табурет, с помощью все той же батареи, малыш встал на подоконник, кот спрыгнул на пол, потому, что места для двоих, на подоконнике, было мало. Малыш, придерживаясь рукой за ручку рамы, посмотрел вниз из окна, потом посмотрел на пол кухни.

Заметив в углу небольшой мячик, он быстро спустился с подоконника, и, взяв в руки мячик, снова направился к окну. Он не мог, удержать мячик одной рукой, и, положив его на подоконник, залез сам. Взял мяч и начал пытаться, бросить его вниз. Киху, мигом очутился на подоконнике и толкнул малыша в грудь, так, чтобы мальчик упал с подоконника на табурет, а потом, вместе с перевернутым табуретом на пол. Больно ударившись головой об пол, несколько секунд малыш молчал, потом заплакал громко и жалобно. На шум и крик, вбежала молодая женщина. Успокаивая, подняла малыша с пола. Она даже не подумала, что мальчик, мог выпасть из окна. Она думала, что он упал с табурета. Мальчик подбежал к столу, и, показывая на лицо на стене, говорил:

— Киху, меня а, а!- и показывал себе на грудь. Очевидно, пытаюсь пожаловаться, что его толкнули и обидели.

— Ну, ты и жук! Мало того, что свалился, так еще и обвинить кого-то хочешь! Пойдем, сейчас умоемся и ляжем в кроватку.

Мать увела мальчика из кухни.

Киху, был доволен. Даже сам не зная, почему. Все его действия, не были осознанными, все, как бы, спонтанно получилось. И его, переполняло чувство удовлетворенности, самим собой. Это ему нравилось. Кот, напыжился, и преисполненный ненависти, смотрел на Киху, прищуренными глазами с высоты серванта.

Ночью, Киху наблюдал, как тараканиха, спланировала из щели вытяжки на пол кухни, и, по-видимому, нечаянно, выронила свой контейнер с потомством. Бегала вокруг яйца и заламывала свои тоненькие тараканьи лапки. Потом, побежала вдоль плинтуса, и обнаружив там подходящую щель, прибежала довольная, и потащила свое «богатство», к щели. Запихнула его туда, и аккуратно уложив, прикрыла каким-то мусором. Поев на столе крошек, поползла, уже налегке, без яйца, наверх в вытяжку. Киху, было все интересно! Он, тут же законопатил щель так, чтобы потомство тараканихи, осталось там навсегда. Потом поднялся к вытяжке и прошептал бабкин заговор от тараканов:

— Эй, еси! Тараньего царя, зову на битву кровавую, мечом сечь буду, огнем палить буду, водой топить буду! Птица Гагана с острова Буяна на пир прилетит, тараканьего царя, когтями железными рвать станет! Иди сюда, царь тараканий, или уйди отсюда, вместе со своим народом. Эй, еси!

Опять, Киху, остался, доволен собой. Для чего в доме, тараканы? Какая от них, польза?

Со временем, он узнал, что малыша зовут Николка, и что ему, уже третий год. Но, говорит он, почему-то, плоховато, для своего возраста. Это сказала баба Вера, которая является иногда, и всему учит, и всех ругает. Маму Николки, зовут Тамара. Она актриса в кукольном театре и может рассказывать сказки, для малыша, на

разные голоса. Слушать их приятно и интересно. Можно каждый персонаж представлять себе, судя по голосу. Мужчина, который и разбудил, можно сказать, Киху, облив его какой-то животворящей жидкостью, был мужем Тамары. Они вскоре расстались. Причиной, было его беспросветное пьянство, и тунеядство. Так решила баба Вера. С бабой Верой спорить, ни кто не отважится. Так оно, значит, и есть. Ни кто не догадался, что выжил, мужа Тамары из дома – Киху. Он, начал потихоньку доводить мужика, до полного сумасшествия, даже тогда, когда он был совершенно трезв. То, что мужчина оставлял по утрам в унитазе, невероятным образом оказывалось у него в штанах. Тамара визжала и считала, что он издевается над ней, что он провонял весь дом, не только спиртным, но и своими испражнениями. И, что делает он, это нарочно, чтобы она, сошла с ума. Когда мужчина выходил на улицу, то придя домой, он всегда обнаруживал у себя на брюках репей и всякий другой липучий мусор, но уже тогда, когда сидел на кровати и все эта гадость плотно прилипала к покрывалу. Наконец, Тамара не выдержала и указала мужу на дверь.

5.

Киху торжествовал, победа! Теперь, когда дома был, один Николка, с ним, они собирали пирамиды и строили железную дорогу, из пустых спичечных коробков, и еще, Киху, научил мальчика говорить. Правда, за

эти слова, Тамару ругали в детском саду, и другие родители, запретили своим детям играть с Николкой. Но, за то, как, говорил Николка! Чисто, не картавил, подумаешь, слова им, не нравятся! С котом, которого звали Персик, Киху, так и не подружился.

Тамара становилась все грустней и раздражительней. Она, уже не рассказывала перед сном, сыну сказок и все чаще шлепала его. Потом, когда Николка засыпал, потихоньку плакала в подушку. Тамара была красивой, так, по крайней мере, казалось Киху. У нее были вьющиеся от природы волосы и стройная мальчишеская фигура. Когда Тамара плакала, Киху ложился рядом с ней и старался успокоить ее своим присутствием, которое она, вообще не замечала. Но, после его прихода, в постель, успокаивалась быстро и крепко засыпала.

Однажды, Тамара пришла домой пораньше, положила кошелек на тумбочку у кровати, и завертелась перед зеркалом. Достав белье, ушла в ванную. Киху проверил кошелек, в нем были какие-то бумажки, ему вспомнилось, что это деньги. И он положил все на место. Когда Тамара, выйдя из ванной, уже принарядилась и в меру подкрасилась, раздался звонок. Она открыла, не спрашивая, кто пришел, видимо ждала гостя, и он не опоздал. У двери, мялся мужчина с тоненькими усиками, высокий и хорошо одетый. Как-то несмело, предложил Томе цветы, и все никак не мог определиться, где ему снять верхнюю одежду, в прихожей, или пройти

в комнату. Тамара, как-то неестественно смеялась и говорила громче, чем обычно. Было видно, что мужчина ей или сильно нравится, или почти незнаком, и она хочет, произвести на него хорошее впечатление. Наконец, гость разделся в прихожей, и они прошли в комнату. Киху последовал за ними и уселся в уголке, наблюдать. Тамара выпорхнула на кухню, предварительно пододвинув к креслу, журнальный столик. Гость расположился с видом хозяина и начал внимательно изучать обстановку комнаты. Вдруг, в поле его зрения, попал кошелек. Он быстро встал, покосился на дверь, и, прикрывая туловищем обзор, если вдруг войдет Тамара, быстро проверил содержимое кошелька. Взять ничего не успел, потому что, Тамара, напевая на ходу: - Капитан, капитан, улыбнитесь!- Вошла в комнату с подносом в руках. На подносе, стояла десертная тарелочка, с тонко нарезанным лимоном, маленькие коньячные рюмочки и бутылочка пятизвездочного армянского коньяка. Мужчина, неловко развел руками и бросился на помощь даме. Кошелек, он положил точно на то место, где взял. Киху почему-то разволновался. Слишком профессионально, двигался этот усатик. Коньяк, лимон, поднос, все это ерунда. Киху понял, что гостя, теперь больше всего, волнует кошелек, так маняще расположенный на тумбочке. А Тамара, будто здесь приложение, к этому кошельку и все. Гость сел так, чтобы видеть краем глаза, этот кошелек.

А Тамара заливалась соловьем, о работе, о гастролях и ничего не видела вокруг, кроме гадких усов этого человека. Тамара включила магнитофон, и предложила гостю потанцевать. Они, прижались друг к другу, в медленном танце. Киху понял, надо действовать! Он подошел к тумбочке, и, дождавшись, когда пара отвернется в танце, вынул деньги из кошелька, вышел на кухню и положил их на полочку серванта. Свернул листочки от отрывного календаря, и, вернувшись в комнату, положил их в кошелек. Сам, присев в уголок, начал наблюдать за развитием событий. Вскоре, пара устала, посидев еще за столиком, постепенно начала перебираться поближе к постели. Киху видел, как мужчина, ночью, не включая света, переложил содержимое кошелька, в карман своего пиджака, который висел на стуле у кровати. Потом, повернулся к спящей Тамаре и поцеловал ее в щеку. Встал, тихо оделся, и за ним, тихонько щелкнул замок входной двери. Киху вернул деньги в кошелек, и начал представлять, как мужчина, вместо денежных купюр, будет пересчитывать листочки календаря. Киху стало весело! Это было приятное и настолько новое, или совсем забытое чувство, что он вылил воду из вазы с цветами, на пол кухни, и затих, в своем углу дожидаясь утра.

Тамара, встала под трель будильника и сонная, прошла на кухню, чтобы поставить чайник на плиту. Но, босой ногой, наступила в лужу, которую налил Киху.

Она, отступила назад и стала внимательно разглядывать пол. Вроде, было неоткуда взяться воде, посредине кухни.

– Может, Виталий Сергеевич, что-нибудь пролил? – Вдруг вспомнила она о госте. Вернулась в комнату, все было как вчера. Даже неубранная посуда на журнальном столике, оставалась на месте. Кто ж ее уберет, кроме самой Тамары. Она тяжело вздохнула, вспоминая вчерашний вечер. Все было плохо. Болела голова. Не было удовлетворения, ни от общения, ни от выпивки, а до секса и дело не дошло. Виталий Сергеевич уснул, раньше, чем прикоснулся к подушке. Чувство стыда и вины, вдруг захлестнуло Тамару, и она, сев прямо на пол, горько заплакала. Просидев так, минут десять и устав, наконец, себя жалеть, направилась на кухню, чтобы подтереть пол, и поставить чайник на газ. Достала хлебницу и в ожидании, когда закипит вода в чайнике, посмотрела на стену. Там, красовались какие-то жирные пятна и разводы, на обоях.

– Ну, паразит! И здесь все загадил!

Это относилось, к ее бывшему мужу. Намочив тряпку, Тамара, слегка, ее намылила, и решила аккуратненько, попробовать, почистить обои. Присмотревшись к пятнам, она увидела очертание, похожее на чье-то лицо. Будучи человеком творческим, она отошла подальше, и, наклоня голову, то на один бок, то на другой, всматривалась, в это странное лицо на обоях.

– А если подрисовать, кой, какие черточки, то выйдет, совсем не дурной портрет.

Подумала Тамара.

– Ну и зачем мне, неизвестный портрет, тут вот, над кухонным столом?

Тамара, взяла тряпку и провела ей, по лицу на стене. Лицо проявилось ярче. Проступили выразительные глаза, которые смотрели, с легким с укором, и в то же время, вопросительно. Рука у Томи, задрожала. Она, снова отступила назад и посмотрела на стену.

– Может, оставить как есть? Кто, ко мне ходит-то? Да и пусть смотрят, если что, не грязь же это, а так, пусть будет абстракция! – Лицо на стене, как показалось Тамаре, стало веселее.

– Николка, у бабы Веры, пока температурит, а мне веселей будет, вроде бы и не одна дома!

Тамара выключила газ, под давно насвистывающим чайником, и, поставив две кружки на стол, заварила растворимый кофе.

– Как же я, тебя назову? А! Вспомнила, Николка сказал Кику, или Киху? Ладно, придет домой, спрошу!

Пока остывал напиток, Тому, начали мучить сомнения.

– А вдруг, это у меня заскоки? Ну как может нормальный человек, разговаривать с пятнами на стене, и наливать две чашки кофе, если я, одна дома? Ну и что?

Я же одна, могу и десять чашек заварить, для себя! Было б только, кофе.

Тамара, попила кофе с бутербродом, со сливочным маслом и снова легла в постель. Стала вспоминать о Виталии Сергеевиче. Но вдруг поняла, что вспоминать нечего, она не знает, где он живет и кем работает. И ничегошеньки о нем, не знает вообще. Он встретил ее у театра. Была получка, и все выходили кучками, а она шла одна. Он спросил ее:

– Вы работаете в этом театре? – На ее утвердительный ответ, он сказал, что устраивается или хотел бы устроиться, в ваш коллектив. Тамара, по простоте душевной, или от одиночества, поддержала разговор и в конечном итоге, они договорились встретиться у нее дома и все обсудить. Он сказал, что одинокий, и недавно переехал в этот город, из Севастополя. Дома, разговоры были ни о чем, никакой дополнительной информации он о себе, ей не добавил. Только сказал, что рано утром уедет за вещами, и будет не раньше, чем через неделю. Обещал зайти на работу или домой, как получится.

А оно мне надо? Не мужик, а зефир в брюках.

– Да и хрен с ним! Слизняк, какой-то!

Ей хотелось, настоящего мужчину. Чтобы и сила была, и вид. Чтобы уж обнял, если, так чтоб сердце обмирало. Она стала представлять себе такого мужчину, и себя в его объятиях. Отдалась мечтам вся, без остатка, и когда закрывала глаза, то чувствовала нежные прикосновения к грудям и бедрам, было томно и сладко, но перед глазами не возникало лица колоритного красавца, а возникало лицо, со стены кухни. Она слышала нежный шепот, ее руки обнимали неосязаемое, но желанное тело, она погружалась все глубже и глубже в мир сладострастия и восторга.

Проснувшись Тамара к вечеру, звонили в дверь. Голос бабы Веры, кого-то отчитывал в подъезде. Тамара, соскочила с кровати, даже не успев удивиться, почему она совершенно голая и легкая истома, проходит приятной волной по ее телу. Накинув халатик, Тамара открыла дверь. Баба Вера, окинула ее подозрительным взглядом.

– Все вытягиваешься? Не выпалась, сердешная! Кайло бы тебе в руки, да на сорокоградусный мороз! Тогда бы, ты поняла, что такое усталость! А то, морду нападит, в куколки часа полтора поиграет, и притомилась, вся! Тьфу!

– Вас послушать, так кроме кайла, да лопаты, и инструментов для работы, не бывает! Что Вы, баба Вера,

на самом деле, все зло, на ком-то сорвать хотите? Ну, посмотрите на меня, что полезного я, смогу сделать с кайлом, да еще в мороз? А так, я детям радость приношу и себе на жизнь зарабатываю!

– А ты не серчай, это я так, для порядка, по привычке. Зарплату-то получила?

Баба Вера, сменила гнев, на милость. И голос, у нее, сразу стал теплым, а тон, заискивающим.

– Да. Сейчас принесу. Тома пошла в комнату за кошельком.

– Ты, пятнадцать, за долг неси, и еще десять, на Николку надо.

– Хорошо, я знаю! – Тамара вынесла кошелек и отсчитала деньги. Тома, часто занимала денег, у бабы Веры. Надо было покупать вещи, для себя и Николки, потому, не всегда хватало на питание.

– Что это ты, светишься вся изнутри? А! Ухажера нового нашла? Ну, напои чайком хоть, что ли, да и расскажешь, что за счастье тебе привалило.

Тамара отпираться не стала, заварила чай покрепче, рассказала о встрече с Виталием Сергеевичем, и что он, приедет через неделю, и еще всякой ерунды наплела, чтобы баба Вера осталась довольной и не приставала больше с расспросами. Но, баба Вера, все время косилась, на обои над столом. Потом поднялась, и, послушав палец, потерла переносицу на лице на стене. Потом покачала головой, и сказала:

– Как была ты, засранкой, с молоду, так ей и осталась! Тебе что, лень убрать вот эту гадость, над столом? Заляпал все, твой ирод, а ты, как будто и не замечаешь!

Баба Вера поднялась и широкими военными шагами, направилась к выходу. Тамара промолчала, с виноватым видом, проводила ее до двери.

– Как там Николка-то? Домой не просится?

– Нет. Только все Киху, какого-то, зовет. А тебя и не вспоминает даже.

У Тамары защемило сердце от обиды и жалости к сыну.

– Я забегу вечером, соскучилась по нему.

– И не вздумай даже, потом плакать начнет, к тебе проситься. Сиди уж!

Баба вера ушла, как всегда, громко хлопнув дверью. По лестнице раздавались ее жесткие шаги, и так до тех пор, пока не хлопнула дверь подъезда.

– Что б я, без нее, делала? Добрая она душа, не бескорыстная, конечно, но все равно, счастье, что я ее встретила на жизненном пути.

Подумала Тамара.

Через неделю, она уже забыла, о существовании Виталия Сергеевича. Она, скорей спешила домой, после представления или репетиции, кое-как перекусив, бросалась в постель и отдавалась своим грезам. Она расцвела на глазах. Взгляд у нее стал томным, и настолько пронизывающим внутренним своим светом, что все

мужчины оборачивались ей вслед. Она же не видела никого, она жила внутри себя, и, то, что творилось снаружи этой оболочки, ее вообще не интересовало. Николка, почти все время находился в детском саду или у бабы Веры. Киху, решил, что так продолжаться не должно. Что Тамара достойна счастья и любви, что Никитка должен жить в семье. И взял, устройство этого дела, в свои руки.

7.

Тамара, жила, на третьем этаже. А Киху, заметил и проверил, что на пятом этаже поселился мужчина, примерно такого же возраста, как Тамара. Что он одинок, Киху, не раз, бывал у него дома и наблюдал, за его образом жизни. По понятиям Киху, все должно было получиться. Только, надо выждать момент, чтобы их познакомиться. Для Киху, это вообще не проблема. Однажды мужчина с пятого этажа, отправился погулять вечером и заодно, купить себе батон и сигареты. Киху, вынул у него из кармана ключи от квартиры и когда он возвращался домой, воткнул его ключи, в замочную скважину Тамариной двери. Мужчина поднимался по лестнице, и вдруг, видит, что в двери торчат ключи. Сначала он прошел мимо, но потом заколебался.

— Время уже позднее, ключи в дверях, вдруг кто-нибудь ночью их заберет, или зайдет в чужую квартиру. — Так, развивая мысль, мужчина вернулся и позвонил в

звонок Тамариной двери. Тома вышла, вся еще при помаде, но уже в легком домашнем халатике. Мужчина, сразу заценил ее прелести.

— У Вас ключи, в двери торчат. Вы извините, что беспокоил, но мало ли что, всякие случаи бывают. —

Тамара расплылась в любезностях и благодарностях. Посетовала, что забывает, иногда, самые примитивные вещи. Еще раз поблагодарила мужчину, и взяв ключи, захлопнула дверь. Мужчина поднялся к себе на пятый этаж, но своих ключей, у себя в кармане не обнаружил. Он проверил все карманы, пакет и портмоне. Постоял, подумал, как быть? Даже попытался плечом надавить на двери, в надежде открыть, но все было тщетно. Киху, держал дверь с другой стороны. Поэтому, даже если, мужчина бы очень хотел сломать дверь, то вряд ли, он смог бы, это сделать. Он решил, идти по своим следам, может быть найдется пропажа. Но спустившись на третий этаж, вдруг позвонил, в уже знакомую дверь. Тамара открыла сразу, будто бы стояла за дверью и ждала этого звонка.

— Представляете, какой случай, я потерял свои ключи от квартиры! Не знаю, что и делать, дверь ломать жалко. Может быть, вы мне одолжите на несколько минут, хотя бы отвертку?

— Не знаю, как это вышло, но вы мне дали, не мои ключи. Мои ключи, оказались на месте. — Сказала Тама-

ра, немного растерянно. Она не знала, что думать, как расценить ситуацию.

– Может быть, Вы дали мне свои ключи?– Тамара подала ему ключи, и они, уже вместе, поднялись на пятый этаж. Каждый из них, держал в руках свои ключи. Дверь была благополучно открыта, и мужчина пригласил Тамару на чашечку чаю. Вот и завязалось знакомство, потом дружба, которая постепенно, переросла в любовь. Так повернула, сама собой, жизнь Тамары в другое русло. Квартиру, в которой жила Тамара, заняла баба Вера, продав свою коммуналку, отдала деньги Тамаре. Тамара с сыном, перебрались на пятый этаж, в трехкомнатную квартиру мужа. Все обошлось хорошо. Николка, тоже привык к новому папе, и они много времени проводили на прогулках в парке. Он, научил Николку хорошим словам, и научил, их правильно выговаривать. А те, что научил Киху, Николка быстро забыл, до поры до времени.

8.

Через пару месяцев, после переезда, Баба Вера стала тихой и вполне сносной по характеру. Не стала топтать, как солдат на плацу, и перестала, хлопать дверями. Тоненько выщипала брови, и расцвела своей зрелой красотой. Потом, года через два, постепенно, стала гаснуть, во взгляде чувствовалась, глубокая усталость. Чаще, стала сидеть на лавочке, старалась, как можно

меньше, находиться дома. Даже ночевать, напрашивалась, к подругам по лавочке. Но истинной причины, перемены в характере, внешнем виде, и причины своих поступков, никому не говорила. Приехал с севера сын, погостил у нее месяца три, хотела она, чтобы он забрал ее к себе, но сноха, отказала сразу, безо всяких оговорок. Сын, за время отпуска, все-таки сумел поменять, бабе Вере квартиру, на другой район города. В квартиру, где жила Тамара, а потом, баба Вера, въехали новые хозяева, и сделали капитальный ремонт. Перед тем, как въехать, новые жильцы, позвали попа и освятили квартиру.

Падал редкий, легкий снег. По улице шел большой, пушистый, серый кот. Он, шел неторопливо, со всем достоинством, неся свою усатую личность, по знакомой с детства улице. Если присмотреться, то в ночных сумерках, рядом с котом, можно разглядеть, еле заметную, припорошенную снегом чью-то фигуру. Но, это, если хорошо присмотреться. Кто приютит, этого бездомного кота, у него, и поселится Киху. Кот, своими лапами, обязательно нарисует лицо, на обоях кухни. Может быть, сначала, это, и не будет похожим на лицо, но потом, появятся новые штрихи и Киху, снова обретет себя. Так вот, благополучно, закончилась эта история. Но есть и другие, менее удачные развязки, такого сожительства с нежितью. Киху, простой обыватель. Но, есть, ярко выраженные личности, где они прибывают, кровь льется

рекой, и всегда находятся этому, вполне объяснимые, житейские причины. Человеческий фактор. Причина, же, истинная, никогда и никому, не приходит в голову.

Конец второй книги.

Литературно-художественное издание

Курбатова Софья Васильевна

РАССКАЗЫ О НЕЖИТИ

КНИГА ВТОРАЯ

КЛИНОК СКОПЦА

Иллюстрации на страницах
Курбатовой Софьи Васильевны

Иллюстрация на обложке
Игнашина Александра Анатольевича

Художественное оформление обложки
Курбатова Владимира Владимировича

Издание выполнено в авторской редакции

Подписано в печать 07.07.10. Формат 60х90/16.
Усл. печ. л. 15,75. Тираж 50 экз. Заказ № 15/0410.002

Издатель Мархотин Павел Юрьевич
141100 МО, г. Щёлково, Пролетарский проспект, 2-61

Тел.: (495) 968-74-08

www.ontoprint.ru

Отпечатано на собственной
полиграфической базе издателя